ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

И. И. Кузьминов

Издательство «Мысль»

Академия общественных наук
при ЦК КПСС
Кафедра политической экономии
и основ научного управления
социалистической экономикой

И. И. Кузьминов

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Издательство «Мысль»
Москва · 1971

33.043
К 89

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВПШ и АОН при ЦК КПСС

От автора

Предлагаемая вниманию читателей работа содержит очерки по отдельным вопросам политической экономии социализма, главным образом методологическим. Сюда относятся предмет и метод политической экономии, характер и система производственных отношений и экономических законов социализма, движущие силы и стимулы экономического развития при социализме и др. Автор рассматривает данную книгу как первую часть задуманного им труда. Во второй части будет предпринята попытка анализа процесса развития социалистического производства. Книга посвящается воспитанникам Академии общественных наук при ЦК КПСС, в работе с которыми вызревали ее основные положения.

1-7-4
6-71

Раздел I

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Глава первая

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА

1. Значение науки в развитии общества

Наука есть обобщенный опыт человеческой деятельности и прежде всего в области общественного производства. Накопление этого опыта есть основа научного познания, его предпосылка, потребности развития производства — его основной стимул.

Связь науки с производством не всегда столь непосредственна и не всегда ясна. Более того, эта связь иногда столь опосредована и завуалирована, что некоторые крупные ученые порой не видят и даже отрицают ее. Движущая сила развития науки, по мнению этих ученых, лежит в самой науке, в любознательности и стремлении к познанию мира, свойственных человеку.

Однако ссылка на любознательность как движущую силу развития науки сама требует разъяснения. Отнюдь не отрицая внутренних побуждений ученого, раздвигающего границы знания, мы все же должны признать, что именно потребности материального производства, потребности общественной практики человечества лежат в основе развития науки, в том числе и в основе творческой активности ученых даже в наиболее удаленных от практики подразделениях науки. Ф. Энгельс в письме к В. Боргиусу с полным основанием писал: «Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей степени наука зависит от *состояния* и *потребностей* техники. Если

у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торричелли и т. д.) была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость» [1].

Но, будучи порождена потребностями человеческой практики, наука со своей стороны оказывала и оказывает все большее воздействие на развитие материального производства и других сторон общественной жизни. Научное обобщение опыта означает выявление внутренних закономерностей развития природы и общества и в результате этого создает возможность наиболее эффективного руководства хозяйством и всей общественной жизнью. Замена эмпирического приспособления к объективным условиям сознательным использованием законов естествознания и обществоведения обеспечивает ускорение и повышение эффективности процесса общественного развития. Таким образом, наука в руках общественного человека превращается в мощное орудие познания и преобразования мира.

Современный период характеризуется особым повышением роли науки в жизни общества, что определяется прежде всего громадным объемом и быстрым развитием общественных производительных сил, а вместе с тем усложнением экономических связей производителей. Индивидуальное семейное сельское хозяйство, равно как и кустарное производство городского ремесленника, могло вестись на эмпирической основе, на основе приемов, передающихся из поколения в поколение. Современное крупное машинное производство, технический базис которого революционен, требует научной основы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 174. В «Диалектике природы» Энгельс также неоднократно подчеркивает этот момент: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей...

Когда после темной ночи средневековья вдруг вновь возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству... До сих пор хвастливо выставляют напоказ только то, чем производство обязано науке; но наука обязана производству бесконечно бо́льшим» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 493, 501).

Повышение роли науки в современный период определяется также и прогрессом самой науки, развитие которой достигло такой ступени, когда она все более вторгается в основы производства. Современная промышленность, по выражению Дж. Бернала, «целиком пропитана наукой»[1]. Наука стала существенной частью производства, она вторгается в быт, во все стороны общественной жизни.

Это соединение потребностей современного крупного машинного производства и развития науки и легло в основу новой научно-технической революции.

Повышение роли науки — явление общее для обеих систем мирового хозяйства. Но в капиталистическом обществе отжившая общественная форма производительных сил ставит объективные препятствия на пути реализации научных достижений, в связи с чем приложение науки отстает от ее современных потенций. Значительная часть научных сил направляется на изыскание методов непроизводительного и в первую очередь военного потребления и разрушения, методов оправдания и гальванизации существующего строя, приспособления производства и общественной жизни к разладу производительных сил и производственных отношений.

Лучшие умы Запада давно уже осознали это трагическое противоречие. Многие крупные ученые, подобно Дж. Берналу, отмечают, что новые методы, созданные наукой в условиях капитализма, с одной стороны, «ведут к безработице и перепроизводству, вовсе не являясь средством избавления от нищеты и нужды», а с другой — могут быть использованы и используются как орудия массового уничтожения и разрушения[2]. Это следствие того, что наука, ставшая могучей общественной производительной силой, подчиняется здесь интересам частной наживы.

В условиях же социализма производственные отношения не только не тормозят, они подталкивают, стимулируют развитие производительных сил, в том числе и развитие науки.

---

[1] *Дж. Бернал.* Наука в истории общества. Перевод с английского. М., 1956, стр. 387.

[2] См. *Дж. Д. Бернал.* Наука и общество. Перевод с английского. М., 1953, стр. 117.

При социализме изменяется социальная роль и место науки в обществе. Из орудия частной наживы отдельных лиц и групп, их взаимной борьбы наука превращается в орудие достижения цели, общей для всех членов общества, в орудие повышения общего благосостояния. Вместе с тем изменение природы хозяйства, ликвидация конкуренции и анархии производства, господство общественной собственности и плановое ведение всего народного хозяйства расширяют поле приложения науки до рамок всего общества и превращают ее в первейшую жизненную основу общественного развития. Поэтому проблема развития науки, повышения ее роли в социалистическом обществе является ныне несравненно более актуальной, чем в капиталистических странах.

Темпы развития науки в нашей стране выше, масштабы шире, чем в капиталистических странах, что непосредственно связано с присущими социализму особенностями развития производства. Американский ученый профессор Д. Прайс формулирует положение, согласно которому наука растет по закону сложных процентов, умножаясь на некий коэффициент в равные промежутки времени. На основе анализа статистических данных из истории развитых капиталистических стран Прайс устанавливает закон удвоения в течение 12—15-летнего периода числа научных журналов и научных публикаций, числа членов научных обществ и научных работников и т. д.[1] Установив этот факт, Прайс вынужден признать, что в СССР темпы развития науки неизмеримо выше, хотя и не может дать научного объяснения этого факта. На самом деле, общая численность научных работников в СССР выросла с 11,6 тыс. человек в 1914 г. до 98,3 тыс. в 1940 г. и до 822,9 тыс. человек в 1968 г.[2] Если бы рост числа научных работников в СССР шел по установленному Прайсом закону удвоения каждые 12—15 лет, тогда число научных работников в СССР в 1968 г. превышало бы уровень 1914 г. лишь примерно в 16 раз. В действительности же это превышение составляет 73 раза.

---

[1] См. «Наука о науке». Сборник статей. Перевод с английского. М., 1966, стр. 289.

[2] См. «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967, стр. 283; «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», Статистический ежегодник. М., 1969, стр. 695.

Формулируя упомянутую эмпирическую закономерность роста науки по принципу сложных процентов (экспоненциальный рост), Прайс вместе с тем делает существенную оговорку. Он указывает, что «в реальном мире не бывает так, чтобы вещи росли и росли до бесконечности», что на каждом этапе существует определенный «потолок», или «предел насыщения», после достижения которого кривая науки затухает, идет вниз, а затем снова начинает подниматься. Экспоненциальный рост науки, пишет он, есть начало логистической кривой [1].

Эти рассуждения Прайса интересны в том отношении, что они отражают воздействие циклического развития капиталистического производства на развитие науки и духовного производства вообще. В условиях капитализма материальное производство действительно не может идти все время вверх, без колебаний, топтания на месте и попятных движений. Мир социализма демонстрирует новую закономерность — закономерность непрерывного роста производства высокими устойчивыми темпами, что не может не сказываться и на характере динамики развития научной деятельности.

Не случайным является тот факт, что эпоха научно-технической революции совпадает с эпохой революций социальных. Современная научно-техническая революция является детищем периода общего кризиса капитализма, рождения и развития коммунистического способа производства. В этом сказались назревшие потребности развития современных производительных сил, которые переросли рамки капиталистических производственных отношений.

Социалистическая революция в нашей стране и затем в ряде стран Европы и Азии, высвободив здесь производительные силы из-под гнета капиталистических производственных отношений, открыла шлюзы для их развития и положила начало своеобразной бурной цепной реакции в области науки и техники. Эта реакция захватила и капиталистические страны. Здесь новым стимулом для развития научно-технического прогресса послужили возникновение нового противоречия современного мира — противоречия между социализмом и капитализмом на мировой арене и развитие экономического

[1] См. «Наука о науке», стр. 301, 303.

и научно-технического соревнования между социалистическими и капиталистическими странами. Но научно-технический прогресс в капиталистических странах в конечном счете способствует еще большему обострению внутренних противоречий и расшатыванию устоев капитализма.

2. Основные тенденции развития науки

Повышение роли науки в жизни общества находит свое выражение в опережающем развитии научной деятельности по сравнению с производством и другими отраслями труда. Конкретным проявлением этой тенденции служит опережающий рост численности научного персонала по сравнению с ростом числа лиц, занятых в производстве и во всех остальных отраслях труда, а также по сравнению с ростом населения в целом. Так, в нашей стране численность научных работников с 1913 по 1968 г. выросла, как уже указывалось, в 73 раза, рабочих и служащих — в 6,6 раза, а население страны — на 50% [1]. Та же тенденция, хотя и в более слабой форме, проявляется в капиталистических странах. Например, в США с 1931 по 1961 г. доля валового национального продукта, расходуемая на научные исследования, увеличилась с 0,39 до 2,84%, а доля персонала, занятого в научных исследованиях, — с 0,2 до 1,6% к общему числу занятых [2].

Отмеченная тенденция абсолютного и относительного роста численности научных работников послужила основанием для появления «теории предела» в развитии науки. Согласно этой теории, рост численности научных работников не может происходить бесконечно. В конце концов должен наступить такой момент, когда этот рост придет в противоречие с ростом материального производства. Это и будет пределом развития науки. Вряд ли можно согласиться с указанной теорией. Во-первых, развитие науки нельзя полностью отождествлять с ростом численности работников, занимающихся наукой. Так же как и в области материального производства, рост на-

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 9, 43.

[2] См. «Эффективность научных исследований». Сборник статей. Перевод с французского и английского. М., 1968, стр. 254—255.

учной продукции имеет своим источником не только рост численности занятых работников, но и рост производительности их труда. Производительность труда научных работников, несомненно, растет. Во-вторых, развитие науки нельзя отождествлять с ростом численности профессиональных ученых. Увеличение объема труда, затрачиваемого на научные исследования, может происходить как в результате роста численности профессиональных ученых, так и в результате привлечения к научной деятельности работников физического труда в материальном и нематериальном производстве. Этот второй источник закрыт или почти закрыт в условиях капитализма, в условиях растущей противоположности между умственным и физическим трудом. Только при социализме создаются новые, подлинно беспредельные возможности для развития науки. Социализм сближает умственный и физический труд, все более втягивает в процесс научного творчества работников физического труда. «Теория предела» в развитии науки фактически исходит из неизменности социальных условий капитализма.

Гигантские задачи, стоящие перед наукой, не могут быть разрешены лишь на основе увеличения научного персонала, или вообще лиц, вовлекаемых в процесс научного творчества. Для этого, как уже указывалось, требуется также повышение производительности научного труда. Как и в производстве, оно достигается путем улучшения подготовки и повышения квалификации научных кадров, путем дифференциации наук и специализации научных работников, путем совершенствования методов научного исследования, в частности вооружения ученых все более совершенными приборами и научной техникой, ускоряющими процесс исследования и освобождающими энергию и время ученых для творческой работы.

Первостепенное значение для эффективности научной работы имеет развитие творческих контактов между учеными. Подчеркивая значение этого фактора, академик Н. Н. Семенов указывает, что общение ученых всегда плодотворно и приводит к новым успехам. В связи с этим «общий успех в науке... отнюдь не является простой суммой успехов отдельных изолированных друг от друга ученых и вовсе не растет во времени пропорционально числу ученых, а гораздо быстрее. Вероятно, можно было

бы представить это даже в виде математической формулы» [1].

Дифференциация наук и специализация ученых являются одной из важных тенденций развития науки. В связи с этим число научных дисциплин непрерывно увеличивается, от существующих дисциплин отпочковываются новые. Процесс, происходящий в науке, можно уподобить растущему и все более разветвляющемуся дереву. Дж. Бернал, однако, считает, что для процесса развития науки больше подходит другое сравнение. Общая модель науки, пишет он, «больше похожа на сеть, чем на дерево... Сеть находится в постоянном процессе изготовления. Есть несвязанные концы, которые можно соединить различными путями» [2].

Дифференциация наук и специализация ученых дают возможность более глубоко проникнуть в неизведанное, обеспечивают повышение производительности труда научных работников и ускорение процесса развития науки.

Специализация сыграла и играет большую роль и в области подготовки кадров высшей квалификации, в том числе и научных кадров. Быстрое развитие техники, прогрессирующий рост научных знаний и научной информации требуют все большего срока подготовки кадров. В настоящее время для кадров с высшим образованием этот срок составляет 16—17 лет, т. е. около одной четверти человеческой жизни и около одной трети работоспособного возраста. Для научных кадров этот срок еще больше и имеет тенденцию к удлинению. Всем известны справедливые сетования на перегрузку учебных планов и программ в средней школе и особенно в высших учебных заведениях. Основной причиной торможения роста сроков обучения являлись до сих пор дробление специальностей и выпуск специалистов узкого профиля.

Однако прогрессирующая специализация в области научной деятельности порождает ряд специфических

[1] «Труд», 13 июля 1965 г. В качестве основных элементов в такую формулу должны, очевидно, войти как показатель численности ученых и уровня их квалификации, так и показатель степени развития контактов между учеными (по терминологии К. Маркса, кооперация современников) и показатель объема накопленных знаний и степени его использования (использование труда предшественников).

[2] «Наука о науке», стр. 387—388.

трудностей. Облегчая процесс научного исследования, специализация научных работников и научных учреждений в то же время порождает разобщенность между ними, затрудняет необходимые творческие контакты и вместе с тем приводит к увеличению числа смежных областей или совсем не разрабатываемых или слабо разрабатываемых учеными. Попытки разрешать это противоречие путем дальнейшей специализации учреждений и ученых в конечном счете воспроизводят его на расширенной основе, порождая своеобразный порочный круг.

Специализация облегчает в известной степени подготовку кадров, но прогрессирующее сужение специальностей приходит в противоречие с потребностями современного производства. Многие выпускники вузов — «узкие» специалисты уже сегодня встречаются на производстве со значительными затруднениями, которые в дальнейшем будут возрастать.

Как показывает опыт, специализация в области науки и подготовки кадров эффективна лишь в определенных пределах и при условии усиления кооперации и сближения наук, контактов между учеными различных, особенно смежных, специальностей.

Коренное решение указанных проблем надо искать, по-видимому, на пути основного направления развития современной науки и техники. Основная тенденция современного научно-технического прогресса — это *тенденция сближения основ технологии и принципов построения различных отраслей производства.* Сельское хозяйство все более сближается с промышленностью на промышленной основе, отдельные отрасли промышленности все более сближаются друг с другом на основе непрерывности технологического процесса и сближения технологии. В частности, методы механического воздействия на материал в процессе обработки замещаются методами термического, химического и электрического воздействия, определяя тем самым единство технологической основы различных отраслей производства.

В соответствии с этим намечается и своеобразная тенденция к сближению, взаимопроникновению, интеграции отдельных наук.

К. Маркс предвидел развитие этой тенденции. В будущем обществе, писал он, «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука

о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука»[1]. Это сближение отдельных наук происходит прежде всего путем универсализации, сближения их общего теоретического фундамента. «Единство физических наук... которому угрожали раскольнические тенденции XIX века к специализации, — пишет Дж. Бернал, — было с тех пор укреплено широким диапазоном новых наблюдений и теориями атома и кванта. Хотя старое деление на обширные области физики, химии и космологии и остается еще в силе, однако сейчас оно признается только как практическое, рабочее деление; лежащая в основе его картина материи является общей для всех этих наук. Вот почему почетное место при рассмотрении физических наук должно быть отведено развитию атомной физики...»[2]

Таким образом, последние достижения теоретической физики явились основой для сближения отдельных специализированных областей естествознания. То же самое можно сказать и о положении в общественных науках.

Сложилось мнение, будто фундаментальные, или теоретические, науки — это нечто далекое и оторванное от жизни, что истинную ценность представляют для общества лишь науки прикладные, дающие немедленный экономический эффект. Эта точка зрения сформировалась под воздействием практики капиталистического бизнеса, требующего немедленной «отдачи» любого вложения капитала. Не случайно, что частный предприниматель неохотно идет на расходы на крупные теоретические исследования и стремится переложить их на государственный бюджет, т. е. на плечи налогоплательщиков. Поэтому за последние десятилетия, когда все более выясняется роль фундаментальных исследований, государственные расходы на науку в империалистических странах сильно возросли.

В наших условиях нигилистическое отношение к теории и теоретическим исследованиям имеет своей питательной почвой экономическую малограмотность некоторой части хозяйственных кадров, а также пережитки субъективизма и грубого «экономизма» как у практических, так, отчасти, и теоретических работников, склон-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 596.

[2] *Дж. Бернал*. Наука в истории общества, стр. 397.

ных иногда рассматривать разработку теоретических проблем как «отрыв от жизни», как пустое и бесполезное занятие.

В действительности же фундаментальные науки, хотя и не всегда дают немедленные и ощутимые практические результаты, вместе с тем таят в себе наиболее глубокие и революционные потенции развития производства и общественной жизни, являются необходимой основой для прикладных наук. Но это значение фундаментальных наук обнаруживается лишь в течение длительного периода и не в одном, а в ряде направлений.

В связи с этим Сесиль Франк Пауэлл замечает: «Фундаментальные исследования в области ядерной физики — а она пример чистой науки, — конечно, являются существенной основой для возможности создания ядерных электростанций; однако это только один ее «выход». Ядерная физика имеет сегодня множество «выходов»; достаточно упомянуть лишь те, что связаны с достижениями химии, техники и физики твердого тела...

Очень важно, чтобы эта проблема не рассматривалась узко и чтобы о ценности какой-либо области науки не судили, исходя исключительно из соображений немедленной материальной выгоды. Открытие универсального закона тяготения или строения вещества оказало малое непосредственное влияние на экономику, но их вклад в дело становления и развития науки был колоссален. Или еще пример: разработка квантовой механики в первые годы ее существования казалась весьма далеким от жизни и абстрактным занятием; однако она, помимо ее огромного значения для физики, заложила основы теоретической химии. В результате она стала важнейшим звеном в цепи открытий, приведших к современным достижениям молекулярной биологии и к огромным успехам последних лет в понимании жизненных процессов. Применения квантовой механики сегодня многочисленны и неоценимы по своему значению.

Вполне можно предположить, что новейшие достижения в физике частиц, которые сегодня нам кажутся еще «вещью в себе», спустя некоторое время окажутся не менее значительными и продуктивными, чем открытия, сделанные в области ядерной физики в прошлом. Они могут... оказаться весьма существенным шагом в направлении к совершенно новым областям человеческой

деятельности, о которых мы сегодня не имеем ни малейшего представления»[1]. Пауэлл подчеркивает, что выгода от развития фундаментальной (или чистой) науки «имеет совсем другой порядок величины, чем от менее широких по своему охвату исследований, так как результаты первых требуют гораздо большего времени для своего «вызревания»»[2].

Мысль о громадном и все возрастающем значении фундаментальных наук развивается в выступлениях академика Н. Н. Семенова. Выступая за максимальное и сбалансированное развитие всех отраслей науки, академик Н. Н. Семенов справедливо указывает на особое место, которое занимают в системе наук фундаментальные науки. Особенностью современной науки является то, что она подошла к раскрытию глубочайших тайн природы, в частности к изучению недр атома — элементарных частиц — и законов их движения. Это создает возможность возникновения новых, невиданных ранее источников энергии, новых материалов, новых производственных методов.

«Ученые ведут «разведку» именно тех свойств материи, которые еще не нашли отражения в производстве, но которые сами должны родить новые, невиданные ранее производства...

Итак, главной особенностью науки двадцатого века является то обстоятельство, что она перестала быть только служанкой производства, а превратилась в мать производства»[3].

В связи с этим устанавливаются новые, гораздо более сложные связи науки и производства. Фундаментальная наука закладывает основы новых переворотов в производстве, дальнейшее развитие которых и приложение к практике являются задачей наук прикладных. Без прикладных наук не могут быть реализованы потенции наук фундаментальных. Прикладные науки выступают в системе наук как продолжение и развитие фундаментальных, их конкретизация и реализация в определенных областях и направлениях. Но это значит, что любое приложение науки к практике имеет своим глубоким источником развитие теоретических, или фундаментальных,

[1] «Наука и человечество. 1966», стр. 221.
[2] Там же, стр. 220.
[3] «Правда», 26 ноября 1962 г.

наук. Нельзя упускать из виду эту взаимосвязь различных областей науки.

По мере развития науки, техники и общественной жизни наиболее глубокие резервы науки все более перемещаются в область теоретических, или фундаментальных, наук. Отсюда необходимость опережающего развития этого раздела науки. Если производство средств производства должно опережать производство средств потребления, если техника производства должна опережать развитие производства, а наука — развитие техники, то *внутри самой науки развитие ее теоретической, или фундаментальной, части должно идти опережающими темпами.* Именно здесь, в отраслях знания, на первый взгляд очень далеко отстоящих от практики и мало связанных с ней, таятся источники революционных переворотов в производстве.

Хотя фундаментальная наука играет ведущую роль в развитии науки, она до сих пор, очевидно, по традиции пользуется наименьшим вниманием, на ее развитие тратится наименьшее количество средств и в ней занято наименьшее число ученых[1]. Между тем всякое отставание этого участка науки грозит истощением общих ее потенций. Академик Н. Н. Семенов справедливо замечает, что «в триаде — фундаментальная наука («разведка» тайн материи), прикладная наука (изучение путей использования данных «разведки»), техника (использование новых свойств материи применительно к производству) — особенно трудно и медленно создается фундаментальная наука и готовятся соответствующие кадры ученых, хотя здесь занято наименьшее число людей. Всякое отставание в этой сфере — недостаточно определенная организационная форма развития фундаментальной науки, прорывы в ее фронте, недостаточное количество

[1] Сесиль Франк Пауэлл по этому поводу замечает: «...в экономически развитых странах примерно 2—3 процента суммарного национального продукта сейчас идет на все виды работ в области исследований и модернизации технологии; на фундаментальные науки приходится около 0,2—0,3 процента, тогда как на вооружение расходуется до 7 процентов. Подобную пропорцию, я думаю, не следует считать особенно благоприятствующей фундаментальным исследованиям в такой период истории человечества, когда развитие науки стало знамением времени, когда страну без отличной науки и ученых нельзя считать сильной ни в каком отношении» («Наука и человечество. 1966», стр. 220).

и качество научных кадров а также слабая оснащенность институтов, в которых сосредоточено развитие фундаментальных наук, — отрицательно сказывается на техническом потенциале страны, делает ее зависимой от иностранной фундаментальной науки, а следовательно, обрекает на отставание и прикладную науку, и технику»[1].

Сближение основ производства в различных отраслях хозяйства, процесс интеграции и сближения наук, возрастающее значение фундаментальных наук — все это определяет и пути перестройки высшего образования и подготовки кадров. Многие крупные ученые не раз отмечали, что прогрессирующая специализация и сужение профиля специалистов находятся в противоречии с требованиями развивающейся научно-технической революции, а это противоречие в свою очередь чревато рядом больших трудностей для развития социалистического общества. Ректор Новосибирского государственного университета академик С. Беляев совершенно правильно замечает, что современная система образования должна готовить специалиста, который был бы все время на уровне современной науки, рос вместе с наукой и техникой. Для этого он должен обладать прежде всего способностью и умением самостоятельно ориентироваться в потоке знаний и усваивать все, ему необходимое. Одним словом, он должен быть подобным машине, обладающей свойством самонастройки и саморегулирования, широкого выбора режима, наиболее отвечающего данной обстановке. «Как правило, — пишет академик С. Беляев, — такие возможности дает только глубокая и серьезная подготовка по фундаментальным наукам. Для инженера это прежде всего глубокое, активное знание физики и математики. На их основе — общеинженерные науки. И наконец, подготовка к узкой конкретной области, но не с целью освоения всей имеющейся здесь информации, а скорее для изучения методики ее накопления и оценки. Лучше всего, если наш специалист будет затем работать самостоятельно в том же узком направлении. Но никакой беды не произойдет и при некоторой переориентации»[2].

---

[1] «Правда», 26 ноября 1962 г.
[2] «Известия», 19 сентября 1969 г.

3. Значение общественных наук. Политическая экономия — научная основа руководства хозяйством

Переломные моменты в жизни общества, т. е. эпохи социальных революций, всегда означали и переломы в развитии общественных наук. При этом революция в общественных науках, т. е. перелом в общественном сознании, начинается раньше фактического переворота в социальных отношениях. Назревшие потребности в развитии производительных сил находят свое отражение в сознании передового класса, выступающего движущей силой революции.

Эпоха пролетарской социалистической революции породила марксистско-ленинскую теорию общественного развития, означавшую подлинный революционный переворот в обществознании. Марксистско-ленинская теория явилась могучим оружием в руках пролетариата в процессе свержения господства капитала и построения нового, коммунистического общества.

Наша партия всегда придавала и придает первостепенное значение революционной теории. Это отношение партии к теории ярко выражено в словах В. И. Ленина: «Без революционной теории не может быть и революционного движения... *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*»[1].

В. И. Ленин особо подчеркивал положение Ф. Энгельса о трех формах борьбы в революционном движении рабочего класса — политической, экономической и теоретической. Эти указания были направлены против «экономистов» с их преклонением перед стихийностью, хвостизмом, отрицанием ведущей роли партии рабочего класса, принижением роли партии и социалистического сознания. Уходя своими корнями в психологию мелкой буржуазии, идеология «экономизма» жива и в настоящее время. Если в капиталистических странах она удерживает рабочий класс от политической борьбы, в социалистических странах она используется вражеской агентурой для подрыва позиций социализма. Перед партиями рабочего класса стоят задачи развертывания фронта теоретической борьбы, укрепления своей авангардной роли, внесения социалистического сознания в массы.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 24, 25.

Наша партия в своей многосторонней деятельности руководствуется богатейшим теоретическим наследием марксизма-ленинизма и развивает его далее в тесной связи с революционной практикой. В Программе КПСС общественные науки охарактеризованы как научная основа руководства обществом и подчеркнута необходимость интенсивного развития исследовательской работы в этой области [1]. В соответствии с указаниями В. И. Ленина в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIII съезде партии подчеркивалось: «Дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинской теории партия рассматривает как важнейшую задачу, как необходимое условие успехов в строительстве коммунизма... Развитие общественных наук и внедрение их рекомендаций в практику играет не менее важную роль, чем использование достижений естественных наук в сфере материального производства и развитии духовной жизни народа» [2].

При социализме, когда роль общественных наук повышается, создаются и наиболее благоприятные условия для их быстрого развития.

Особое значение для руководства обществом имеет марксистско-ленинская экономическая теория, что обусловливается той ролью, которую играет экономика в развитии общества. Производственные, т. е. экономические, отношения людей определяют все другие общественные отношения. Совокупность производственных отношений образует экономический базис общества, на котором возвышается политическая, юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Следовательно, производственные отношения, или экономический базис, определяют, обусловливают социальный, политический и духовный процесс общественной жизни, а научное познание экономического базиса является необходимым условием успешного познания всех других ее сторон.

Экономическая теория занимает центральное место в работах классиков марксизма-ленинизма. Характеризуя учение К. Маркса, В. И. Ленин писал: «Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое

[1] См. «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 417.
[2] «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 86.

учение»[1]. В работах В. И. Ленина анализу экономических вопросов также отведено центральное место. Разработка вопросов экономической теории диктовалась насущными потребностями революционного движения и строительства нового общества и велась в теснейшей связи с запросами жизни.

Марксистская политическая экономия создавалась в процессе революционного движения рабочего класса, на основе обобщения опыта этого движения, как орудие пролетариата в его борьбе за свержение господства капитала. Выясняя законы развития капитализма, марксистская политическая экономия вооружает рабочий класс уверенностью в окончательной победе, знанием цели, путей ее достижения, служит научным обоснованием стратегии и тактики в период социалистической революции.

Свержение власти капитала ставит перед рабочим классом и его партией задачи созидательного творчества новых форм общественного устройства и, следовательно, требует развития экономической теории в новых условиях. Развивая далее указания К. Маркса и Ф. Энгельса, обобщая опыт первой в мире страны социализма, В. И. Ленин закладывает прочные основы нового раздела политической экономии — политической экономии коммунистической формации, включающей теорию переходного периода от капитализма к социализму, анализ социалистических производственных отношений, определение путей перехода от первой ко второй фазе коммунизма.

Положение и роль марксистской политической экономии в условиях социализма коренным образом изменяются: из орудия разрушения капитализма она превращается в орудие успешного строительства и развития нового общества, в орудие наиболее эффективного руководства социалистической экономикой.

Для того чтобы политическая экономия в условиях социализма могла выполнить эту ответственную роль, необходимо, с одной стороны, постоянное развитие самой науки в соответствии с требованиями жизни, а с другой — освоение всех ее достижений и использование их в практике хозяйственного руководства. Основная задача политической экономии — выявление и раскрытие

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 60.

законов экономического развития. Основная задача хозяйственных руководителей состоит в том, чтобы использовать экономические законы социализма для повышения научного уровня руководства хозяйством. Политическая экономия в условиях социализма — научная основа руководства хозяйством.

Развивая теоретическое наследие классиков, обобщая опыт строительства социалистической экономики, советская экономическая наука сделала большой шаг вперед в области развития политической экономии социализма. Разумеется, работа в этом направлении далеко не завершена. Но и в своем теперешнем виде политическая экономия социализма неплохо служит делу хозяйственного руководства, идеологической борьбы и воспитательной работы.

Развитие экономической науки, как и других отраслей науки, пошло по пути прогрессирующей дифференциации и специализации работников и научных учреждений. Этот процесс был тесно связан с экстенсивным расширением сферы научных исследований в области экономики, увеличением сети научных учреждений, возникновением новых научных дисциплин преимущественно прикладного характера и еще большего числа научных специальностей. Он стимулировался непосредственно потребностями практики хозяйственного строительства и имел определенное положительное значение. Об этом свидетельствуют и быстрые темпы роста численности научных работников-экономистов. Так, лишь за последние 13 лет число научных работников-экономистов выросло с 8247 человек в 1955 г. до 46 711 человек в 1968 г., т. е. в 5,6 раза, в то время как общая численность научных работников в стране увеличилась за тот же период в 3,6 раза [1].

Но этот процесс имел и свою теневую сторону. Во-первых, он был связан с развитием экономической науки преимущественно вширь, что не всегда сопровождалось повышением эффективности научных исследований. Во-вторых, он шел преимущественно по пути развития прикладных дисциплин, без соответствующего усиления

[1] См. «Культурное строительство СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 250; «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 696.

внимания к фундаментальной, теоретической части науки, т. е. политической экономии.

В результате этого создалась своеобразная диспропорция между теоретической и прикладной частями экономической науки, которая стала тормозить и развитие прикладной науки. Некоторые экономисты явно недооценивали экономическую теорию почти совсем в духе Брентано, про которого Ф. Энгельс писал: «Чтобы показать Вам, до каких глубин деградации пала экономическая наука, Луйо Брентано опубликовал лекцию «Классическая политическая экономия» (Лейпциг, 1888), в которой он провозглашает: общая, или теоретическая политическая экономия ничего не стоит; вся сила лежит в специальной, или практической, политической экономии. Как и в естествознании (!), мы должны ограничиваться *описанием* фактов... «Как в естествознании!». Это *неподражаемо!* И это в век Дарвина, Майера, Джоуля и Клаузиуса, в век эволюции и превращения энергии!»[1] Не менее удивительно пренебрежительное отношение к теории в наш век — век социалистической революции и бурного научно-технического прогресса.

Наконец, усиленная специализация работников обусловливает сужение их научного кругозора, затруднение живого творческого контакта между ними, что ограничивает возможность интенсивного выдвижения крупных новых обобщающих идей. Одним словом, положение в области экономической науки со своей стороны подтверждает мнение Дж. Бернала и других крупных ученых о «раскольнической», отрицательной роли узкой специализации.

И в области экономической науки основным средством противодействия этой отрицательной роли узкой специализации является сближение отдельных дисциплин на пути укрепления связи с их жизненной основой — политической экономией, преодоление того барьера, который защитники узкой специализации ставят между прикладными дисциплинами и экономической теорией. В действительности же прикладные конкретно-экономические дисциплины являются не чем иным, как продолжением и конкретизацией положений и выводов политической экономии в определенных областях. Укрепле-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 92—93.

ние связи между прикладными экономическими дисциплинами и экономической теорией позволило бы приблизить к жизни общие положения политической экономии, с одной стороны, и поднять теоретический, научный уровень конкретных, прикладных дисциплин — с другой. Основным условием этого является ликвидация отставания в развитии экономической теории, опережающее развитие политической экономии, и особенно политической экономии социализма. Именно здесь таятся наиболее глубокие резервы и для повышения научного уровня руководства хозяйством, и для развития прикладных экономических дисциплин, и для успеха нашей идеологической работы.

Этот момент единства экономических дисциплин и ведущее, определяющее значение в этом единстве политической экономии явно недооцениваются (а иногда и отрицаются) защитниками узкой прогрессирующей специализации, не желающими признавать важнейшую тенденцию развития современной науки — тенденцию сближения отдельных научных дисциплин на основе повышения роли фундаментальной, теоретической науки.

Сам термин «система экономических наук», который так часто (к месту и не к месту) обыгрывается сторонниками указанной позиции, означает, что налицо некое единство, в котором имеется ведущее, определяющее звено. В данном случае ведущим, определяющим звеном является политическая экономия социализма, объединяющая и питающая жизненная основа прикладных экономических дисциплин. Успешное развитие политической экономии социализма служит источником, условием, предпосылкой развития и этих прикладных дисциплин.

Будучи последовательными, некоторые сторонники указанной выше позиции делают вывод о том, что политическая экономия социализма «как часть теоретической науки» не имеет и не может иметь непосредственно практического значения, не дает и не может давать конкретных рекомендаций и обоснований экономической политики, ибо для этого «необходимы конкретные экономические исследования», а это — дело конкретных отраслевых дисциплин [1]. Этот более чем странный вывод

[1] См., например, «Система экономических наук». Сборник. М., 1968, стр. 49, и др., а также «Экономическая наука и хозяйственная практика». Экономический ежегодник. М., 1965, стр. 156—157, и др.

целиком базируется на противопоставлении политической экономии, с одной стороны, и конкретно-экономических исследований прикладных экономических дисциплин — с другой.

Но противопоставлять политическую экономию социализма и конкретно-экономические исследования нельзя, ибо эти исследования суть важнейшее средство развития теоретической науки. К. Маркс и В. И. Ленин, разрабатывая важнейшие проблемы политической экономии, в самой широкой степени прибегали к исследованию конкретного экономического материала. Политическая экономия социализма как новая отрасль политической экономии может развиваться дальше лишь на основе широко развернутого исследования и обобщения жизненного материала.

Развитие политической экономии социализма, как уже указывалось, является основой и дает стимул для развития прикладных экономических дисциплин. Но было бы неверно этим ограничивать ее практическое значение. Политическая экономия, как и другие фундаментальные науки, употребляя терминологию Пауэлла, имеет множество «выходов» в практику, т. е. множество путей воздействия на практику, как посредством развития прикладных наук, так и непосредственных. Так, известные формулы политической экономии об опережающем развитии производства средств производства, о неуклонном росте производительности труда, о количестве денег, необходимых для обращения, и другие имеют непосредственное значение для планирования и руководства хозяйством. Необходимость учета конкретных обстоятельств времени и места при использовании этих формул не снижает их громадной практической ценности.

К сожалению, политическая экономия социализма еще не богата подобными научными формулами. Прогресс в развитии политической экономии социализма будет означать и повышение ее роли в непосредственном воздействии на практику хозяйственного строительства и идеологическую работу.

Глава вторая
ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

1. Классики марксизма-ленинизма о предмете политической экономии

Что такое политическая экономия, каков ее предмет? Буржуазные экономисты дали немало отличающихся по форме ответов на этот вопрос. Американский экономист П. Самуэльсон в своем курсе «Экономика» приводит следующие пять наиболее типичных и чаще всего встречающихся определений:

«1. Экономическая теория есть наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми.

2. Экономическая теория есть наука об использовании людьми редких или ограниченных производительных ресурсов... для производства различных товаров...

3. Экономическая теория есть наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечении ими средств к существованию и использовании этих средств.

4. Экономическая теория есть наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства.

5. Экономическая теория есть наука о богатстве» [1].

Несмотря на некоторые различия этих определений, все они сходятся в том, что предметом экономической теории считают производство или хозяйственную деятельность, взятую в общем и целом. Но хозяйственная деятельность людей, взятая в целом, включает в себя самые разнородные элементы, изучаемые различными науками. Например, такие важные моменты хозяйственной деятельности людей, как техника и технология, входят непосредственно в предмет естественных наук. Опре-

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика. Перевод с английского. М., 1964, стр. 25.

деления предмета экономической теории, которые даются буржуазными экономистами, не выявляют ее истинных границ и специфичности.

Подлинно научное решение вопроса о предмете политической экономии дано в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Величайшим научным открытием К. Маркса явилось его положение об общественно-экономической формации и ее развитии как естественноисторическом процессе. Выдвигая это положение, К. Маркс выделяет из всех областей общественной жизни область экономическую или экономический базис общества и трактует его не как совокупность вещей, орудий труда или приемов обработки вещества природы (технологии), а как совокупность отношений людей по производству, т. е. тех отношений, в которые они вступают друг с другом в процессе производства.

К. Маркс пишет: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [1].

К. Маркс совершенно четко и ясно определяет здесь экономику, экономическую структуру общества, или экономический базис, как определенную совокупность производственных отношений. Именно эту совокупность производственных отношений он и считает предметом политической экономии.

Определив экономические отношения, экономику как отношения людей друг к другу в процессе производства, К. Маркс отграничил их от техники и технологии, т. е. от отношений людей к природе. «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 6—7.

определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»[1].

Следовательно, отношение людей к природе может существовать и развиваться только через посредство общественных связей по производству, через производственные, т. е. экономические, отношения людей.

Исключает ли определение К. Маркса из сферы внимания экономистов производительные силы? Отнюдь не исключает, поскольку производственные отношения представляют собой общественную форму производства, которая не может быть оторвана от содержания. Но развитие этого содержания, т. е. производительных сил, внутри данной формации определяется закономерностями свойственных ей специфических производственных отношений. Только через призму этих отношений можно правильно установить и процесс развития производительных сил, что убедительно показано в работах К. Маркса, и прежде всего в «Капитале».

Ф. Энгельс, разъясняя позицию К. Маркса по этому вопросу, писал: «...политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами»[2], хотя в товарном хозяйстве эти отношения и проявляются как вещи или отношения между вещами.

Ф. Энгельс подчеркивал, что политическая экономия занимается не вещами, не производством вообще, а отношениями между людьми по производству, и с полной определенностью указывал, как надо понимать такие отношения. Это не отношения общества и природы, а отношения между людьми и в конечном счете отношения между классами. Тот факт, что отношения между людьми в товарном хозяйстве проявляются как вещи или отношения вещей, объясняет, почему буржуазные экономисты понимают предмет политической экономии как отношение вещей или производство вообще. Их представление складывается на основе поверхности явлений.

В. И. Ленин, отстаивая положения К. Маркса и Ф. Энгельса о предмете политической экономии, неоднократно подчеркивал, что этот предмет — «вовсе не «производ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 441.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 498.

ство материальных ценностей», как часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству», что политическая экономия занимается не «производством» вообще, не «производством материальных ценностей», а «общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства»[1]. В рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова В. И. Ленин, касаясь вопроса о предмете политической экономии, писал: «Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как «науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии», и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии, сбивающимися с «общественных отношений производства» на производство вообще...»[2] Конкретизируя это определение, В. И. Ленин указывал: «Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде»[3].

Следовательно, предметом политической экономии является не процесс труда, а отношения людей по производству, т. е. производственные отношения.

Ценнейшее значение в этом плане имеют комментарии В. И. Ленина к теоретическому анализу К. Маркса. «Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса»[4],— писал В. И. Ленин, характеризуя экономическое учение марксизма. Основное внимание в своих работах К. Маркс уделяет анализу производственных отношений капитализма. «Этот анализ,— отмечал В. И. Ленин,— ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превра-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 195; т. 3, стр. 53.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 35.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 45.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 60.

щается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации». Таков, писал В. И. Ленин, скелет «Капитала» — главного труда Маркса, в котором он объясняет «строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями» [1].

2. Производительные силы, производственные отношения и надстройка

Мы привели эти выдержки для того, чтобы показать, что классики марксизма-ленинизма четко, ясно и в категорической форме определили предмет политической экономии и дали высокие образцы его разработки.

Несмотря на это, в нашей литературе до сих пор продолжаются споры о том, что же является предметом политической экономии. Основной тенденцией критических выступлений по данному вопросу является тенденция к расширительной трактовке. Расширительное толкование предмета политической экономии идет прежде всего в направлении включения в предмет наряду с производственными отношениями производительных сил. Выступления подобного рода можно было наблюдать в происходившей в 1929 г. дискуссии между так называемыми механистами и рубинистами, т. е. последователями Рубина [2]. Дискуссия эта носила во многом схоластический характер. Обе стороны стояли на позиции бухаринского ограничения предмета политической экономии лишь товарно-капиталистическим хозяйством. Поэтому для развития политической экономии социализма она не имела существенного значения. Отметим лишь, что механисты в своих выступлениях против рубинистов, равно как и их противники, в трактовке предмета политической экономии часто скатывались на позиции «производства

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр 138—139.

[2] Интересующихся этой дискуссией отсылаем к сборникам: «Против механистических тенденций в политической экономии», Госиздат, 1929; «Рубинщина или марксизм». Госиздат, 1930.

вообще». Данная точка зрения высказывалась и в других выступлениях.

В последние годы в печати и устных дискуссиях вновь стали появляться высказывания о том, что в предмет политической экономии наряду с производственными отношениями следует включать производительные силы и, следовательно, предметом политической экономии является производство вообще, способ производства [1]. Аргументация в пользу данного утверждения сводится обычно к ссылкам на цитаты, которые толкуются в том смысле, что-де политическая экономия изучает способ производства, т. е. и производительные силы, и производственные отношения. К. Марксу иногда приписывается даже мысль о том, будто он понимал производственные отношения как отношения людей к природе (производительные силы) и друг к другу. Применительно к политической экономии социализма выдвигается еще и тот довод, что, поскольку производительные силы являются объектом планирования, постольку они должны быть и предметом политической экономии.

К. Маркс действительно в экономических рукописях 1857—1858 гг. в самом начале указывал, что «предмет исследования — это прежде всего *материальное производство*», а «общественно-определенное производство индивидуумов — таков, естественно, исходный пункт» [2]. В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» К. Маркс также подчеркивал, что предметом его исследования в этой работе является капиталистический способ производства [3]. Однако, определив исходный пункт своего исследования, он не останавливается на этом, а идет дальше, уточняя предмет и рамки исследования. Полемизируя с представителями буржуазной политической экономии, К. Маркс выделяет из способа производства его общественную форму — производственные отношения и, как уже указывалось, формулирует одно из коренных положений своего учения — положение об экономическом базисе общества как совокупности

---

[1] См. «Вопросы экономики», 1964, № 7, стр. 104—116; «Методологические проблемы экономической науки». М., 1967, стр. 167—178; ««Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма». М., 1967, стр. 22—37, и др.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 709.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 6.

производственных отношений и именно эту совокупность рассматривает как предмет политической экономии.

Что такое экономика, экономический базис общества? Этот теоретический вопрос приобретает в современных условиях актуальное значение. Некоторые экономисты утверждают, что экономика — это производство вообще, или еще уже — это совокупность вещественных элементов производства. Но К. Маркс был далек от такого понимания экономики. Он неустанно повторял, что политическая экономия не технология, что машина сама по себе не является экономической категорией, что товар, капитал и так далее он рассматривает не как вещи, а как экономические отношения производства [1].

Обычным аргументом противников принятого определения предмета политической экономии является утверждение, будто это определение означает «отрыв производственных отношений от производительных сил», «отказ от анализа производительных сил» и «от изучения закономерностей и тенденций развития производительных сил». Однако этот аргумент лишен оснований. Производственные отношения представляют собой общественную форму развития производительных сил, общественную форму производства. Об отрыве этой формы от содержания не может быть и речи [2]. В нашей

[1] Отдельные экономисты приписывают К. Марксу двоякое понимание способа производства: способ производства в широком смысле слова как единство производительных сил и производственных отношений и способ производства в узком смысле слова как единство, совокупность производственных отношений (см. *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма. М., 1966, стр. 29). Но ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин не разделяли этого мнения, и попытка автора сослаться на Ленина (стр. 30) потерпела явную неудачу. Совокупность производственных отношений классики марксизма-ленинизма всегда именовали экономическим базисом, или экономической структурой, общества. Указанное понимание отразилось и на определении предмета политической экономии социализма, которое дается автором. Выступив вначале против расширительной трактовки предмета, автор в конце концов приходит к заключению, что предметом политической экономии социализма являются «социалистические общественные отношения производства в целом, рассматриваемые в неразрывной, определяющей их взаимосвязи с социалистическими производительными силами, или социалистический способ производства» (стр. 175). Здесь уже не делается никакой оговорки насчет того, в узком или широком смысле слова толкует автор понятие способа производства.

[2] Некоторые сторонники расширительного толкования предмета политической экономии выступают за изучение производительных

экономической литературе как в довоенное, так и в послевоенное время предмет политической экономии всегда поэтому определялся как изучение производственных отношений в их связи и взаимодействии с производительными силами.

Характер этого взаимодействия двоякий. С одной стороны, развитие производительных сил вызывает определенные изменения в производственных отношениях: внутри данного способа производства оно служит основой развития данных производственных отношений, при переходе от одной формации к другой определяет необходимость смены отживших отношений новыми. С другой стороны, производственные отношения активно воздействуют на производительные силы, подталкивая их развитие в определенную сторону. Убедительные примеры этой взаимосвязи показаны в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Вне связи с производственными отношениями развитие производительных сил регулируется законами природы и изучается естественными науками.

Все сторонники пересмотра «старого» определения предмета политической экономии твердят о каких-то особых закономерностях развития производительных сил. Но развитие производительных сил в связи с их общественной формой регулируется экономическими законами, которые суть законы развития производственных отношений. К. Маркс в «Капитале» показывает процесс развития материально-технической базы капитализма как процесс развития эксплуатации наемного труда капиталом, т. е. основного производственного отношения капитализма. Другими словами, К. Маркс раскрывает здесь основной экономический закон капитализма как закон, регулирующий развитие производительных сил, в том числе и капиталистической техники.

Тот же подход необходим и при анализе материально-технической базы коммунизма, которая создается и развивается как техническая основа крепнущего товарищеского сотрудничества и взаимопомощи ассоцииро-

---

сил «с их общественной стороны» или их «социально-экономического содержания» (см. ««Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма», стр. 30—33). Но общественная сторона, или общественная форма, производства — это и есть производственные отношения.

ванных производителей. И в условиях социализма развитие производительных сил, в том числе и материально-вещественных элементов, регулируется и направляется основным производственным отношением, основным экономическим законом и другими специфическими законами коммунистической формации. Техника складывается под влиянием общественной формы того или иного способа производства. Капиталистическая машинная техника складывалась как орудие эксплуатации наемного труда. Коммунистическая техника создается и должна создаваться как орудие объединенного, коллективного и все более эффективного труда. Этот момент далеко небезразличен и для технических решений. Наши технологи и конструкторы должны хорошо представлять себе социально-экономические требования к технике, быть экономически образованными людьми. Поэтому правильный анализ тенденций современной научно-технической революции в нашей стране и процесса создания материально-технической базы коммунизма возможен лишь при условии действительного изучения и раскрытия содержания социалистических производственных отношений и законов их развития.

Авторы коллективной статьи в журнале «Вопросы экономики», выступающие за включение в предмет политической экономии производительных сил и толкующие соответствующим образом высказывания К. Маркса по этому вопросу, в итоге, однако, приходят к следующему выводу: «Но поскольку способ производства есть единство двух сторон общественного производства — производительных сил и производственных отношений, то, следовательно, предметом политической экономии социализма должны быть социалистические производственные отношения, рассматриваемые в их органической связи и взаимодействии с развитием производительных сил» [1]. И даже наиболее решительные сторонники расширения предмета политической экономии в конечном счете присоединяются к этому определению [2].

---

[1] «Вопросы экономики», 1964, № 7, стр. 106.

[2] Характерен вывод Л. И. Абалкина: «Ответ на вопрос об изучении производительных сил в политической экономии должен быть диалектическим: «и да, и нет». Марксистская политическая экономия исследует не производительные силы «вообще», а лишь их социально-экономическое содержание» («Капитал» К. Маркса

Да это не может быть иначе, потому что, как только сторонники расширения предмета политической экономии переходят от цитат и общих рассуждений к конкретным предложениям о том, какие же новые вопросы, касающиеся развития производительных сил, надо включить в содержание политической экономии, они не идут далее того, что уже давно вошло в учебники и программы политической экономии.

Если о чем и должна идти речь в этой связи, то, конечно, о том, что вопросы воздействия социалистических производственных отношений на производительные силы слабо освещались и разрабатывались в нашей литературе. Но такое положение объясняется не тем, что кто-то «сужает» предмет политической экономии и игнорирует развитие производительных сил, а прежде всего тем, что слабо исследуются и даже игнорируются производственные отношения и их воздействие на производительные силы. На самом деле, как можно по-настоящему показать воздействие производственных отношений на производительные силы, если не вскрыты многие производственные отношения? Производительные силы нечто более конкретное и осязаемое, чем отношения между людьми, для выявления которых надо приложить немало труда. Характерно, что не реже, а чаще всего однобокость в освещении экономических проблем выражается вовсе не в том, что исследуются «лишь» производственные отношения, а в том, что внимание сосредоточивается лишь на техническом факторе без должной общественной, экономической его оценки. Это не только тормозит развитие теории, но и приводит к серьезным потерям в хозяйственной практике.

Основная тенденция, или основной смысл, требований пересмотра определения предмета политической экономии вскрывается в высказываниях наиболее последовательных его сторонников и сводится к замене существующего определения новым. Эти экономисты считают, что предметом политической экономии должно

и политическая экономия социализма», стр. 32—33). Конечно, было бы лучше, если бы автор сказал: «их общественную форму». Но, как следует из дальнейшего изложения, автор имеет в виду здесь именно общественную форму, т. е. производственные отношения.

стать изучение проблем развития производительных сил в связи с производственными отношениями. Свое предложение они мотивируют тем, что в эпоху перехода от капитализма к социализму происходят качественные скачки в развитии производительных сил, в странах социализма идет процесс создания новой материально-технической базы, в связи с чем изучение развития производительных сил приобретает первостепенное значение. «Практически, — утверждает, например, Я. М. Жуковский,— это означает, что политическая экономия социализма должна изучать закономерности развития производительных сил...» Но в таком случае возникает вопрос: что же такое экономика? Автор отвечает на этот вопрос следующим образом: «Известно, что две системы мирового хозяйства соревнуются. Соревнуются они, конечно, не в области производственных отношений, где система социализма давно победила. Идет соревнование и борьба в области экономической. А что такое область экономическая? Это, прежде всего, производительные силы» [1].

В приведенных высказываниях предлагается коренным образом изменить понятие предмета политической экономии, а также в связи с этим и понимание экономики, экономического базиса. Ведь и в условиях социализма экономический базис общества — это совокупность производственных отношений. Социализм победил в ряде стран Европы и Азии. Но экономическое соревнование двух систем на мировой арене идет по принципу «кто — кого». Это соревнование двух противоположных систем производственных отношений — капитализма и социализма. Речь идет о том, какая из этих систем наиболее прогрессивна, какая из них дает наибольший простор и наибольшие стимулы для развития производительных сил и, следовательно, какая из них победит в мировом масштабе. Задача политической экономии в данном случае заключается в том, чтобы вскрывать особенности и преимущества новых отношений и помогать использовать их в максимальной степени в борьбе социализма против капитализма на мировой арене. Сведение предмета политической экономии к

[1] «Методологические проблемы экономической науки», стр. 174, 175.

производительным силам закрывает путь для решения этой задачи.

Указанное определение предмета политической экономии может привести к игнорированию общественной формы производительных сил, т. е. экономических отношений, к смазыванию партийного, классового характера политической экономии.

Сторонники расширения предмета политической экономии предлагают включить в него и надстройку, прежде всего экономическую политику. Одни из них аргументируют это предложение необходимостью конкретизировать выводы политической экономии, другие — ссылкой на особые функции социалистического государства и т. д. Но несмотря на свои особые функции, социалистическое государство остается все-таки надстройкой над социалистическим базисом. Именно этот базис определяет характер государства, а не наоборот.

Что же касается правильного и закономерного требования о большей конкретизации выводов политической экономии и большем ее приближении к жизни, то решение этой задачи выполнимо в пределах существующего определения предмета политической экономии, требующего изучения производственных отношений в связи и взаимодействии не только с производительными силами, но и с экономической политикой, политическими учреждениями, а также с идеологической надстройкой. Характер этого взаимодействия также двоякий. С одной стороны, развитие экономического базиса определяет и соответствующее изменение, развитие надстройки, с другой — надстройка оказывает определенное воздействие на экономический базис. Это также давно признано в нашей литературе, в том числе и учебной. И, если в тех или иных случаях не удается показать такое взаимодействие, дело здесь опять-таки прежде всего в недостаточной разработке вопросов. Причиной же этого служит существующий взгляд на политическую экономию как на науку, витающую в облаках абстракции и не имеющую права спускаться на грешную землю из-за опасения нарушить границу между нею и различными конкретными «отраслевыми дисциплинами». Преодоление этого взгляда является первейшим условием дальнейшего развития политической экономии и конкретизации ее выводов и положений.

Для политической экономии социализма вопрос об экономической политике имеет особое значение, поскольку развитие социалистической экономики планируется из единого центра и руководство хозяйством может и должно учитывать и использовать экономические законы в интересах всего общества. Следовательно, политическая экономия социализма должна делать из своих исследований и положений определенные выводы, имеющие практическое значение, как для выработки экономической политики, так и для хозяйственного руководства и планирования.

Мы не можем согласиться с теми экономистами, которые рассматривают политическую экономию как науку, имеющую дело лишь с самыми общими положениями, никак не связанными с жизнью, и утверждают, что политическая экономия не может давать рекомендаций для экономической политики и хозяйственного руководства.

Мы не можем согласиться также и с теми экономистами, которые проявляют тенденцию к замене теоретического анализа простым описанием существующих форм хозяйственного руководства, комментариями к проводимым мероприятиям экономической политики. Принятие подобной установки ориентировало бы экономическую науку не на решение новых задач, а в лучшем случае на разъяснение задач, уже выполненных, и мероприятий, значение которых уже доказано. Правильный подход к решению данного вопроса должен обеспечить более успешное развитие экономической теории и повышение эффективности ее выводов для хозяйственной практики.

Итак, предметом политической экономии являются производственные отношения, которые она изучает во взаимодействии с производительными силами и надстройкой.

Однако все споры о предмете политической экономии будут беспредметны и безрезультатны, пока мы не будем по-настоящему его изучать и исследовать. Только тогда будут возможны действительные научные достижения, нужные практике, с одной стороны, и только тогда можно будет полностью убедиться в правильности того или иного оттенка мнения, с другой стороны.

Между тем если говорить о политической экономии

социализма, то ее предмет исследован слабо. Одной из причин недостаточного развития политической экономии социализма явилось длительное господство в литературе, в научной и преподавательской работе нигилистической позиции, отрицавшей политическую экономию социализма как науку.

3. Исторические рамки политической экономии. Политическая экономия социализма как теоретическая наука

Ф. Энгельс подчеркивал, что предметом политической экономии являются производственные отношения всех способов производства, другими словами, что теоретическому изучению подлежат отношения людей по производству на всех стадиях развития человеческого общества. В связи с этим Ф. Энгельс формулирует в «Анти-Дюринге» важное положение о политической экономии в узком (политическая экономия капитализма) и широком смысле слова. «...Политическая экономия как наука об условиях и формах, — пишет он,— при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов,— политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана» [1].

Говоря о политической экономии того времени, Ф. Энгельс отмечал, что она ограничивалась почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства. Это вполне понятно, поскольку именно научный анализ капиталистических отношений являлся основой и непременным условием успешной борьбы рабочего класса за преобразование старого общества. Но вместе с тем Ф. Энгельс подчеркивал, что для критики буржуазной экономии недостаточно было знакомства лишь с капиталистической формой производства, что для сравнения требовалось хотя бы в общих чертах исследовать докапиталистические формы производства. «Такое исследование и сравнение, — пишет Ф. Энгельс,— было в общем и целом предпринято пока только Марксом, и почти исключитель-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 153—154.

но его работам мы обязаны поэтому всем тем, что установлено до сих пор в области теоретического исследования добуржуазной экономики»[1].

На эту очень важную мысль Ф. Энгельса неоднократно обращал внимание В. И. Ленин. В рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова В. И. Ленин, отмечая достоинства этой книги, писал: «Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически укладах общественного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «курсе» г-на Богданова... автор излагает содержание науки... не догматически... а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию». Ведь «задача руководства к политической экономии, — указывал В. И. Ленин, — состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы...»[2].

Таким образом, классики марксизма-ленинизма дали не только четкое определение предмета политической экономии, но и ясный ответ на вопрос об исторических рамках этой науки. Однако эти указания не раз подвергались сомнению и пересмотру. Подобная попытка в нашей стране впервые была предпринята Бухариным и его последователями, которые заимствовали свою позицию у Гильфердинга.

Гильфердинг в статье, помещенной в «Ное Цайт», выдвинул и обосновал тезис о том, что предметом политической экономии являются якобы лишь производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства, производственные же отношения докапиталистических и социалистического обществ прозрачны и не требуют теоретического научного исследования. «Люди, — писал Гильфердинг, — могут сознательно относиться друг к другу в производстве, как члены одного производственного целого; их поведение в производстве и их взаимные отношения регулируются единообразно.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 154.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 36.

Порядок их работы и распределение продуктов подлежат центральному контролю. Производственные отношения выступают, как непосредственно общественные отношения, отношения отдельных лиц, поскольку они касаются хозяйственной жизни, выступают, как общественные отношения, определяемые обществом и изъятые из их частной воли. Само производственное отношение непосредственно понимается, как сознательно установленное всем обществом и желательное ему. С объяснением генезиса этого порядка и описанием его задача является исчерпанною. Экономическое исследование является здесь лишь историко-экономическим исследованием. Здесь нет места теоретической экономии»[1].

Эту точку зрения воспринял и развил далее Н. Бухарин. В книге «Экономика переходного периода», вышедшей в свет в 1920 г., Бухарин писал: «*Теоретическая* политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров*, т. е. наука *о неорганизованном* социальном хозяйстве... В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные «проблемы» политической экономии...

...Таким образом, конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии»[2]. Несколько позже в работе «Политическая экономия рантье» Н. Бухарин развивает эту мысль. «Политическая экономия, как наука, — писал он, — может иметь своим объектом исключительно товарное (resp. товарно-капиталистическое) общество. В самом деле, если бы мы имели перед собой какой-либо вид организованного хозяйства, будь это ойкосное хозяйство Родбертуса, первобытная коммуна, феодальное поместье или организованное общественное хозяйство социалистического «государства» — мы бы не нашли там ни одной проблемы, разрешение которой составляет задачу теоретической

[1] «Die Neue Zeit», 1904—1905, B. I, S. 105. В свою очередь Гильфердинг замечает, что сходную мысль, но без всякого обоснования и развития высказал Конрад Шмидт.

[2] См. Ленинский сборник XI, стр. 349. Сходную формулировку дает Р. Люксембург, которая писала, что «победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают, таким образом, конец политической экономии как науки» (*Р. Люксембург.* Введение в политическую экономию. М., 1960, стр. 98).

экономии... словом, не сознательный расчет коллектива, а слепая сила общественной стихии, проявляющаяся в целом ряде общественно-экономических явлений — в первую голову рыночной цены — вот что характерно для современного общества и вот что составляет предмет экономической науки. При социалистическом строе политическая экономия потеряет свой смысл: останется одна лишь «экономическая география» — наука идеографического типа, и нормативная наука «экономической политики», ибо отношения между людьми будут простыми и ясными, устранится всякая их вещная, фетишизированная формулировка, а на место закономерностей стихийной жизни станет закономерность сознательных действий коллектива».

Такую же позицию занимали в то время и теоретики троцкизма. Так, Е. А. Преображенский, выступая по докладу И. И. Скворцова-Степанова на дискуссии в Коммунистической Академии, организованной в начале 1925 г., говорил, что «по отношению к законченному социалистическому обществу, где закономерности будут проявляться не в стихийной форме неосознанных и непредвидимых процессов и отношения между людьми не будут казаться отношениями между вещами,— по отношению к этим общественным формациям политическая экономия так, как понимал эту науку Маркс, является ненужной. Здесь не нужно добираться путем абстрактного анализа до внутренних имманентных законов, действующих в системе хозяйства, где отношения между людьми складываются стихийно, и за их спиной назревают противоречия, сотрясающие всю систему. Я не слышал, как т. Бухарин возражал Ив. Ив., но, зная его точку зрения, я утверждаю, что он прав, он стоит в этом вопросе целиком на точке зрения Маркса» [1].

---

[1] «Вестник Коммунистической Академии», 1925, № 11, стр. 308. Не так давно троцкистские и правооппортунистические теоретики — Бухарин, Преображенский, Сокольников, Айхенвальд и другие превозносились в отдельных выступлениях экономистов некоторых зарубежных стран, как истинные основоположники научной теории социализма. При этом умалчивался тот факт, что эти теоретики начисто отрицали политическую экономию социализма как науку и занимали враждебные капитулянтские или авантюристические позиции, стремясь сбить партию с ленинского пути строительства социализма.

Предметом политической экономии, согласно этим высказываниям, являются лишь производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства, которые выступают на поверхности как отношения вещей, а центральным пунктом «Капитала» — главы о товаре и товарном фетишизме. В условиях же социализма производственные отношения ясны до прозрачности, люди становятся полными господами этих отношений и могут устанавливать их по собственному усмотрению. Теоретическое изучение их не имеет смысла.

Такая установка безраздельно господствовала в нашей литературе вплоть до начала 30-х годов. Она широко пропагандировалась, развивалась и конкретизировалась как в специальных работах, так и в популярной, учебной литературе. Так, мотивируя тезис о ненужности политической экономии социализма как науки, автор одного из учебников того периода А. Кон писал: «Производственные отношения организованных обществ ясны до прозрачности. Принцип управления производством и распределением продуктов лежит здесь на поверхности явлений. Он виден и понятен всем и каждому. В меновых же обществах регулирование общественного производства осуществляется помимо воли и сознания отдельных людей, за их спиною, стихийным образом...

Экономическая наука, изучающая организованные общества, неизбежно носит историко-описательный (идеографический) характер, наука же, изучающая производственные отношения меновых обществ, является теоретической (номографической) наукой.

Политической экономией мы называем теоретическую экономическую науку, т. е. науку о производственных отношениях только меновых обществ» [1].

[1] *А. Кон.* Курс политической экономии, ч. I. М., 1928, стр. 8. Те же рассуждения содержались во всех учебниках этого периода. Например, в «Начальном курсе политэкономии» А. Леонтьева (М., 1929) говорилось: «Стало быть, политическая экономия изучает производственные отношения людей, существующие при капиталистическом укладе» (стр. 11). После же полной победы социализма, пишет автор, «политическая экономия окажется ненужной для активных строителей жизни» (стр. 13). Единственными, кто осмелился выступить тогда против этой установки, были авторы учебника политической экономии А. Богданов и И. Степанов. И. Степанов выступил по этому вопросу со специальной статьей в журнале «Под знаменем марксизма» (1925, № 1—2), а также с докладом на заседании Коммунистической Академии в начале 1925 г. В обоих

Эта установка нашла отражение и в монографиях. В качестве примера можно указать на две работы А. Леонтьева и Е. Хмельницкой: «Советская экономика (опыт теоретического анализа)», изданную в 1926 г., и «Очерки переходной экономики», вышедшую в 1927 г. В этих работах авторы предлагали различать натуральное и товарное хозяйство и соответственно производственные отношения между людьми в пределах одной хозяйственной единицы и отношения между людьми, работающими в разных хозяйственных единицах. К первому типу отношений они относили все докапиталистические и послекапиталистические формации, ко второму — капиталистическую. В книге «Очерки переходной экономики» они утверждали, что «между людьми, сотрудничающими в пределах одной хозяйственной единицы, существуют взаимоотношения принципиально иного характера, чем между людьми, работающими в разных хозяйственных ячейках». В первом случае «характерный признак производственных отношений между людьми заключается в *ясности, прозрачности,* относительной простоте этих отношений», во втором же случае «отношения людей *не могут* получить своего ясного и прозрачного выражения... они *должны* проявляться исключительно в завуалированной оболочке вещных отношений»[1]. В первом случае предмета для теоретического исследования нет. В само определение натурального хозяйства, подчеркивали авторы, «входит представление о системе ясных, беспроблемных отношений производ-

этих выступлениях И. Степанов защищал определение предмета политической экономии, вытекающее из указаний Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Выступление И. Степанова подверглось резким нападкам со стороны Бухарина, примеру которого последовали и другие участники дискуссии. Однако эти нападки не поколебали позиции докладчика. В то же время Бухарин в своем выступлении был вынужден сделать следующую оговорку: «Я считаю, что политическая экономия есть теория капиталистического хозяйства. Это не значит, что другие формы хозяйства не могут быть объектами теоретического изучения, но это значит, что структура элементов этих хозяйственных форм будет иной, чем та, которая имеется в иррациональном неорганизованном хозяйстве» («Вестник Коммунистической Академии», 1925, № 11, стр. 298). Но спор-то шел не о том, будет ли «структура элементов» социалистического хозяйства иной, а о том, будет ли она нуждаться в теоретическом изучении или экономическая теория «потеряет свой смысл».

[1] *А. Леонтьев* и *Е. Хмельницкая,* Очерки переходной экономики, М., 1927, стр. 18, 19.

ства»[1]. Во втором же случае налицо объект теоретического изучения. Здесь имеется система объективных законов. Учение же о товарном фетишизме является «по сути дела учением о предмете и методе марксистской теоретической экономии»[2].

Что же касается коммунистического способа производства, то, заявляли авторы, «здесь перспективы теоретико-экономического исследования столь же безнадежны, как и в разобранном выше случае натурального докапиталистического хозяйства. В самом деле, ведь та экономическая структура будущего общества, которая стояла перед духовным взором Маркса — Энгельса, представляет собой наивысшее проявление безраздельного господства сознательных, ясно организованных производственных отношений между людьми. В данном случае господство прозрачных общественно-производственных отношений будет простираться уже не в узких рамках племени, рода, отдельной семьи, а охватит все человеческое общество... Поэтому ни статика, ни динамика послекапиталистической экономической структуры общества не содержат проблем теоретико-экономического порядка»[3]. Авторы утверждали, что докапиталистические и послекапиталистические формации являются предметом изучения не политической экономии как теоретической дисциплины, а описательных дисциплин, и прежде всего истории народного хозяйства.

Однако положение авторов было более сложным, чем, скажем, положение Гильфердинга, который рассуждал о социализме умозрительно. Наши авторы были свидетелями не только победоносной Октябрьской революции, но и значительных успехов в строительстве социалистической экономики, в том числе проведения новой экономической политики. Поэтому в отношении переходного периода от капитализма к социализму авторы делали уступку в сторону теории, но лишь в той мере, в какой в переходном хозяйстве сохранялись товарно-капиталистические отношения, ибо, утверждали они, то, что в переходном хозяйстве имеется сверх товарно-капиталистических отношений, «не носит характера сти-

[1] *А. Леонтьев* и *Е. Хмельницкая*. Очерки переходной экономики, стр. 25—26.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же, стр. 27.

хийно-гетерогенного, а, напротив, совершенно явственно принадлежит к типу автогенных, сознательных отношений, не нуждающихся в специально-теоретическом исследовании» [1].

Разберемся в этой теоретической установке.

Тезис о «сознательных отношениях» теоретически неверен. Производственные отношения в любом обществе представляют собой объективное экономическое бытие. К. Маркс недаром подчеркивал объективный характер производственных отношений, их независимость от сознания и воли людей [2]. Разъясняя это положение, В. И. Ленин указывал, что производственные отношения объективны, они «складываются, не проходя через сознание людей», в отличие от идеологических общественных отношений, «которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей...» [3].

Это положение сохраняет свою силу для всех способов производства, в том числе и для коммунизма. И в условиях социализма производственные отношения объективны. Они не могут быть сознательными или бессознательными. Они могут быть осознанными людьми или не осознанными ими. Но оттого, что эти отношения при социализме осознаются людьми, они не теряют своей объективности и независимости от желания людей. Люди не могут по собственному желанию устанавливать те или иные отношения. Те или иные производственные отношения (и степень их развития) зависят от уровня развития производительных сил. Мы бы, скажем, очень хотели установить сейчас отношения распределения по потребностям, но существующий уровень развития производительных сил не позволяет сделать это. Следует подчеркнуть, что степень осознания или познания существующих производственных отношений и тенденций их развития имеет, конечно, очень большое значение для руководства хозяйством, для более полного использования экономических законов в интересах общества.

---

[1] *А. Леонтьев* и *Е. Хмельницкая*. Очерки переходной экономики, стр. 81. Аналогичный ответ на вопрос о теории переходного периода давал Б. Борилин (см. «Против механистических тенденций в политической экономии». М., 1929, стр. 92—93).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 6.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

В связи с этим мы логически подходим к другому вопросу: можно ли согласиться с тезисом о том, что производственные отношения во всех докапиталистических способах производства и при социализме очень просты, ясны и прозрачны и не требуют теоретического изучения?

Конечно, здесь отношения между людьми не принимают видимости отношений между вещами, т. е. они свободны от покрова товарного фетишизма. Но это не означает, что такие отношения просты, прозрачны и ясны и не нуждаются в теоретическом анализе. Например, отношение феодальной эксплуатации, хотя оно и не принимает видимости отношения вещей, сложно для познания. Понадобился гений теоретического анализа К. Маркса для раскрытия тайны феодальной эксплуатации и формулирования закона феодальной ренты. Сущность явлений никогда не совпадает с формой их проявления. Внутреннее содержание производственных отношений всегда выглядит иначе, чем их внешнее проявление. К тому же в эксплуататорских обществах эти отношения фальсифицируются в официальной пропаганде.

В данной связи следует упомянуть о том искусственном противопоставлении производственных отношений внутри хозяйственной ячейки и между ячейками, которое делали авторы, утверждая, будто такие связи принципиально отличны друг от друга и что связи внутри хозяйственной единицы прозрачны и ясны и не требуют изучения. Это положение применительно к капитализму не выдерживает критики даже с точки зрения самих авторов, поскольку отношение эксплуатации также облекается в товарную форму. Но и независимо от этого отношение капиталистической эксплуатации внутри предприятия достаточно сложно. Напомним, что, вскрывая отношение эксплуатации, К. Маркс в первом томе «Капитала» не выходит еще по существу за пределы отдельного капиталистического предприятия. Это он делает во втором и третьем томах.

Не менее, а еще более сложны для познания, как это ни странно на первый взгляд, производственные отношения коммунистического способа производства. Основная причина заключается в том, что коммунистический способ производства исторически более высокий

способ производства по сравнению со всеми предшествующими. Это означает более высокий уровень развития производительных сил, более высокую степень развития общественного хозяйства, а следовательно, более высокую степень развития общественного разделения труда и, наконец, более высокий тип производственных отношений, характеризующийся многосторонностью общественных связей производителей.

В условиях капитализма основная линия взаимоотношений в обществе, как бы она ни маскировалась,— это отношение эксплуатации рабочих капиталистами. В условиях социализма производственные отношения неизмеримо богаче и сложнее, что определяет развитие всего богатства способностей и дарований производителей. При социализме отношения в процессе производства являются отношениями между множеством равноправных, свободных от эксплуатации производителей, работающих в различных предприятиях и отраслях производства, равноправных в их отношении к общественным средствам производства, но не равных еще в смысле квалификации, способностей, прилежания, а следовательно, и распределения продукта труда. Эти отношения, хотя и не маскируются вещной оболочкой, представляют большую сложность для научного познания. Социализм не только принципиально изменяет природу связей, но и обогащает связи и формы общения между производителями.

Характерной чертой разбираемой установки было явное преувеличение и абсолютизация товарно-денежной стороны и товарного фетишизма. Теоретические и экономические проблемы ее авторы видели только там и тогда, где и когда были налицо товарно-денежные отношения и закон стоимости. В соответствии с этим и все способы производства классифицировались лишь по одному признаку — наличие товарных отношений — на товарные и натуральные. Но это деление, разумеется, совершенно недостаточно для понимания характера и особенностей различных способов производства. Например, хотя досоциалистические способы производства все относятся к натуральным, между ними есть громадная разница: первобытнообщинный строй основан на общей, групповой собственности и коллективном труде, в то время как рабовладельческий и феодальный способы

производства — на частной собственности и подневольном труде. Деление лишь по меновому признаку стирало коренные черты различных способов производства и в то же время подчеркивало принципиальные различия там, где их нет, например между отношениями внутри капиталистического предприятия и в рамках капиталистического хозяйства данной страны.

Что же касается теории переходного периода от капитализма к социализму, то она, согласно трудам В. И. Ленина, явно не укладывалась в схему политической экономии в узком смысле слова, хотя в экономике переходного периода и преобладали мелкотоварные формы хозяйства. Поэтому уже к середине и особенно к концу 20-х годов в вузах вводятся наряду с политической экономией капитализма новые курсы: «Экономическая политика СССР» и «Теория советского хозяйства». Название этих курсов еще отражало старую установку, но в их содержании уже стали все более ясно формироваться элементы политической экономии социализма, перераставшие старое название.

В настоящее время никто из наших экономистов не разделяет указанной установки. Однако длительное ее господство разоружало теоретических работников и лишало их возможности исследовать предмет экономической науки. Это задерживало развитие экономической теории социализма.

В 1929 г. были опубликованы замечания В. И. Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». В. И. Ленин выступил против бухаринского определения предмета политической экономии. Он подчеркнул, что такое определение — шаг назад по сравнению с определением Ф. Энгельса, которое включало в предмет политической экономии все формации. Против утверждения Бухарина о том, что «политическая экономия изучает *товарное* хозяйство», Ленин пишет: «не только». В. И. Ленин отвергает тезис Бухарина о том, что конец капитализма будет концом и политической экономии, и указывает, что даже «в чистом коммунизме» (т. е. во второй фазе коммунизма) производственные отношения явятся предметом теоретического анализа [1].

---

[1] См. Ленинский сборник XI, стр. 349.

Эти замечания В. И. Ленина были своего рода поворотным пунктом в развитии политической экономии социализма. В результате с начала 30-х годов как в учебниках, так и в научно-популярной экономической литературе определение предмета политической экономии стало включать не только капиталистический, но и другие способы производства, в том числе и коммунистический.

Однако влияние неправильной установки об исторических рамках политической экономии сказывалось долгое время и после публикации замечаний Ленина на книгу Бухарина. Это выражалось в том, что в течение длительного времени в нашей литературе никаких иных производственных отношений при социализме, кроме товарно-денежных, не признавалось. Экономика при социализме рассматривалась часто как синоним товарно-денежных отношений. Поэтому теоретические дискуссии велись преимущественно вокруг вопроса о стоимости и товарно-денежных отношениях, а первым экономическим законом, вошедшим в курс политической экономии социализма, был закон стоимости. Фактически некоторые авторы сводили производственные отношения социализма лишь к товарно-денежным. Неизбежным результатом такого положения явилась однобокость изучения экономики социализма.

4. Познание экономических законов — задача политической экономии

Изучение производственных отношений имеет определенную практическую цель — установить возможность предвидения в экономической области, возможность научного обоснования и научного расчета в деятельности людей. В. И. Ленин указывал, что теорию необходимо рассматривать «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»[1]. Для этого изучение экономических явлений (так же как и явлений природы) должно завершаться научным обобщением и выведением определенных законов, научных формул.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.

Что же такое экономический закон?

Экономический закон, по определению К. Маркса, есть внутренняя существенная, необходимая связь экономических процессов и явлений [1]. При этом одни явления служат причиной, основанием, а другие выступают как необходимые следствия, результаты. Так, превышение предложения товаров над спросом неизбежно влечет усиление конкуренции частных производителей и падение цен ниже стоимости товаров. Перепроизводство товаров является здесь причиной, а усиление конкуренции производителей и снижение цен — следствием. Экономические причины при прочих равных условиях всегда вызывают соответствующие необходимые следствия. Причинно-следственный характер связей экономических явлений лежит в основе повторяемости аналогичных явлений, объективной необходимости, заключенной в законе.

Устанавливая наличие объективных закономерностей развития природы и общества, классики марксизма-ленинизма особо подчеркивали причинно-следственный характер связи явлений как существенную черту закономерности, как отличительную черту материализма. В. И. Ленин указывал, что «признание объективной закономерности, причинности, необходимости в природе совершенно ясно у Энгельса» [2], что «Энгельс не допускал и тени сомнения насчет существования объективной закономерности, причинности, необходимости природы» [3], что «идея причинности, необходимости, закономерности и т. д. является отражением в человеческой голове законов природы, действительного мира» [4].

Экономические законы суть законы развития общественных связей людей в процессе производства, т. е. законы производственных, или экономических, отношений. Разъясняя это, В. И. Ленин указывал, что марксизм дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения как структуру общества и тем самым «дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 246.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 161.
[3] Там же, стр. 159—160.
[4] Там же, стр. 6.

они ограничивались идеологическими общественными отношениями... они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений... сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации.* Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что̀ отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что̀ обще всем им»[1].

В. И. Ленин прямо указывает, что подход с позиций лишь идеологических, вообще надстроечных отношений не может дать научного критерия повторяемости, т. е. не может подвести к выявлению внутренних закономерностей общественного развития. Это дает лишь исследование материальных общественных, т. е. производственных, отношений. Только при изучении производственных отношений обнаруживаются внутренние закономерности общественной жизни, исходя из которых можно научно объяснить и развитие надстроечных отношений.

Вместе с тем и изучение производительных сил вне связи с производственными отношениями не может выявить внутренних закономерностей общественного производства. Об общественном строе различных стран нельзя судить лишь по уровню развития производительных сил. Уровень производительных сил, взятый сам по себе, не может дать представления о социально-экономической организации общества и о закономерностях развития хозяйства. Он может быть в основном одинаков, а социально-экономические порядки и закономерности экономического развития различны. Более того, уровень производительных сил в той или иной социалистической стране может быть в данный момент в целом ниже, чем в той или иной капиталистической стране, но тип общественно-экономической организации общества неизмеримо выше и прогрессивнее. Основу

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

преимуществ этого нового устройства и новых закономерностей развития хозяйства следует искать в новой системе производственных отношений, в экономической структуре общества. Экономические законы при социализме — это законы развития социалистических производственных отношений. Это значит, что только исходя из исследования экономического базиса социализма, т. е. совокупности социалистических производственных отношений, можно понять процесс развития производительных сил и научно планировать его.

Итак, задачей политической экономии является исследование производственных отношений и выявление, научное познание экономических законов как законов развития производственных отношений. «Политическая экономия, в самом широком смысле, — указывал Ф. Энгельс,— есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе... Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох» [1].

Некоторые экономисты противопоставляют исследование производственных отношений выявлению и раскрытию экономических законов. Они мотивируют это тем, что якобы «отношения производства и выражающие их сущность законы... не совпадают друг с другом. Отношения производства — более конкретная и богатая объективная реальность, чем законы, выражающие их сущность, их необходимые связи и т. д...

Вот почему Маркс, определив предмет политической экономии капитализма как способ производства и отвечающие ему отношения производства и обмена, специально наряду с этим выделил как главную задачу своего труда раскрытие экономического закона движения общества. Но его раскрытие невозможно без раскрытия всей системы законов политической экономии...» [2]. Другими словами, налицо попытка приписать К. Марксу и ввести в обиход представление о своеобразном дуализме предмета политической экономии: с одной стороны — это производственные отношения (или способ производ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 150.

[2] *Я. А. Кронрод*. Законы политической экономии социализма, стр. 18—19.

ства), а с другой — это экономические законы (да и то, как мы увидим далее, не все).

Приведенное утверждение основано на явном недоразумении. Сущность производственных отношений, или внутренняя необходимая связь экономических явлений,— это и есть не что иное, как закон. Процесс исследования производственных отношений, т. е. все более глубокого познания их сущности, в итоге всегда направлен на то, чтобы выявить момент повторяемости, «правильности», т. е. установить закономерный характер связей. Поэтому исследование производственных отношений и раскрытие законов их развития — это органически единый процесс. Экономические законы, вскрываемые К. Марксом в «Капитале», неразрывно связаны со всей тканью анализируемых им производственных отношений.

Разумеется, законы, уже познанные людьми, не в полной мере отражают действительность, в том числе и производственные отношения, но не потому, что они являются в какой-то степени непознаваемой «вещью в себе», а в силу ограниченности нашего познания, бесконечности процесса познания. Развитие науки означает прогресс в познании все новых сторон объекта. Познание «более богатой и конкретной реальности» производственных отношений является процессом выявления и раскрытия все новых их сторон и, следовательно, новых закономерных связей, в том числе отражающих движение более частных процессов. И этот процесс един и непрерывен.

Указанный дуализм предмета политической экономии дополняется своеобразным «сужением» этого предмета. Политическая экономия, по мнению Я. А. Кронрода, «изучает *не все* экономические законы, а экономические законы *определенного рода,* выражающие производственные отношения, свойственные экономике в целом безотносительно к отраслевым особенностям, особенностям сфер производства, территории и т. д.» [1], другую же часть экономических законов изучают специальные и отраслевые конкретно-экономические дисциплины.

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 100.

Однако классики марксизма-ленинизма никогда не делали подобного разграничения. Более того, они не только исследовали закономерности развития отдельных сфер хозяйства (сельское хозяйство, денежное обращение и др.), но и придавали большое значение установлению модификации действия отдельных законов в зависимости от конкретных условий места и времени.

«Сужение» предмета политической экономии тем самым оправдывает позицию защиты узкой специализации экономических дисциплин, согласно которой политической экономии отводится лишь высокая сфера абстракции и она лишается права приближаться к земле из-за опасения нарушить границы «отраслевых» и «специальных» экономик.

Вопрос о характере процесса познания законов и связанный с ним вопрос о соотношении политической экономии и конкретно-отраслевых экономик следует решать с точки зрения предмета науки. Если этот предмет един, тогда не может быть спора о наличии внутреннего единства экономической науки, о единстве и непрерывности процесса научного познания экономических законов. Отдельные представители концепции прогрессирующей специализации и изоляции экономических дисциплин, признающие в принципе единство их предмета, ставят себя в трудное положение, отрицая в то же время единство экономической науки, единство и непрерывность процесса исследования экономических законов.

Наиболее последовательные защитники указанной концепции предпринимают упорные попытки доказать различие в предметах политической экономии и конкретно-отраслевых дисциплин. Так, А. Еремин, провозгласив сначала, что «экономические науки имеют общий предмет», затем категорически заявляет о «различии в предметах этих наук», о том, что «конкретные» (т. е. отраслевые и специальные) экономики отличны по объекту своего исследования от политической экономии. В объект их исследования включается проблематика, связанная с производительными силами, техническим развитием и т. п. В связи с этим они имеют «свою систему категорий» [1].

[1] См. «Система экономических наук», стр. 37, 46, 48, 52.

Аналогичную точку зрения высказывают и другие авторы. Они также выступают против «смешения объектов» экономических наук и, пытаясь обосновать различие этих объектов, выдвигают новое понятие «техно-экономических отношений». «Каждая отрасль материального производства предполагает свою особую отраслевую совокупность специфических форм отношений производства (включая и техно-экономические отношения) и отвечающих им законов и закономерностей отраслевого экономического развития, которые и изучаются... специально отраслевыми экономиками. Полагать же, что последние есть лишь, так сказать, специализированные и конкретизированные части политической экономии, значит упустить из виду наличие специфически отраслевых форм отношений, техно-экономических таких форм отношений и законов или, точнее, смешать эти последние с общеэкономическими отношениями и законами.

Включение в предмет политической экономии несвойственных ей техно-экономических связей, отношений и законов повело бы к ее технизации» [1].

Из этих положений делаются далеко идущие выводы. Во-первых, политическая экономия не должна нарушать границ конкретно-отраслевых дисциплин, ибо «это нарушило бы необходимые взаимосвязи политической экономии и отраслевых экономик...» [2].

Во-вторых, конкретные отраслевые дисциплины имеют свой предмет, «свою систему категорий», свою систему связей, отношений и законов. «Экономические законы и законы политической экономии — это не одно и то же. Законы отраслевых экономик тоже экономические законы, но они не образуют предмета политической экономии» [3].

Таким образом, различие в предмете определяет и различие экономических законов: одни законы — это законы политической экономии, законы производственных отношений, другие — законы конкретно-отраслевых дисциплин, законы «техно-экономических отношений».

---

[1] «Вопросы экономики», 1964, № 12, стр. 78—79. Аналогичное высказывание смотри также в книге: *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 169—170.

[2] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 170.

[3] Там же, стр. 29.

Согласиться с подобной точкой зрения нельзя. Автор явно не сумел связать концы с концами. Если нельзя включать в политическую экономию некие «техно-экономические отношения», что привело бы к ее «технизации», то с тем же основанием нельзя их включать и в другие экономические дисциплины, ибо технизация весьма сомнительная основа для выведения любых экономических законов. Поскольку речь идет о теоретической экономии, главной задачей которой является выведение и раскрытие экономических законов, постольку предмет экономической науки един — это производственные отношения, изучаемые в их взаимодействии с производительными силами и надстройкой. Но это значит, что и экономическая наука едина. Отдельные отраслевые и специальные дисциплины — это ее органические составные части в той мере, в какой они являются действительно научными (а не описательными) дисциплинами. Они суть продолжение теоретической экономии в определенных областях, т. е. представляют собой процесс дальнейшего более углубленного и более детализированного познания экономических законов. По меньшей мере странно затевать спор и даже ставить вопрос о «дележе» экономических законов между отдельными науками. Если бы мы встали на этот путь, то неизбежно пришли бы к абсурду: почти все экономические законы пришлось бы «расписать» по ведомству многочисленных «экономик», как отраслевых (экономики торговли, экономики промышленности, экономики транспорта, экономики сельского хозяйства), так и межотраслевых (экономика труда, народнохозяйственное планирование, финансы и денежное обращение и др.), охватывающих определенные области тех отношений, которые, по терминологии некоторых экономистов, относятся к «общеэкономическим».

Однако марксистская политическая экономия отвергает подобный подход. Она исследует не только общие закономерности, но и, раскрывая их, выявляет ряд частных законов, как, например, закон спроса и предложения, законы денежного обращения и т. д., показывая тем самым единство и непрерывность теоретического анализа. Эта идея единства экономической науки пронизывает работы классиков марксистской политической

экономии. Она указывает правильный путь для дальнейшего развития экономической теории социализма.

Я. А. Кронрод, как показано выше, решительно возражает против характеристики отраслевых и специальных экономик как «специализированных и конкретизированных частей политической экономии». Но если исходить из того, что это чисто описательные и прикладные дисциплины, основной задачей которых является разработка способов использования открытых политической экономией законов в определенных областях и отраслях экономики, тогда нет оснований ставить перед ними задачу выявления и раскрытия каких бы то ни было экономических законов. Если же признать, что это в какой-то степени и теоретические дисциплины, задача которых состоит в раскрытии каких-то законов, тогда они все-таки являются продолжением и развитием политической экономии в определенных областях.

На действии экономических законов сказываются конкретные особенности той или иной отрасли хозяйства. Но эти особенности определяются не загадочными «техно-экономическими отношениями», не особым предметом конкретных экономик, а уровнем обобществления производства и взаимодействием экономических законов с законами естествознания. Для того чтобы понять эти особенности действия экономических законов в той или иной отрасли, надо сначала установить закон в чистом виде, а затем уже исследовать его проявления в тех или иных конкретных условиях. Исследования К. Маркса и В. И. Ленина, посвященные анализу действия экономических законов капитализма в сельском хозяйстве, входят в золотой фонд марксистской политической экономии.

Положение, создавшееся в экономической науке, характеризуется тем, что политическая экономия имеет дело с весьма ограниченным кругом общих закономерностей, в то время как конкретно-отраслевые дисциплины имеют своим содержанием лишь более или менее систематизированное описание хозяйственной практики. Настало время двинуть вперед развитие политической экономии социализма, обогатить конкретным научным содержанием некоторые еще весьма абстрактные ее положения, расширить арсенал экономических законов, полнее раскрыть механизм их действия, в то же время

поднять и подкрепить в теоретическом отношении отраслевые дисциплины, в основе которых должно лежать исследование действия экономических законов в соответствующих областях экономики.

Политическая экономия не может уже теперь ограничиваться общими формулами немногих законов, а должна расширять круг исследуемых закономерностей и углублять их познание, доводя анализ до большей степени конкретизации, включая установление некоторых закономерных количественных соотношений, и тем самым укреплять связи с практикой, повышать практическое значение своих выводов для планирования и хозяйственного руководства.

Общим условием решения этой задачи является преодоление разрозненности и элементов изоляции среди экономистов, укрепление внутреннего единства экономической науки, объединение научных сил для более глубокого познания экономических законов при социализме.

Глава третья
ВОПРОСЫ МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Метод материалистической диалектики в политической экономии социализма. Теория развития

Марксистский метод в политической экономии — это метод материалистической диалектики. Характеризуя этот метод, В. И. Ленин писал: «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»[1].

При исследовании общественной жизни марксизм исходит из признания первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. В экономической области данный принцип реализуется путем определения решающей роли экономического базиса по отношению к надстройке.

Выступая против народников, В. И. Ленин подчеркивал заслугу К. Маркса, выдвинувшего идею экономической общественной формации и рассматривавшего развитие формаций как естественно-исторический процесс. В. И. Ленин указывал, что до К. Маркса социологи не умели разграничивать общественные явления на важные и неважные, не умели найти объективный критерий для этого, в результате чего «брались прямо за исследова-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165.

ние и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом»[1]. К. Маркс произвел революцию в социологии, поставил ее на прочную научную основу. «Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных,* как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»[2]. Совокупность этих отношений К. Маркс назвал экономической структурой, или экономическим базисом, общества.

Выделив производственные отношения как экономический базис общества, К. Маркс, указывал далее В. И. Ленин, дал возможность «применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»[3]. Признавая на словах закономерность исторических явлений, субъективисты не были в состоянии «взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс, — и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека...»[4]. Марксисты, выделив совокупность производственных отношений, нашли тот исходный пункт, ту архимедову точку опоры, которая позволила применить критерий «повторяемости и правильности явлений», т. е. вскрыть законы общественного развития, и прежде всего экономические законы, и превратить политическую экономию в подлинную науку.

Отсюда то большое внимание, которое В. И. Ленин уделял одному из коренных методологических вопросов политической экономии — вопросу о предмете этой науки.

Рассматривая общество как постоянно развивающийся организм, марксизм исследует производственные отношения (экономический базис) в процессе их возникновения, развития и гибели, применяя принцип историзма, принцип специфичности каждой общественно-экономической формации и законов ее развития.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136.
[2] Там же, стр. 134.
[3] Там же, стр. 137.
[4] Там же, стр. 138.

Метод К. Маркса обеспечивает строгую научность в подходе к анализу экономической жизни, поскольку он предполагает выведение закономерностей из анализа реальных экономических отношений и тенденций их развития. Метод К. Маркса революционен, поскольку он требует изучения живой жизни в процессе ее развития, изменения, развития и гибели старых, возникновения и развития новых форм. Применение этого метода дало возможность отбросить субъективизм и антиисторизм буржуазной политической экономии с ее антинаучной апологетикой капитализма как вечного строя, обосновать неизбежность его гибели, замены новым строем и даже предсказать основные черты этого нового строя.

Характеризуя вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в учение о будущем коммунистическом обществе, В. И. Ленин подчеркивал высокую научность их метода и применение теории развития к разрешению этой задачи.

В. И. Ленин писал: «Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» [1].

К. Маркс вскрывает тенденции и силы, порожденные капитализмом, и показывает, как они с неизбежностью ведут к краху капитализма и возникновению нового общества, по своим основам коренным образом отличающегося от капиталистического. Этот же метод применяет

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 84—85.

В. И. Ленин, развивая положения К. Маркса и Ф. Энгельса о коммунизме, используя опыт социалистической революции и первых лет социалистического строительства в СССР.

Этот же метод необходимо применить и к анализу сложившейся ныне системы производственных отношений социализма. Эта задача, как показывает опыт, является достаточно трудной из-за новизны и сложности объекта исследования. Большой помехой в ее решении явилось непонимание специфичности новой системы отношений, проистекавшее из забвения прямых указаний классиков марксизма-ленинизма и непонимания существа марксистского диалектического метода познания действительности. Следствием этого были попытки сведения всех экономических отношений к имеющим длительную историю развития товарно-денежным отношениям. В свою очередь данная позиция лежала в основе двух тенденций: первая отрицала политическую экономию социализма, исходя из того, что новой системе хозяйства органически не присущи товарно-денежные отношения; вторая сводила все отношения социализма и коммунизма лишь к товарно-денежным, видела в них суть коммунизма и тем самым смазывала коренные различия между социализмом и капитализмом. Первая из этих тенденций явилась одним из источников субъективизма и авантюризма в руководстве хозяйством, вторая — источником всякого рода праворевизионистских теорий и «моделей» в духе «причесанного» капитализма.

Правильное представление о системе производственных отношений может быть получено лишь на пути тщательного анализа реально действующих отношений и тенденций их развития на основе методологии марксизма-ленинизма. В живой социалистической действительности исследователь встречает и товарно-денежные отношения. Но было бы большой ошибкой, если бы он остановил на этом процесс исследования и сделал вывод о природе нового строя. Ведь товарно-денежные отношения не охватывают всей системы отношений и поэтому не определяют природы нового строя.

Известно, что товарно-денежные отношения являются общими для многих формаций, и для того чтобы выяснить сущность формации, необходимо прежде всего выявить специфические производственные отношения,

определяющие ее природу. Только после этого можно подойти к выяснению особенностей товарно-денежных и других общих отношений в условиях данной формации. Эту мысль неоднократно подчеркивали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Ф. Энгельс писал: «...политическая экономия по своему существу — *историческая* наука. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом: она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще»[1].

Эти важные положения в полной мере применимы и к социалистической экономике. И здесь мы прежде всего должны выявить особые отношения (и законы), свойственные новому строю, и лишь затем подвергнуть исследованию отношения (и законы), общие всем или многим формациям, в том числе и социализму, включая сюда и товарно-денежные отношения. Только при этом условии можно правильно понять как природу нового строя, так и особенности действия товарно-денежных отношений.

Марксистский диалектический метод в политической экономии требует изучения каждого способа производства в движении, в развитии. К. Маркс, исследуя производство относительной прибавочной стоимости, открыл три стадии развития капитализма — простую кооперацию, мануфактуру, машины и крупную промышленность. В. И. Ленин, развивая учение К. Маркса, создал теорию империализма как высшей и последней стадии развития капитализма. Развитие каждой отдельной формации отличается тем, что оно происходит путем созревания и развития данного типа, данной системы производственных отношений. Но это означает наличие определенных ступеней, этапов развития формации в зависимости от уровня производительных сил и производственных отношений.

Данный подход должен быть применен и к исследованию производственных отношений коммунистической общественно-экономической формации. Образец применения данного подхода показали классики марксизма-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 151.

ленинизма, наметившие две фазы единой коммунистической формации: социализм как первую, низшую фазу и коммунизм как высшую фазу. В. И. Ленин, отстаивая и развивая мысли К. Маркса, изложенные им в «Критике Готской программы», писал: «...научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что́ обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма»[1].

Из этого положения марксистско-ленинской теории следуют весьма важные выводы, и прежде всего тот, что природа как первой, так и второй фазы одна — это коммунизм. Следовательно, обе фазы имеют общую основу в виде единства специфических производственных отношений, общих как для первой, так и для второй фазы, но находящихся на различной ступени зрелости. Поэтому начинать исследование производственных отношений социализма следует именно с выявления и раскрытия этих общекоммунистических отношений, которые налагают свою печать и на все другие отношения.

Вместе с тем производственные отношения в первой фазе коммунизма включают в себя не только общекоммунистические, но и специфические лишь для социализма отношения, например отношения распределения по труду и, кроме того, некоторые отношения, общие для многих формаций, в том числе и для первой фазы коммунизма, например товарно-денежные отношения.

Единая природа двух фаз коммунизма и наличие общекоммунистических отношений, присущих обеим фазам, служат реальной основой для постепенного перехода от первой ко второй фазе по мере развития производительных сил и производственных отношений. Этот вывод записан в Программе КПСС и является одним из важнейших принципов повседневной деятельности партии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 98.

Мы не можем согласиться с появившимися за последнее время попытками пересмотра положения марксизма-ленинизма о двух фазах коммунизма и о социализме как первой, низшей фазе коммунизма. Для такого пересмотра, для трактовки социализма как самостоятельной общественно-экономической формации нет никаких оснований.

Из положения о двух фазах коммунизма следует также тот вывод, что политическая экономия нового строя есть политическая экономия коммунистической формации. Неточным и теоретически неверным является широко распространенный и принятый в учебниках термин «социалистический способ производства», который употребляется и как заголовок раздела, посвященного политической экономии социализма. Этот термин отражает нечеткость в понимании природы социализма и затрудняет правильную трактовку экономических отношений и законов при социализме.

К этой мысли, высказанной нами в свое время [1], пришли и многие другие экономисты. Так, Н. Г. Наровлянский правильно указывал на то, что «в социалистической экономике уже действуют экономические законы коммунизма... Изложение курса политической экономии социализма следует начинать с раскрытия общих закономерностей коммунизма... Закономерности социализма определяются общими законами коммунизма, действующими в известных специфических условиях» [2]. Эта мысль получила свое отражение и в учебнике политической экономии под редакцией Н. А. Цаголова и в некоторых других работах [3], а также в новой программе по-

---

[1] См. «Развитие экономической теории в свете решений XXII съезда КПСС». М., 1962, стр. 16, 223.

[2] «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 99.

[3] В учебнике политической экономии под редакцией Н. А. Цаголова указывается, что «уже на низшей фазе существуют экономические отношения и законы, *общие* для всего коммунистического способа производства», и что «исходным в анализе системы производственных отношений при социализме является изучение экономических категорий и законов, *общих для коммунистического способа производства в целом*» («Курс политической экономии», т. II — «Социализм». М., 1963, стр. 107, 108). Та же мысль содержится в работе В. Н. Черковца «О методологических принципах политической экономии как научной системы». М., 1965, стр. 182—183; см. также работу А. М. Румянцева «О категориях и законах политической экономии коммунистической формации» и др.

литической экономии, в которой соответствующий раздел правильно озаглавлен «Социализм — первая фаза коммунистического способа производства».

Однако эта мысль встретила и возражения. Так, Я. А. Кронрод, признавая единство коммунистического способа производства и наличие «специфической системы общественных отношений производства, общих на обеих фазах его развития», вместе с тем решительно выступает против изучения этих общекоммунистических отношений. Он пишет: «...пока не наступила высшая фаза коммунизма, не созрела и не сложилась система общественных отношений производства полного коммунизма, до тех пор изучение системы отношений коммунистического способа производства в целом в их общих формах... невозможно...

Пытаться же чисто умозрительно, apriori установить всеобщие экономические формы коммунизма — значит создать науку реальных отношений до того, как возникнут сами отношения, т. е. создать отражение объекта до самого объекта»[1].

Возражение это неосновательно и находится в явном противоречии с положением о единстве коммунистического способа производства и системы его отношений. Если коммунистический способ производства действительно «представляет собой исторически определенную, специфическую систему общественных отношений производства, общих на обеих фазах его развития — и низшей, и высшей», а фазы его развития суть ступени развития этих отношений, то из этого логически следует, что общекоммунистические отношения являются реальностью и на первой фазе коммунизма. Поэтому отрицать наличие этого объекта изучения в условиях социализма — значит впадать в элементарный алогизм. Изучение этих отношений при социализме не только возможно, но и необходимо, ибо оно является предпосылкой для правильного понимания уровня их развития и особенностей их проявления на первой фазе, а также и для понимания особенностей действия общих отношений и общих законов.

Предложение о том, чтобы отложить изучение об-

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 163.

щекоммунистических отношений до тех пор, «пока не наступила высшая фаза коммунизма, не созрела и не сложилась система общественных отношений производства полного коммунизма», закрывает путь для правильного анализа экономики социализма, для выявления как общих черт двух фаз, так и особенностей первой фазы коммунистического способа производства.

Исходя из этого предложения, можно прийти к выводу, что и теоретический анализ экономики капитализма К. Марксу также следовало бы отложить до его высшей фазы — империализма. Однако К. Маркс придерживался иной точки зрения и уже на доимпериалистической стадии развития капитализма вскрыл и проанализировал систему отношений (законов) капитализма. Этот анализ сохраняет полную силу и в современный период, хотя империализм означал дальнейшее развитие всей системы отношений и потребовал нового этапа анализа.

Некоторые теоретики признают единство коммунистического способа производства и наличие двух его фаз лишь на словах, а на деле стоят на позиции трактовки социализма как самостоятельной общественно-экономической формации.

2. Источники экономического развития при социализме

Сердцевиной материалистической диалектики, ее ядром является закон единства и борьбы противоположностей. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из сущностей, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» [1], — писал В. И. Ленин. Он отмечает коренное значение этого закона для познания внутреннего источника развития как в природе, так и в обществе. Метафизическая концепция рассматривает процесс развития как увеличение, уменьшение или повторение. Диалектическая концепция трактует процесс развития как единство противоположностей, как раздвоение на противоположности и взаимоотношение между ними. «При первой

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316.

концепции движения остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника „само"* движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к „самодвижению" всего сущего; только она дает ключ к „скачкам", к „перерыву постепенности", к „превращению в противоположность", к уничтожению старого и возникновению нового»[1].

Закон единства и борьбы противоположностей имеет всеобщий характер, это закон развития как природы, так и общества, в том числе его экономической основы. К. Маркс в «Капитале» начинает изложение с анализа обмена товаров и открывает в этом явлении зародыш всех противоречий буржуазного общества. Затем он показывает, как в процессе развития капиталистического производства развивались все его противоречия и борьба противоположных сил: частных собственников на рынке и двух противоположных по своему положению классов — рабочего класса и класса капиталистов. Эти противоречия и борьба противоположных сил являются внутренней движущей силой развития капиталистического общества. Чем острее эти противоречия, тем при прочих равных условиях выше побудительная сила капиталистического развития. Но на определенной ступени классовая борьба достигает такой остроты, когда способом их разрешения выступает лишь социалистическая революция.

На смену капитализму приходит новый общественный строй — коммунистический. Ликвидация частной собственности на средства производства означает и ликвидацию экономической основы разъединения, атомизации и противопоставления производителей друг другу на рынке, ликвидацию эксплуатации человека человеком и, следовательно, разрушает свойственные капитализму источники и двигательные силы экономического развития как силы взаимной борьбы противоположных общественных сил. Установление господства общественной собственности на средства производства и новых произ-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

водственных отношений обеспечило резкое повышение темпов экономического развития при социализме.

Вопрос об источниках и движущих силах экономического развития при социализме является одним из коренных вопросов экономической теории и практики хозяйственного строительства. Вокруг него развернулась оживленная дискуссия.

Одни философы и экономисты, анализируя преимущества социалистической экономики, высказывают мысль о том, что социализму свойственны новые движущие силы, а именно силы единства, общности, которые не могли проявить себя в условиях эксплуататорских формаций. Так, В. П. Рожин и В. П. Тугаринов указывают, что «правильно понятый закон единства и борьбы противоположностей включает в себя момент единства противоположностей, их соответствие, а не только их борьбу и взаимоисключение. Эта сторона данного закона, по нашему мнению, приобретает особое значение в развитии социалистического общества... Наряду и в диалектическом единстве с силами противоречия в социалистическом обществе существуют, развиваются и движут это общество вперед силы гармонии, единства, общности людей во всех сферах жизни этого общества» [1]. В учебном пособии «Марксистско-ленинская философия» также указывается, что при социализме «побуждения к движению, к развитию исходят не только от борьбы, но и от единства. Известно, что рабочих и крестьян в СССР побуждает к движению по пути к коммунизму не только то, что их различает, но и то, что их объединяет, — их единство, нерушимый союз» [2].

Той же точки зрения придерживаются авторы учебного пособия по спецкурсу для философских факультетов Ф. И. Георгиев и Л. Ф. Петровичева, которые, признавая изменение действия всеобщего закона диалектики в зависимости от изменения социально-экономических условий, пишут, что в социалистическом обществе социальное единство становится постоянно действующим источником и движущей силой общественного прогресса, что противоречия при социализме развиваются и раз-

---

[1] «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 136.

[2] «Марксистско-ленинская философия». Учебное пособие, изд. 3, М., 1968, стр. 140.

решаются в рамках и на основе единства. «Противоречия же социалистического общества как противоречия неантагонистические существуют внутри его монолитного единства, которое в то же время является величайшей силой раскрытия и преодоления противоречий»[1].

Другие философы подходят в общем к той же мысли, но робко, нерешительно, с оговорками. Так, авторы коллективной монографии «Диалектика перерастания социализма в коммунизм» формулируют свою позицию по этому вопросу следующим образом: действие закона единства и борьбы противоположностей приобретает при социализме некоторые новые черты, и «это новое образуется не только коренным изменением характера противоречий, но и появлением постоянно действующих движущих сил (факторов) прогресса при социализме. Такими постоянно действующими факторами являются крепнущее социально-политическое и идейное единство и прогрессирующее соответствие». Авторы предлагают при этом «отличать внутренний импульс саморазвития от внутренних движущих сил (факторов) прогресса. Внутренний импульс, источник саморазвития, является причиной прогресса. Внутренняя же движущая сила (внутренний фактор) прогресса представляет собой не причину, не источник самодвижения, а внутреннее благоприятствующее условие саморазвития. Внутренний фактор прогресса — своеобразный ускоритель саморазвития»[2].

Таким образом, авторы отмечают новые моменты в действии закона единства и борьбы противоположностей при социализме, в том числе и появление новых движущих сил единства. Но при этом делают оговорку, что эти новые движущие силы, собственно, не являются движущими силами, источниками самодвижения, а представляют собой некие «внутренние силы прогресса», лишь ускоряющие развитие, а не вызывающие его. Однако авторам не удалось убедительно показать, чем же отличается «внутренняя движущая сила прогресса» от источника этого прогресса, а если она и отличается, то почему ее надо вводить в видоизменение действия закона.

---

[1] *Ф. И. Георгиев, Л. Ф. Петровичева.* Проблема противоречия. М., 1969, стр. 207.

[2] *Б. С. Украинцев* и *др.* Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1963, стр. 114.

Третья группа философов и экономистов занимает крайнюю позицию, защищая тезис о неизменности действия законов диалектики при любых условиях, в том числе и при социализме. Один из наиболее последовательных представителей этой группы, решительно не соглашаясь с тезисом о различии форм действия законов диалектики в разных условиях, пишет, что отличие диалектики одного общества от другого «было бы реальным, если бы сущность диалектического движения, т. е. его законы, в условиях социализма стала иной. Но утверждают ли это сторонники данной концепции? Отнюдь нет. По их мнению, все законы диалектики... имеют силу во всех обществах» [1].

Законы диалектики имеют силу действительно во всех обществах. Этот вопрос не является предметом спора. Речь идет о другом, а именно: остается ли неизменным действие этих законов, в частности закона единства и борьбы противоположностей, в разных социально-экономических условиях или оно изменяется. На этот вопрос существуют два различных ответа: одна группа ученых отстаивает положение о неизменности действия этого закона, в том числе и при социализме, другая — положение об изменении действия этого закона при социализме.

По нашему мнению, правильной, соответствующей действительности и духу материалистической диалектики является позиция второй группы. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что и всеобщие законы развития природы и общества испытывают на себе влияние изменяющихся объективных условий, в связи с чем действие их в зависимости от условий может изменяться. Это относится и к такому закону, как закон единства и борьбы противоположностей. Резкое изменение социально-экономических условий при переходе от капитализма к социализму не может не отражаться на действии указанного закона.

В чем же сказываются особенности действия закона единства и борьбы противоположностей при социализме? Одну из этих особенностей, предсказанную классиками марксизма-ленинизма, а именно изменение харак-

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 137.

тера общественных противоречий, ликвидацию антагонистических противоречий и наличие противоречий неантагонистических[1], признают теперь все теоретики. Признание этого важного фактора одновременно есть и признание (вольное или невольное) изменения характера действия закона единства и борьбы противоположностей в новых условиях. В этом отношении вполне прав М. М. Розенталь, который пишет: «Понятно, что антагонистические и неантагонистические противоречия имеют разное содержание, и поэтому пути их преодоления также различны. Отсюда ясно, что общий закон диалектического развития путем борьбы противоположностей не имеет постоянной и неизменной формы проявления в разных исторических условиях или даже в одних и тех же условиях, но в применении к различным явлениям общественной жизни»[2]. Указав на преодоление былых антагонистических противоречий, раскалывавших общество на враждебные противоположности, и на установление новых взаимоотношений между классами, нациями, городом и деревней как отношений единства и дружественного сотрудничества, М. М. Розенталь заключает: «Понятно, что все это не могло не изменить коренным образом характера и форм проявления общего закона развития путем борьбы противоположностей»[3].

Но признание нового типа общественных противоречий как противоречий неантагонистических неизбежно подводит нас к признанию и новых движущих сил как сил общности и единства, ибо только при наличии этих движущих сил могут появиться в жизни (а следовательно, могут быть поняты) противоречия нового типа как противоречия в рамках единства.

Признание этих сил единства как важнейших источников самодвижения вовсе не означает какого-то «пере-

---

[1] К. Маркс указывал, что буржуазные производственные отношения — это последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая «не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7—8). В. И. Ленин писал: «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» (Ленинский сборник XI, стр. 357).

[2] *М. М. Розенталь*. Марксистский диалектический метод. М., 1951, стр. 269.

[3] Там же, стр. 290.

смотра» закона единства и борьбы противоположностей, а является лишь признанием особенностей действия этого закона при социализме. В. П. Рожин и В. П. Тугаринов совершенно правы, обращая внимание на то, что сама общая формула закона содержит в себе две стороны — не только противоречие и борьбу, но и единство противоположностей, их соответствие [1]. Момент *единства* противоположностей играет известную роль и в эксплуататорских формациях, в том числе и при капитализме, но там его роль относительна и ограниченна. В. И. Ленин недаром подчеркивал, что «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики» [2]. Следовательно, В. И. Ленин допускал и другие случаи, т. е. другие условия, другие особенности действия всеобщих законов диалектики в общественной жизни, в частности закона единства и борьбы противоположностей, в том числе и новую роль момента единства при социализме.

Новая роль момента единства и общности при социализме определяется фактом социалистической революции, коренным изменением природы экономического базиса, положения классов, социальных групп и отдельных производителей. При капитализме отношения эксплуатации наемного труда капиталом раскалывают общество на два непримиримо враждебных класса. Но и единство внутри класса капиталистов относительно, поскольку конкуренция обостряет борьбу отдельных его групп за бóльшую долю прибавочной стоимости. В условиях социализма ликвидированы отношения эксплуатации и конкуренции. Общественная собственность на средства производства и общая для всех производителей цель производства, а стало быть, и общий интерес объединяют все общество, все его слои, всех производителей и ставят их в отношения товарищеского сотрудничества ради достижения единой цели. Это единство хозяйства служит прочной экономической основой крепнущего социально-политического единства социалистического общества и является могучей движущей силой, неиссякаемым источником его всестороннего развития.

---

[1] См. «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 136.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали это. Ф. Энгельс, характеризуя капиталистическое общество, отмечал раздробленность интересов, войну всех против всех, всеобщую эксплуатацию и всеобщий беспорядок как источник развития этого общества и одновременно как глубокую причину огромного расточительства и торможения прогресса. В коммунистическом обществе, писал он, где интересы отдельных людей не противоречат одни другим, а объединены, где будет уничтожен антагонизм между отдельным человеком и всеми остальными, мы противопоставляем социальной войне социальный мир. Самое большое преимущество и самое большое сбережение сил будет заключаться «в *соединении отдельных сил* в коллективную силу общества и в таком устройстве, которое основано на этой концентрации до сих пор противостоящих друг другу сил»[1].

Иными словами, здесь обрисован новый тип общественного развития, характерной чертой которого является не война всех против всех, а тесное объединение общественных сил, ранее противопоставленных друг другу.

Возникает вопрос, сходят ли при этом со сцены противоречия как источник самодвижения, развития? Ведь раз налицо единство, то есть ли здесь место противоречиям? Так рассуждают теоретики, которые никак не могут оторваться от привычных мерок прошлого и осмыслить изменение в действии всеобщего закона в новых условиях. Они говорят: «Однако невозможно сочетать несочетаемое: либо есть реальная борьба противоположностей как источник движения, и тогда лишенной реальности фикцией является их единство в качестве совпадающих по тенденциям развития противоположностей, либо есть последнее, но тогда нет диалектического движения, нет, стало быть, развивающегося в реальных противоречиях социалистического способа производства»[2].

Автор, как видим, рассуждает по методу: или — или. Или есть единство, тогда нет противоречия и, следовательно, нет развития; или есть противоречие как источник развития, но тогда нет места единству. Но живая жизнь никак не укладывается в эту мертвую схему.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 541.

[2] *Я. А. Кронрод*. Законы политической экономии социализма, стр. 142.

Социализм показывает наличие мощных сил единства и вместе с тем наличие противоречий как источника развития. Но это противоречия нового типа — противоречия, развивающиеся на основе единства, в рамках этого единства, развитие и разрешение которых способствуют укреплению единства и достижению общей цели. Эта схема, отражая новую жизнь, находится в полном соответствии и с формулой закона, которая, как известно, включает в себя и момент единства, а не только борьбу и противоречия.

Между тем у некоторых теоретиков наблюдается явная склонность к абсолютизации противоречия как источника развития. Но К. Маркс, критикуя Прудона, как раз предупреждал против этой опасности. «Г-н Прудон, — писал К. Маркс, — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии... Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие,* потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное, как воплощенное общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является в практике...» [1]

Как показывает пример Прудона, обожествление противоречия явилось у него теоретической основой для увековечивания антагонистических противоречий, например конкуренции. Прудон, указывает К. Маркс, «начинает с защиты вечной необходимости конкуренции против тех, которые хотят ее заменить *соревнованием*» [2]. Прудон превозносит конкуренцию как вечный двигатель экономического развития, условие свободы, равенства, социальной экономии, ответственности в труде и вечной потребности человеческой души.

Абсолютизация противоречия, которая встречается в выступлениях некоторых современных теоретиков, может явиться основой для выводов об увековечении конкуренции, как наилучшего механизма, источника и движущей силы социалистической экономики. Таким образом, абсолютизация противоречия и отрицание движущих сил единства логически может использоваться для обоснования вечной необходимости антагонистических противоречий как единственно возможных источников самодвижения.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 412.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 161.

К. Маркс и Ф. Энгельс не раз возвращались к этому вопросу, в частности в связи с оценкой теорий Дарвина и Мальтуса. В ряде своих писем они расценивали тезис Дарвина о борьбе за существование в природе как перенесение в область природы мальтусовской теории народонаселения, в основе которой лежало отражение капиталистической действительности с ее борьбой всех против всех. В письме к Ф. Энгельсу от 18 июня 1862 г. К. Маркс писал: «У Дарвина, которого я снова просмотрел, меня забавляет его утверждение, что он применяет «мальтусовскую» теорию *также* к растениям и животным... Примечательно, что Дарвин в мире животных и растений узнает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование». Это — гоббсова bellum omnium contra omnes *...» [1]

Позднее Ф. Энгельс в письме к П. Л. Лаврову от 12—17 ноября 1875 г. подробно останавливается на этом вопросе. «В учении Дарвина, — писал он, — я принимаю *теорию развития,* дарвиновский же способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта. До Дарвина именно те люди, которые теперь повсюду видят только *борьбу* за существование (Фогт, Бюхнер, Молешотт и т. д.), делали ударение как раз на *сотрудничестве* в органической природе, указывая на то, как растения доставляют животным кислород и пищу и, наоборот, животные доставляют растениям углекислоту и удобрения, как это особенно подчеркивал Либих. Обе концепции в известных границах до известной степени правомерны, но как та, так и другая одинаково односторонни и ограниченны. Взаимодействие тел природы — как мертвых, так и живых — включает как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество. Если поэтому какой-нибудь, с позволения сказать, естествоиспытатель позволяет себе подводить все богатое многообразие исторического развития под одностороннюю и тощую формулу «борьба за существование», формулу, которая даже в области природы может быть принята лишь

* — война всех против всех.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 204.

cum grano salis *, то такой метод сам себе выносит обвинительный приговор»[1].

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс даже в области природы видели не только коллизии и борьбу, но и гармонию и сотрудничество. Этот момент не мог проявиться достаточно четко в условиях капитализма, что и отразила теория Мальтуса, которая абсолютизировала противоречия и борьбу и которую Дарвин попытался применить к природе.

Защитники концепции неизменности действия законов диалектики, цитируя ленинские определения, вместе с тем обходят молчанием ленинский анализ конкретной действительности. Между тем этот анализ имеет неоценимое методологическое значение.

В докладе на IX съезде РКП(б) В. И. Ленин анализирует источники победы Советской страны. На вопрос о том, «что же лежало в конце концов в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира», он отвечает так: «...это — централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование». Централизация и дисциплина стали возможны потому, что «рабочие, прошедшие школу капитализма, объединены капитализмом, что пролетариат во всех передовых странах... объединялся...». В то же время, продолжал В. И. Ленин, частная собственность разъединяет людей. «Собственность разъединяет, а мы объединяем и объединяем все большее и большее число миллионов трудящихся во всем свете... Чем дальше, тем больше наши враги разъединялись. Их разъединяла капиталистическая собственность, частная собственность при товарном производстве, будь это мелкие хозяйчики, которые спекулируют продажей излишков хлеба и наживаются на счет голодных рабочих, будь это капиталисты различных стран, хотя бы они обладали военной мощью, создавали «Лигу наций», «великую единую лигу» всех передовых наций мира. Такое единство — сплошная фик-

---

* — буквально: со щепоткой соли; в переносном смысле: с известной оговоркой.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 133—134; см. также письма Ф. Энгельса к Ланге от 29 марта 1865 г. (Соч., т. 31, стр. 392) и К. Маркса к Кугельману от 27 июня 1870 г. (Соч., т. 32, стр. 571).

ция, сплошной обман, сплошная ложь»[1]. Основной причиной, которая обеспечила победу и является самым главным, непреоборимым и неиссякаемым источником нашей силы, говорил В. И. Ленин, является наибольшее объединение сил пролетариата при раздробленности сил мировой буржуазии.

В этом высказывании В. И. Ленин противопоставил мир социализма миру капитализма, как мир единства миру раздробленности. В единстве, объединении всех сил видел В. И. Ленин главную причину победы Советской страны, главный внутренний источник ее силы и залог будущих побед.

В. И. Ленин отмечает тот факт, что единство рабочего класса выковывается в «школе капитализма», в процессе борьбы против капитала и играет созидающую роль в социалистической революции, в строительстве нового общества, основой которого являются общая собственность на средства производства и общий коллективный труд для достижения общей цели.

В. И. Ленин показывает и единство класса капиталистов, но как единство относительное, разъедаемое язвой частной собственности, раздробленности и конкуренции.

Неоценимое теоретическое и практическое значение имеет ленинский анализ соотношения и роли отдельных классов в переходный период, в частности отношений между рабочим классом и трудовым крестьянством. В. И. Ленин вскрыл двойственную природу середняка: как частного собственника и мелкого хозяйчика, с одной стороны, как труженика, коренные интересы которого совпадают с интересами рабочего класса, — с другой. Именно на основе совпадения этих коренных интересов был закреплен нерушимый союз рабочего класса и трудового крестьянства, в рамках которого разрешались неантагонистические противоречия между этими классами. Важнейшей формой разрешения этих противоречий и постепенного подведения крестьянства к социализму явился ленинский кооперативный план.

В. И. Ленину принадлежит открытие и обоснование специфического для коммунистической формации общественного противоречия, развивающегося на основе един-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 241.

ства и дружественного сотрудничества производителей — трудового товарищеского соревнования в деле разрешения общей задачи развития общественного производства.

Разумеется, реально существующие противоречия в развитии социалистической экономики не однородны, точно так же как производственные отношения. Одни из них связаны с общекоммунистическими отношениями, другие — со специфическими отношениями первой фазы коммунизма, третьи — с наличием на первой фазе товарно-денежных отношений. Каждая из этих групп противоречий имеет свои формы выражения и разрешения. Но все эти противоречия при социализме развиваются в рамках единства. Задача исследователя не конструировать противоречия, а вскрывать их в ходе конкретного анализа действительности и намечать соответствующие их природе наиболее эффективные формы их разрешения.

3. Ступени познания экономических отношений

Как мы уже указывали, человеческая практика, и прежде всего материальное производство, является основой и конечной целью познания. Человек познает природу и общество для того, чтобы раскрыть их силы, овладеть этими силами и поставить себе на службу. Ф. Энгельс писал, что «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»[1].

Человеческая практика является не только основой познания, но и его целью, а следовательно, и сферой приложения научных знаний и орудием проверки истинности, точности, жизненности полученных знаний. В. И. Ленин писал, что «*практикой* своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки»[2]. Практика — начало, исходный и завершающий пункт процесса познания.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 545.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 173.

Процесс познания имеет своим началом наблюдение за живой жизнью. «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины,* познания объективной реальности»[1].

Познание начинается с непосредственного восприятия окружающих явлений, с чувственного познания. Но чувственное восприятие всегда подвергается той или иной обработке со стороны сознания, той или иной проверке во время повторных сеансов восприятий. Поэтому первой ступенью познания является эмпирическое познание, которое является результатом не только непосредственно чувственных данных, прямого воздействия предмета или явления на органы чувств, но и их первичной логической фактофиксирующей обработки. Мы согласны с П. Г. Скулиным в том, что не следует поэтому отождествлять чувственное познание с эмпирическим. Однако нельзя согласиться с ним в том, что эмпирическое познание относится к области научного познания и является его первой ступенью[2]. Здесь явно смешиваются два процесса: с одной стороны, накопление опыта в результате интуитивного приспособления людей к объективным обстоятельствам, которое, конечно, никак нельзя включать в процесс научного познания, и, с другой стороны, постановка экспериментов учеными, которая действительно является элементом научного познания.

Таким образом, мы различаем две основные ступени познания экономических отношений: эмпирическую и научную (теоретическую). «Отражение внешних, поверхностных связей — это эмпирический этап познания. Отражение же внутренних, необходимых, всеобщих связей — теоретический этап, теоретическая ступень познания»[3].

Люди познавали и использовали в своей деятельности законы природы и общества задолго до того, как они были открыты учеными и записаны в учебниках. При этом люди могли даже не иметь понятия о законах вообще. Деревенский кузнец в недавнем прошлом не имел

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

[2] См. «Проблемы познания социальных явлений». М., 1968, стр. 53, 56, 58.

[3] Там же, стр. 59.

никакого представления о законах механики, а купцы даже в условиях развитого товарного хозяйства могли и не знать закона стоимости, хотя и те и другие так или иначе вынуждены были учитывать эти законы и использовать их в своей деятельности. Это было, конечно, *эмпирическое познание и эмпирическое использование объективных условий.*

В. И. Ленин писал: «Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса приладживается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время»[1].

Мы не можем недооценивать ступень эмпирического познания и использования объективных связей, поскольку она имеет большое значение в хозяйственной практике, а также в процессе познания. На самом деле, если мы не знаем еще многих экономических законов, это не значит, что мы можем поступать так, как нам заблагорассудится. Разумный хозяйственник, а также и партийный работник, соприкасающийся с хозяйством, в таком случае внимательно изучит все обстоятельства, мобилизует свой опыт и опыт коллектива и постарается выбрать наиболее приемлемый вариант решения вопроса. Задача здесь состоит в том, чтобы накапливать опыт, систематизировать его, внимательно прислушиваться к мнению коллектива, т. е. использовать опыт коллектива, который всегда шире, многостороннее опыта отдельного работника, и решать вопрос не с кондачка, а после серьезного его изучения. Субъективизм и волюнтаризм в руководстве хозяйством, как это показывает опыт, заключаются не только в неуважении к науке, но и *в неуважительном отношении к коллективному опыту, в нежелании считаться с объективными условиями, в поспешности и непродуманности решений.*

Эмпирическая ступень познания и использования за-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136—137.

конов имеет большое значение как подготовительная стадия к научному познанию. Научные открытия, в том числе открытие законов развития природы и общества, всегда совершались лишь после того, как человеческая практика накапливала для этого необходимый материал. Та же последовательность наблюдается и в экономической области.

В первые годы Советской власти ввиду отсутствия опыта социалистического хозяйствования при решении ряда важных вопросов пришлось идти ощупью, постепенно накапливая опыт. В. И. Ленин писал: «Новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать, ощупью, обилие ошибок, колебания, — без этого никакого резкого движения вперед быть не может» [1].

В области же теоретической работы отсутствие достаточного опытного материала, с одной стороны, служило известным основанием для распространения установки, отрицавшей политическую экономию социализма, а с другой стороны, вызывало обилие описательных работ, отражавших первую, эмпирическую ступень познания новых экономических отношений.

В этих работах были известные элементы обобщения опыта в виде формулирования ряда правил в области организации производства, труда и планирования, а также выдвинуты некоторые гипотезы. И лишь значительно позднее были сформулированы некоторые экономические законы социализма. Эмпирическое познание и использование экономических законов накапливают материал, который делает возможным научное обобщение его и выведение законов.

Отсюда вытекает задача тщательного изучения, накопления, систематизации опыта руководства хозяйством на всех ступенях — от момента составления перспективных планов до момента их выполнения. Большое значение приобретает изучение и систематизация богатейшего опыта партийного руководства хозяйством. Имеющийся опыт хозяйственного руководства должен служить нашему общему делу, ибо этот опыт — общенародное и общепартийное достояние.

Следовательно, процесс эмпирического и процесс

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 204.

научного познания законов неразделимы, они всегда связаны и переплетены между собой: во-первых, в том смысле, что они всегда сосуществуют друг с другом в различных соотношениях, во-вторых, в том смысле, что уже на стадии эмпирического познания возникают элементы обобщения опыта, т. е. элементы научного познания. Степень развития этих элементов зависит от уровня теоретической подготовки кадров.

Вместе с тем эти процессы имеют самостоятельное значение, и в силу существующего разделения труда, в том числе между практическими работниками и работниками науки, они разделены. В условиях социализма хозяйственные работники в своей массе не имеют еще достаточно широких возможностей для теоретической деятельности из-за недостатка времени и в ряде случаев недостаточного уровня подготовки. Поэтому опыт хозяйственной деятельности и руководства накапливается преимущественно на одной стороне, а возможности его обобщения находятся на другой. Отсюда вытекает особая необходимость усиления контактов в самых различных формах между указанными двумя группами работников, а также особая ответственность научных работников в области экономики за изучение и обобщение опыта хозяйственного руководства. Не меньшая ответственность лежит и на практических работниках, которые уже и на данной стадии развития нашего общества могут сделать многое по линии фиксации опыта и возможной степени его обобщения.

Опыт служит материалом для теоретического познания, которое отличается от эмпирического тем, что вскрывает наиболее глубокие внутренние, необходимые связи процессов и явлений. Ф. Энгельс подчеркивал: «... нельзя конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем» [1].

В процессе теоретического познания экономической действительности и выявления закономерных связей важнейшее значение имеет *метод научной абстракции.* За внешней, весьма пестрой картиной явлений исследователь должен видеть их сущность, основные, типичные процессы, отвлекаясь (абстрагируясь) от второстепенных

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 370—371.

черт и случайных отклонений. Здесь могут встретиться (и встречаются) опасности двоякого рода.

Первой из них является недостаточная глубина исследования, скольжение по поверхности, концентрация внимания на внешних несущественных или нетипичных явлениях, неумение «выбрать главное и существенное, не теряясь во второстепенных деталях»[1]. Этот подход заметно отразился на нашей литературе. Он питался, в частности, широко распространенным мнением о том, будто социалистические производственные отношения просты, ясны, лежат на поверхности и не требуют углубленного теоретического анализа. Развитие социалистической экономики и экономической науки наглядно опровергло это ошибочное мнение и подтвердило мысль К. Маркса о том, что «научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей»[2].

Реализация данного подхода к изучению экономических отношений может дать лишь поверхностные описания внешних форм, не имеющие научного значения. Опасность данного подхода усугубляется, если частности и нетипичные, случайные связи объявляются типичными и возводятся в ранг закономерностей. Хотя подобного рода закономерности и выводятся на основании опыта, они, обобщая нетипичное, ложны и, если их принимать всерьез, могут дать большой перекос в практике хозяйственной и идеологической работы.

Второй опасностью является увлечение абстракцией, переход от научной абстракции на рельсы пустой игры в категории, псевдонаучное теоретизирование, в результате чего закономерности выводятся не из жизненного материала, а из отвлеченных понятий. «Закономерности» подобного рода, разумеется, не имеют ничего общего с действительностью и представляют собой плод настоящего отрыва от жизни.

Указанный выше подход противоречит элементарным требованиям марксистского диалектического метода. В. И. Ленин, конспектируя книгу Гегеля «Наука логики», подчеркивал: «Категории надо *вывести* (а не

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 102.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 131.

произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*), исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление...) (не беря иных) — здесь, в них «все развитие в этом зародыше»»[1].

Научное познание — это процесс выведения ряда научных абстракций, понятий, отражающих различные существенные стороны предмета вплоть до установления закона. Экономические категории (и законы) суть абстракции реальных производственных отношений. Поэтому основой для их выведения должен служить анализ данной системы производственных отношений.

Правильный анализ производственных отношений должен дать сумму понятий, находящихся в определенной взаимосвязи. Ф. Энгельс определил основную форму этой взаимосвязи как связь по линии субординации. В то время как формальная логика лишь перечисляет формы движения мышления без всякой связи друг с другом, диалектическая логика «выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих»[2].

Указанная Ф. Энгельсом субординация форм движения мышления есть не что иное, как отражение в сознании субординации реально существующих связей, в том числе отношений людей по производству, объективного развития более высоких и производных отношений из первоначальных и основных отношений. К. Маркс в «Капитале» раскрыл процесс развития субординированной системы капиталистических производственных отношений. Этот метод должен быть применен и в политической экономии социализма.

В последние годы в связи с вопросом о схеме курса политической экономии социализма развернулась дискуссия об исходном производственном отношении при социализме. Речь идет о том, с чего начинать изложение курса политической экономии социализма, какое отношение по аналогии с товаром может рассматриваться как простейшее и вместе с тем всеобщее отношение со-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 86.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 538.

циалистического производства, его элементарная экономическая «клеточка». Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в главе шестой. Здесь же мы ограничимся несколькими замечаниями методологического порядка, относящимися к последовательности научного анализа экономических отношений.

В дискуссии, возникшей по вопросу об исходном производственном отношении, одна группа экономистов (К. В. Островитянов, Я. А. Кронрод и др). считает, что теоретический анализ экономики социализма следует начинать с «общей характеристики производственных отношений как единого целого. Не от клеточки к организму в целом, а от общей характеристики организма в целом к анализу его отдельных существенных сторон — таков путь анализа закономерностей социализма в противоположность капитализму». «Выделение общественной собственности как категории, определяющей характер социалистических производственных отношений, есть применение метода абстракции. Это реальная жизненная абстракция» [1].

Однако такая постановка вопроса вызывает возражения. Другая группа экономистов (Н. А. Цаголов, В. Н. Черковец и др.) указывает на то, что и в условиях социализма метод Маркса сохраняет свое значение, что и здесь вполне возможно и необходимо выделение простейшего всеобщего отношения, которое легло бы в основу всей системы экономических категорий. Научная характеристика производственных отношений в целом может быть дана лишь после их предварительного анализа. Теоретическое познание в любом случае отправляется от некоего целого в его конкретности, но лишь затем, чтобы путем анализа выделить различные его существенные стороны и выразить их в определенных понятиях с тем, чтобы на второй ступени исследования, восходя от абстрактного к конкретному, представить это целое в обогащенном виде.

При подходе к решению вопроса об исходном производственном отношении в условиях социализма необходимо иметь в виду различие между исходным пунктом изложения и исходным пунктом исследования.

К. Маркс четко различал исходный пункт изложения

[1] «Вопросы экономики», 1963, № 1, стр. 111; 1964, № 9, стр. 114.

и исходный пункт исследования. Исходным пунктом изложения в «Капитале» является товарная форма продукта труда, а исходным пунктом исследования — эксплуатация наемного труда капиталом. К. Маркс писал: «Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»[1]. В связи с этим К. Маркс начинает свое исследование капиталистического производства с выявления основного, определяющего отношения капитализма. Исследование, известное как «теории прибавочной стоимости», К. Маркс предпринял и осуществил до написания трех томов «Капитала». В письме к Зигмунду Шотту от 3 ноября 1877 г. он писал: «...для себя я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части), только с той оговоркой, что первый том, к которому я приступил в последнюю очередь, сразу был подготовлен к печати...»[2]

Таким образом, К. Маркс смог установить порядок изложения в «Капитале» лишь после того, как он разработал главный вопрос теории — вопрос о прибавочной стоимости, т. е. об основном производственном отношении капитализма. Исходное отношение, в данном случае товарная форма продукта, выступает как первоначальное отношение, из которого развилось основное производственное отношение капитализма. Для того чтобы установить это исходное отношение, К. Маркс, выявив основное отношение, проделал обратный путь, прослеживая исторические этапы его развития вплоть до самых первоначальных. Изложение начинается с этого исходного пункта, хотя в процессе исследования последовательность может быть иной. Большое значение для выяснения исходного пункта изложения политической экономии социализма имеет, следовательно, правильное решение вопроса об основном производственном отношении коммунистической формации. Решение вопро-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 333.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 238.

са об основном производственном отношении — это ключ для выявления других специфических производственных отношений и вообще всей системы производственных отношений при социализме.

4. Научная гипотеза в экономической теории

Успешное решение проблем, стоящих перед экономической теорией, неизбежно выдвигает вопрос о применении наиболее эффективных форм научного исследования. Среди этих форм исключительная роль принадлежит гипотезе.

Когда мы приступаем к поискам в новой области или ищем объяснение явлений, которые не укладываются в рамки прежних теоретических представлений, мы нуждаемся в новой идее, в научном предположении, которое не подтверждено массовыми данными, но все же имеет определенное обоснование. Поиски и выдвижение гипотезы — важнейший этап теоретического исследования. Здесь научному работнику особенно требуется способность к фантазии. В. И. Ленин со всей силой подчеркивал значение фантазии для научной работы. «Эта способность, — писал он, — чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...»[1] Разумеется, научная фантазия существенно отличается от поэтической. Она служит точному знанию, установлению истины. Вместе с тем гипотеза как продукт научной фантазии должна иметь достаточно теоретическое обоснование.

Гипотеза является душой исследования, его внутренней пружиной, она дает направление и рамки, организует процесс научного поиска. Ф. Энгельс, оценивая значение гипотезы для развития естествознания, писал: «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является *гипотеза*. Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 125.

группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в *чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»[1].

Это указание Ф. Энгельса относится не только к естественным, но и к общественным наукам, в том числе к политической экономии. И в области экономической теории мы не можем ждать, пока материал будет готов в чистом виде для установления закона. Здесь также нужны творческие поиски, путеводной нитью которых служит гипотеза.

Для того чтобы служить научной гипотезой, выдвинутое предположение должно удовлетворять ряду условий, как-то: принципиальная проверяемость, применимость к возможно более широкому кругу явлений, наивозможная простота, позволяющая объяснить определенный круг явлений, исходя из единого обоснования.

Выдвижение гипотезы есть лишь первый, хотя и очень важный этап научной работы, за которым следуют ее проверка путем сопоставления этой гипотезы и из нее вытекающих следствий с опытом, фактами, а следовательно, собирание и анализ фактов, осуществление специальных экспериментов. Ф. Энгельс указывал, что эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может достаточным образом доказать необходимость. Доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде[2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 555.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 544. Иногда неправильно понимают слова К. Маркса о том, что при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами, ибо то и другое должна заменить сила абстракции. На этом основании некоторые авторы утверждают, будто в экономической науке исключен всякий эксперимент. На наш взгляд, метод абстракции вовсе не исключает применения эксперимента в области экономических исследований, имеющего очень большое значение в условиях социалистической экономики.

В процессе анализа фактов, проведения опытов и сопоставления их с гипотезой происходит ее проверка, в результате чего могут отпадать те или иные стороны гипотезы и, наоборот, возникать новые. Происходит, следовательно, видоизменение, доработка и доведение гипотезы до степени новой научной истины, новой теории, которая в свою очередь служит основой для дальнейших поисков и выдвижения новых гипотез в неисследованных областях.

Иногда гипотеза, выдвинутая ученым в результате дальнейшего процесса исследования, не выдерживает проверки фактами и не подтверждается ими. В этом случае возникает потребность в новой гипотезе с учетом предыдущей стадии исследования. Вместе с тем опровергнутые гипотезы играют важную роль в развитии науки прежде всего с негативной стороны, указывая путь, по которому не следует идти. Применительно к данному случаю К. А. Тимирязев писал, что в результате опровержения гипотезы «остается одним возможным объяснением менее, ограничивается число остающихся объяснений, суживается круг, приближающий нас к единственному центру — к истине» [1].

В то же время проверка и разработка ложных гипотез иной раз наталкивают ученого на путь правильной гипотезы, а иногда открывают некоторые новые области, подлежащие исследованию, хотя и находящиеся в стороне от избранного ученым магистрального пути. Поэтому общепризнанной является мысль, выраженная Д. И. Менделеевым: «...лучше держаться такой гипотезы, которая может оказаться со временем неверной, чем никакой» [2]. При этом очень важно не смешивать гипотезу с научной истиной, с одной стороны, и не быть рабом гипотезы — с другой, т. е. не выдавать гипотезу за научную теорию, уметь отказываться от нее, если она не выдерживает проверки.

Иногда по одной и той же проблеме выдвигается несколько гипотез, разработка и проверка которых происходит одновременно в различных научных центрах. В этих случаях процесс научного исследования ускоряется при условии, если между этими центрами нала-

---

[1] *К. А. Тимирязев.* Соч., т. II. М., 1937, стр. 31.

[2] *Д. И. Менделеев.* Основы химии, т. I. М. — Л., 1934, стр. 151.

жены связи и деловое сотрудничество. Координация научной работы не может исключать момента полезного параллелизма, одновременной разработки различных гипотез по одной и той же проблеме.

Как уже говорилось, гипотеза является формой развития не только естественных, но и общественных наук. В частности, в процессе познания экономических законов она играет не меньшую роль, чем в открытии законов естествознания. Яркие примеры этого дают нам труды классиков марксизма-ленинизма. С этой точки зрения анализ работ классиков марксизма-ленинизма представляет громадный интерес. Он помогает раскрыть внутреннюю лабораторию научного труда наших великих учителей.

Цитируя предисловие К. Маркса к «Критике политической экономии», В. И. Ленин подчеркивает, что идея материалистического понимания истории, выдвинутая К. Марксом в 40-х годах прошлого столетия, была гениальной, но «*пока* это была еще только гипотеза... такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам»[1]. В. И. Ленин затем показывает, как К. Маркс в процессе изучения вопроса на материале капиталистического способа производства превращает эту гипотезу в последовательно развитую научную теорию. При этом К. Маркс в ходе своего исследования выдвигал и проверял ряд других гипотез, раскрывающих тот или иной экономический закон, тот или иной процесс капиталистического производства. «Теперь, — заключает В. И. Ленин, — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...»[2]

Развитие политической экономии социализма точно также представляет собой процесс выдвижения, проверки, разработки различных гипотез, одни из которых отвергались, а другие превращались в научно доказанные положения. В первые годы Советской власти новые отношения были еще недостаточно развиты, отсутствовал (или был крайне ограничен) опыт функционирования социалистической экономики. Поэтому первые попытки

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136.
[2] Там же, стр. 139—140.

познания особенностей нового способа производства носили по преимуществу характер гипотез по аналогии. К объяснению особенностей социалистического хозяйства экономисты шли, отправляясь от известных категорий капиталистической экономики (товар, деньги, стоимость, заработная плата), рассматриваемых применительно к условиям социализма. Гипотезы этого рода имели значение для подхода к выявлению отличий и преимуществ социалистической экономики.

Вместе с тем нельзя не видеть и ограниченности метода аналогии. При этом методе, поскольку исходным пунктом служили категории капиталистического хозяйства, выпадали из рассмотрения специфические отношения, свойственные социализму. К методу аналогии иногда прибегает и буржуазная политическая экономия, пытаясь обелить капиталистический строй и очернить социализм. Наша задача при использовании гипотез, основанных на аналогии, заключается в том, чтобы, разоблачая апологетов капитализма, рельефнее показать сущность и коренные преимущества социалистического производства, глубже вскрывать закономерности его функционирования. Нельзя ограничиваться общими декларациями или прибавлением к категориям и законам, общим для многих формаций, прилагательного «социалистический», считая, что этим уже все сказано.

Развитие социалистических производственных отношений и накопление опыта хозяйствования создают все более благоприятные условия для развития экономической теории социализма, выдвижения и разработки плодотворных гипотез.

К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули ряд гениальных положений об основных устоях экономики коммунизма: о коллективности как основе производства, о планировании народного хозяйства, о всеобщности труда, о двух фазах коммунистической формации и их особенностях и др. Возникает вопрос, как К. Маркс и Ф. Энгельс, жившие в условиях капитализма, могли выдвинуть эти положения, относящиеся к коммунистическому способу производства? И были ли эти положения догадками или научными гипотезами? Разумеется, это — гениальные научные гипотезы. Они основаны на научной оценке тенденций развития производительных сил и произ-

водственных отношений, что дает возможность научного предвидения или научного прозрения.

Будучи подлинно научными гипотезами, положения К. Маркса и Ф. Энгельса имели громадное значение для социалистического переустройства общества. Вместе с тем они проверялись, уточнялись жизнью и разрабатывались применительно к условиям социалистического строительства. В процессе проверки и разработки гипотез подтверждалась их правильность на деле, они развивались, обрастая важными деталями и новыми аргументами, образуя основу развернутой научной теории социалистического хозяйства.

Гипотезы, основанные на научной оценке тенденций развития экономики, сохраняют огромное значение в условиях социализма, для которого характерна большая динамичность. Значение гипотез этого рода В. И. Ленин отмечал, в частности, при составлении плана ГОЭЛРО.

По мере накопления опыта функционирования социалистического хозяйства и развития экономической теории социализма все большее значение приобретают также научные гипотезы как *первоначальные обобщения ограниченного круга фактов*. Так, на основе ознакомления с динамикой развития социалистического производства в свое время было сделано предположение, что неуклонное развитие социалистической экономики высокими темпами является одним из ее законов. Изучение истории развития социалистического производства подтверждает этот вывод, требующий, однако, дальнейшей разработки с учетом особенностей различных отраслей хозяйства.

В настоящее время в научно-исследовательской работе приходится использовать гипотезы различного рода, а также совмещать различные подходы при выдвижении той или иной гипотезы.

Нынешний уровень экономической теории является результатом большого и длительного пути, результатом развития и разработки исходных положений марксизма-ленинизма о социалистической экономике, обобщения имеющегося опыта строительства социализма и коммунизма.

Возьмем, к примеру, вопрос о планомерном развитии социалистического народного хозяйства.

К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя будущее общество, выдвинули положение о том, что при социализме анархия общественного производства будет заменена организацией его по заранее обдуманному плану. Этот тезис был выработан не на основе опыта народнохозяйственного планирования (такого опыта тогда еще не было), а на основе научного анализа тенденций развития капиталистического производства. Разъясняя этот пункт, Ф. Энгельс указывает на то, что производительные силы при капитализме приобретают общественный характер. Поэтому пролетариат, осуществляя социалистическую революцию, писал Ф. Энгельс, приводит способ производства в соответствие с общественным характером производительных сил, в результате чего анархия производства заменяется общественно-планомерным его регулированием [1].

В. И. Ленин, исходя из основных положений марксистской теории и обобщая первый опыт организации социалистического хозяйства, развил положения К. Маркса и Ф. Энгельса о возможности и экономической необходимости планового ведения хозяйства, сформулировал принцип демократического централизма в плановом руководстве народным хозяйством и ряд других положений, которые легли в основу организации социалистического планирования в СССР. В. И. Ленин фактически выдвинул все основные данные для формулирования, обоснования особого экономического закона социализма и раскрытия механизма его действия.

Опираясь на высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, многие экономисты в свое время утверждали, что народнохозяйственное планирование есть один из экономических законов социализма. Эта точка зрения не была случайной. Громадные успехи социалистического планирования в период реконструкции народного хозяйства, а затем в период Великой Отечественной войны ярко продемонстрировали его великую жизненную силу. Председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, подводя итоги развития экономики во время войны, писал, что социалистическое планирование «само

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 290.

является общественным законом развития и в качестве такового — предметом политической экономии»[1].

Эта формула представляла собой безусловно шаг вперед в развитии науки, поскольку она выводила вопрос за рамки экономической политики, за рамки форм и методов планирования, ставила его на теоретическую почву и, следовательно, стимулировала поиски объективных основ организации планирования и применения его различных форм. Поэтому к ней, очевидно, необходимо отнестись как к научной гипотезе, явившейся закономерным этапом на пути приближения к научной истине.

Вместе с тем указанная формула имела слабое место, а именно: в ней смешивался процесс планирования с экономическим законом. Планирование — это деятельность людей, в основе которой лежит учет объективных закономерностей. Но эту деятельность нельзя смешивать с законом развития объективного производственного отношения. Последующее развитие теории выдвинуло формулу закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Как учит марксизм-ленинизм, достижение какой-то научной истины есть лишь ступень для дальнейшего проникновения научной мысли в неизведанное. Принятие формулы закона завершает определенный этап исследования и вместе с тем открывает новый этап, ставит ряд новых задач, следовательно, требует выдвижения новых научных гипотез.

Около 90 лет тому назад в работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс указывал, что в общественных науках мы чаще всего наталкиваемся на так называемые вечные истины, на окончательные истины в последней инстанции[2]. Пережитки подобного подхода можно встретить в научной работе и в настоящее время. И в настоящее время авторы многих мнений, взглядов на тот или иной спорный вопрос нередко рассматривают свои точки зрения как истины в последней инстанции, а себя в качестве единственных представителей и защитников этих истин. Эта тенденция проявляется также в фальшивом

---

[1] *Н. Вознесенский.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, стр. 151.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 91.

«новаторстве», в бездумном ниспровержении теоретических знаний, в неуважении к научному наследию, в нарушении принципов научной полемики и т. д. Это, естественно, связывает нормальное развитие научной полемики как важного метода и составной части процесса научного исследования.

Для успеха научной работы чрезвычайно важно понимание правильного соотношения научной истины и научной гипотезы. Научная истина есть основа, инструмент для дальнейших творческих поисков в различных направлениях, следовательно, условие для выдвижения плодотворных гипотез. Гипотеза есть вечное устремление вперед, в неизведанное, но на основе уже известного. Поэтому действительная наука всегда диалектически соединяет в себе дух исканий с учетом всего научного наследия, с уважением к этому наследию, с правильным использованием и дальнейшим развитием его.

Правильное понимание различий между гипотезой и научной истиной и их соотношения очень важно для преподавательской и пропагандистской работы. Известно, какой большой ущерб пропаганде экономической теории наносит разнобой в трактовке ряда важных вопросов, который из научной сферы переносится в учебную и популярную литературу, в преподавание. Разнобой в трактовке экономических проблем затрудняет положение преподавателей и пропагандистов, снижает эффективность пропаганды.

Необходимо проводить четкое различие между научной разработкой вопроса, научным процессом, с одной стороны, и учебным процессом, пропагандой — с другой. Развитие науки немыслимо без столкновения точек зрения, полемики, дискуссий. Но в сфере преподавания, в учебной и популярной литературе полезнее давать тот объем знаний, который перешел из области обсуждений в раздел признанных научных истин (в политической экономии объем подобных знаний достаточно велик). Это, разумеется, не исключает того, что в учебной литературе по ряду проблем целесообразно освещать спорные вопросы, имеющиеся гипотезы дополнительно к основному тексту с соответствующими примечаниями.

Раздел II

СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

Глава четвертая

ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

1. К истории вопроса

Всякая общественно-экономическая формация представляет собой совокупность определенных производственных отношений, образующих экономическую структуру, или экономический базис, общества. Производственные отношения каждой формации составляют сложное единство, «образуют... единое целое»[1]. В. И. Ленин подчеркивал, что «Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства», рассматривая общество «как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов)...»[2]. В связи с этим В. И. Ленин сформулировал основную задачу теоретической работы, заключающуюся в том, чтобы «*дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений*»[3]. Эта задача является коренной, основной задачей в политической экономии социализма.

Процесс выявления системы производственных отношений и соответственно разработки системы экономических категорий социализма затянулся, что было тесно

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 133.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139, 165.
[3] Там же, стр. 307.

связано как с принципиальной новизной отношений, так и с длительным господством гильфердинговско-бухаринской нигилистической позиции, отрицавшей политическую экономию социализма как теоретическую науку. Достаточно сказать, что один из лучших учебников того периода, а именно учебник И. Лапидуса и К. Островитянова «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства», вышедший в 1930 г., т. е. уже после опубликования замечаний В. И. Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода», исходил из указанной позиции, определявшей политическую экономию как науку о производственных отношениях товарно-капиталистического хозяйства[1]. В двухтомном курсе, изданном в 1934 г., те же авторы уже признавали политическую экономию в широком смысле слова, включая и коммунистическую формацию, однако ограничивались по-прежнему лишь политической экономией капитализма, а вопросы «теории советского хозяйства» освещали в виде небольших экскурсов в конце соответствующих глав политической экономии капитализма.

Богатейшее теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма по вопросам экономической теории социализма в тот период в должной степени не разрабатывалось и не использовалось.

Следует также учесть влияние общих условий и практических задач переходного периода от капитализма к социализму. Теоретическая мысль в то время по необходимости должна была уделять первостепенное внимание специфическим вопросам перехода от капитализма к социализму, обобщая опыт и отвечая на назревшие потребности практики.

Завершение переходного периода и построение социализма в СССР потребовали теоретического осмысливания отношений и закономерностей развития нового способа производства. В решениях и документах партии, а также в Конституции СССР, принятой в 1936 г., был выдвинут и сформулирован ряд важных теоретических положений, отражающих отношения социалистической экономики: положение о социалистической системе народного хозяйства, о ее преимуществах по сравнению

[1] См. *И. Лапидус* и *К. Островитянов*. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М., 1930, стр. 456, и др.

с капиталистической, об отсутствии при социализме анархии производства, экономических кризисов, безработицы и эксплуатации человека человеком, о новом характере труда при социализме и распределении по труду, об общественной собственности на средства производства и ее двух формах, о сельскохозяйственной артели как основной форме колхозного движения, о классовой структуре социалистического общества, о значении и особенностях планового руководства хозяйством, о роли социалистического соревнования, о товарно-денежных отношениях и использовании закона стоимости при социализме и др. В Конституцию СССР вошла и известная формула о том, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая общественная собственность на средства производства.

Как видим, уже к концу переходного периода налицо имелся значительный арсенал теоретических положений, означавших серьезный шаг вперед в познании отношений нового способа производства. Эти положения принимаются на вооружение теоретическими работниками и постепенно входят в научный оборот, хотя и в разрозненном виде, без органической связи друг с другом.

Между тем социалистическая система хозяйства все более настойчиво выдвигала задачу создания связного научного представления об экономике социализма. Эта потребность была осознана партией. Политическая экономия социализма была выделена в самостоятельный раздел общего курса политической экономии в вузах. Партия поставила задачу создать новый учебник политической экономии, в котором давалось бы систематическое изложение экономической теории социализма.

Процесс создания учебника, а также экономическая дискуссия 1951—1952 гг. дали много ценного материала для развития политической экономии социализма, и прежде всего для разработки системы экономических законов и категорий. На дискуссии и в литературе этого периода шли оживленные поиски исходного и центрального пункта системы. В качестве такого пункта все чаще выдвигалась общественная собственность на средства производства.

Основанием для этого послужило положение, выдвинутое И. В. Сталиным, который провозгласил собственность на средства производства *основой* производственных отношений, а общественную собственность на средства производства — *основой* производственных отношений при социализме [1]. Данное положение означало, несомненно, отход от правильной формулы, записанной в Конституции СССР. В работе, подводившей итоги экономической дискуссии, И. В. Сталин развил далее это положение в выдвинутой им трехчленной схеме производственных отношений. И. В. Сталин писал: «Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов» [2].

Эта установка легла в основу учебника политической экономии, определив единство вновь созданного раздела, посвященного политической экономии социализма. При характеристике производственных отношений и при обосновании экономических законов при социализме авторы учебника всегда обращались к общественной собственности на средства производства как к центральному, исходному пункту экономики социализма.

Несомненно, для своего времени это было известное достижение экономической мысли, шаг вперед по пути создания научной системы экономических категорий социализма.

Вместе с тем указанная выше установка имела лишь характер гипотезы, которая не была достаточно обоснована и нуждалась в дальнейшей проверке. Однако многие экономисты, приняв данную гипотезу за научную истину, встали на путь ее дальнейшего «развития», провозгласив собственность на средства производства уже в качестве отдельного, самостоятельного, а имен-

---

[1] См. «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Краткий курс. М., 1938, стр. 120, 122, и др.

[2] *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, стр. 73.

но — основного (а некоторые и исходного) отношения. Вместо дальнейших научных поисков в деле формирования системы экономических категорий социализма данная группа экономистов абсолютизировала фактически начальный этап на этом пути и в своих работах попыталась обосновать его. Эти работы представляют интерес, во-первых, как завершение известного этапа на пути развития экономической теории и, во-вторых, как свидетельство того, что слабость исходной позиции всегда обнаруживается тем в большей степени, чем детальнее она разрабатывается.

2. Собственность как экономическая категория

Указанная позиция, рассматривающая собственность на средства производства как отдельное, самостоятельно существующее, независимое отношение, хотя бы и главное и основное, решительно не согласуется с позицией К. Маркса по данному вопросу. В своих экономических работах, и прежде всего в «Капитале», К. Маркс не выделяет частной собственности на средства производства как отдельного отношения, а анализ капиталистических производственных отношений он начинает с товара как элементарного, исходного отношения капиталистического способа производства. Частнокапиталистическая собственность на средства производства раскрывается в ходе теоретического анализа как совокупность производственных отношений капитализма.

К. Маркс решительно выступил против попыток, предпринятых, например, Прудоном, трактовать собственность в качестве отдельного отношения в ряду других производственных отношений. Так, в письме к П. В. Анненкову К. Маркс писал: «Г-н Прудон превосходит самого себя, создавая в своей голове конкуренцию, монополию, налог или полицию, торговый баланс, кредит и собственность в том порядке, в каком я их сейчас перечисляю... *Собственность* образует последнюю категорию в системе г-на Прудона. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории г-на Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью*; вне этих отношений буржуаз-

ная собственность есть не что иное как метафизическая и юридическая иллюзия... Определяя собственность как независимое отношение, г-н Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства; он обнаруживает непонимание *исторического* и *преходящего* характера форм производства определенной эпохи»[1].

К. Маркс совершенно ясно указывает здесь, что нельзя ставить собственность в ряду других отношений как отдельное отношение, какое бы место ей ни отводилось, что собственность — это не отдельное отношение, а совокупность отношений данной формации. «В каждую историческую эпоху, — писал К. Маркс, полемизируя с Прудоном, — собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»[2].

В полемике против К. Гейнцена К. Маркс еще раз повторил, что «*частная собственность*.... представляет собой не простое отношение и уж совсем не абстрактное понятие или принцип, а всю совокупность *буржуазных* производственных отношений...»[3]. Позднее в рукописях 1857—1858 гг. К. Маркс снова повторяет: «...*внеэкономическое происхождение* собственности означает не что иное, как *историческое происхождение* буржуазной экономики, тех форм производства, которые в категориях политической экономии выражены теоретически или идеально»[4]. В письме к И. Б. Швейцеру, написанному в 1865 г., К. Маркс возвращается к этому вопросу и вновь подчеркивает, что буржуазная собственность с экономической стороны есть совокупность производственных отношений и познать ее можно лишь путем анализа этой совокупности[5].

Таким образом, собственность, по Марксу, — это не отдельное отношение, а совокупность всех

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 405—406.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 168.
[3] Там же, стр. 318.
[4] *К. Маркс*. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 21.
[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 26.

производственных отношений данной формации. Отсюда общественная социалистическая собственность — совокупность производственных отношений при социализме. Позиция К. Маркса предельно ясна. Можно лишь удивляться попыткам некоторых экономистов и философов, которые закрывают глаза на эти ясные указания Маркса.

Так, авторы сборника «От социалистических производственных отношений к коммунистическим», отстаивая сталинскую трехчленную схему производственных отношений, пытаясь развивать и углублять ее, утверждают: «Нужно видеть разницу между обменом трудовой деятельностью, представляющим собой прежде всего взаимоотношения между работниками, и теми взаимоотношениями, которые складываются между людьми по поводу отношения к средствам производства и которые в антагонистических формациях получали свое выражение в социальной противоположности собственников средств производства и эксплуатируемых ими работников...» [1]

Авторы резко разграничивают отношения собственности и отношения между работниками по обмену деятельностью. Отношения собственности в их трактовке — это нечто совершенно отличное от производства, оторванное от процесса производства, от процесса труда. Авторы подходят к собственности лишь с юридической стороны, со стороны юридических, имущественных отношений, и эти отношения у них существуют лишь между собственниками и несобственниками. Но действительность социализма демонстрирует принципиально иной тип собственности, когда все члены общества являются равноправными собственниками общественных средств производства. Этот новый тип отношений никак не входит в их схему.

В то же время «обмен трудовой деятельностью» в трактовке авторов сборника — это нечто не имеющее отношения к собственности, это лишь связи между работниками, а не между классами, не между собственниками. Но и с этим весьма трудно согласиться. Возникновение частной собственности на средства производства означало, как известно, развитие разделения труда

[1] «От социалистических производственных отношений к коммунистическим». М., 1966, стр. 63.

(обмена деятельностью) между собственниками, например в условиях простого товарного хозяйства. Но и в условиях капитализма вряд ли возможно исключить взаимоотношения между собственниками-капиталистами из общей системы общественного разделения труда. В этом отношении схема Сталина, которой руководствовались авторы сборника, все же последовательнее, поскольку она связывает «обмен деятельностью» с положением различных социальных групп в производстве и их взаимоотношениями, не исключая отсюда, а предполагая взаимоотношения различных классов. Поправка, внесенная в схему, отнюдь не улучшила ее.

Наконец, трудно согласиться с выделением и распределения, поставленного в один ряд с собственностью, и «обменом трудовой деятельностью». К. Маркс подчеркивал, что «распределение продуктов есть... результат... распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет организацию производства» [1].

Следовательно, собственность нельзя отрывать от процесса производства и понять ее вне производства, точно так же как взаимоотношения людей в процессе производства, в том числе разделение труда, нельзя отрывать от собственности. Отсюда трехчленная схема производственных отношений, где собственность выделена и поставлена на первое место (хотя эта схема и сыграла в прошлом свою положительную роль), является схемой искусственной, расходящейся с позицией К. Маркса. Эта схема непригодна, во-первых, потому, что в ней целое (собственность) выделено и поставлено в одном ряду с частным (отношения распределения), вместо того чтобы целое раскрывать в его составных частях. Во-вторых, в ней целое дается дважды, но в разных формулировках, ибо «положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение» есть не что иное, как обозначение всей совокупности производственных отношений. Одним словом, указанная схема непригодна, ибо в основу ее положен искусственный принцип классификации.

Исходя из прямых указаний К. Маркса и обобщая опыт социалистической экономики, экономическая теория

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 722.

в настоящее время пошла дальше, избрав более правильный и плодотворный путь — путь рассмотрения общественной собственности как всеохватывающей системы производственных отношений социализма.

Является ли в данной трактовке собственность экономической категорией? На этот вопрос не может быть двух ответов. Собственность, рассматриваемая с экономической стороны, есть совокупность производственных отношений, т. е. экономический базис (основа) общества. Формула, вошедшая в Конституцию СССР, выражает эту мысль. Эта мысль сформулирована и в Программе КПСС, где говорится: «Прочной экономической основой общества стала социалистическая собственность на средства производства» [1]. Стало быть, общественная собственность на средства производства является важнейшей и в то же время весьма сложной категорией политической экономии социализма.

3. Некоторые методологические принципы анализа системы производственных отношений при социализме

Для того чтобы стало возможным конструирование системы категорий, отражающих систему производственных отношений, необходимо выявить отдельные отношения новой формации. Всякая система предполагает наличие составляющих ее элементов. Конструирование системы означает приведение этих элементов в определенный порядок, установление между ними определенной связи. Поэтому и вопрос о системе производственных отношений может быть правильно решен при наличии какого-то минимума выявленных отношений. Между тем арсенал выявленных отношений при социализме весьма ограничен. И в экономической и в философской литературе, даже в специальных работах, под видом анализа производственных отношений нередко преподносится описание конкретных форм, взятых с поверхности явлений. Другими словами, предмет политической экономии социализма разработан слабо. В этом состоит трудность решения задачи на данном этапе.

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 329.

Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что эта задача в настоящее время неразрешима. Известный минимум теоретического материала для ее решения уже накоплен. Сам процесс ее решения будет подталкивать и уже подталкивает развитие теоретической мысли. Так, наличие незаполненных мест в таблице элементов Менделеева не явилось непреодолимым препятствием для установления их системы, в то же время появление этой таблицы усилило поиски ученых.

Для правильного подхода к установлению системы производственных отношений при социализме необходимы также научно обоснованная классификация отношений и выяснение характера их связи в системе.

Совокупность производственных отношений каждой формации состоит из самых различных отношений. Сюда относится прежде всего группа специфических производственных отношений, определяющих лицо данной формации, например при капитализме — отношение эксплуатации наемного труда капиталом, отношения между капиталистами по разделу прибавочной стоимости и др. Выяснение этих отношений — первоочередная задача экономиста. Высокий образец этого — «Капитал» Маркса, где анализируются специфические отношения капитализма.

В совокупность производственных отношений каждой формации входят также отношения, свойственные всем или многим формациям. Примером могут явиться товарно-денежные отношения. К. Маркс неоднократно указывал, что «производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о differentia specifica [характерных особенностях] данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения. Ни в одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 124 (примечание); см. там же, стр. 180; т. 24, стр. 126.

Это указание К. Маркса очень важное. С одной стороны, К. Маркс указывает на наличие в системе отношений каждой формации отношений, общих для многих формаций (в данном случае товарно-денежных), а с другой — подчеркивает решающее значение специфических отношений формации для понимания ее природы и роли общих отношений.

Совокупность производственных отношений каждой формации включает в себя также остатки отношений предшествующих формаций. Например, при капитализме, даже на его высшей стадии — империализме, сохраняются еще остатки феодальных отношений.

Но и специфические отношения данной формации (равно как и отношения, общие для всех или многих формаций) не равнозначны. Характеризуя эти группы отношений, К. Маркс отмечал: «*Вторичные и третичные,* вообще *производные, перенесенные,* непервичные производственные отношения» [1].

К. Маркс рассматривает здесь производственные отношения в процессе их развития. На основе первичных, первоначальных отношений развиваются более сложные производные отношения различных ступеней, более общие отношения раскрываются в ряде частных отношений. Так, на основе развития товарно-денежных отношений при определенных условиях возникает отношение эксплуатации наемного труда капиталом. Это новое отношение не отрицает товарной формы. Оно само приобретает товарную форму, но включает ее в себя как подчиненное отношение. Отношение товаровладельцев выступает здесь как более общее и предшествующее другим отношениям капитализма, но вместе с тем как более элементарное и подчиненное отношению капиталистической эксплуатации. К. Маркс по этому поводу замечает, что «простые категории суть выражения отношений, в которых может реализоваться менее развитая конкретность до установления более многостороннего отношения или связи, идеально выражающейся в более конкретной категории, в то время как более развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение... С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 735.

собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»[1].

Важнейшее значение для установления системы производственных отношений (стало быть, и системы экономических категорий) данной формации имеет выделение из группы специфических отношений главного, основного производственного отношения формации, определяющего сущность данного способа производства и занимающего центральное, ключевое положение во всей системе отношений.

Идея основного производственного отношения формации вошла в нашу экономическую литературу лишь после дискуссии 1951—1952 гг. Положение об основном экономическом законе повлекло за собой логически и признание основного производственного отношения формации. До этого времени данный основополагающий пункт марксистско-ленинской экономической теории фактически находился вне поля зрения теоретиков.

В начале 60-х годов некоторые экономисты даже открыто выступили против идеи основного экономического закона и основного производственного отношения, утверждая, что она была якобы чужда классикам марксизма-ленинизма и представляет не что иное, как своеобразное отражение культа личности, принимающее в данном случае вид субординации экономических законов и категорий.

Первый вопрос, который возникает в связи с этим, заключается в том, однозначны ли все производственные отношения и каковы формы связи между ними. Мы уже видели, что даже специфические отношения формации не однозначны, не одного порядка: одни из них первичные, другие производные, одни более общие, другие частные и т. д. Следовательно, наряду с общей формой связи всех отношений по линии взаимодействия рассмотрение отношений в аспекте их развития явно

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 728—729.

обнаруживает и другую форму связи — по линии субординации. Ф. Энгельс, как уже указывалось, подчеркивает момент субординации производственных отношений (и выражающих их категорий) как характерную черту действительности и диалектического метода познания [1]. К. Маркс, анализируя капиталистический способ производства, показывает его как субординированную систему экономических отношений и не раз говорит об их соподчинении.

Может ли быть в этой субординированной системе отношений центральное звено, выражающее природу формации, и действительно ли была чужда классикам марксизма-ленинизма идея основного производственного отношения — вот второй вопрос.

Всякая субординированная система не только допускает, но и предполагает наличие центрального, основного звена. В центре системы производственных отношений стоит отношение, определяющее сущность, природу формации. Историческая заслуга К. Маркса состоит в том, что, анализируя капиталистические отношения, он открыл основное производственное отношение капитализма — отношение эксплуатации наемного труда капиталом и тем самым, по словам Энгельса, дал ключ к пониманию всего капиталистического производства [2].

К. Маркс неоднократно подчеркивал значение основного производственного отношения капитализма. Во втором томе «Капитала» он пишет, что производство прибавочной стоимости определяет «весь общественный и технический строй капиталистического процесса производства» [3]. В третьем томе «Капитала» К. Маркс вновь подчеркивает, что «отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства» [4]. Ф. Энгельс также указывал, что «отношение между капиталом и трудом — та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система...» [5].

Таким образом, в условиях капитализма главным, основным производственным отношением является отно-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 538.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 20.
[3] Там же, стр. 433.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 452.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 240.

шение между капиталом и наемным трудом, отношение эксплуатации наемного труда капиталом. Именно оно определяет существо капиталистического способа производства. На почве этого отношения возникают и развиваются другие отношения капитализма, например отношения между капиталистами по разделу прибавочной стоимости. Исходя из этого, К. Маркс в «Капитале» кладет во главу угла анализ сущности процесса развития основного производственного отношения капитализма, отношения капиталистической эксплуатации. В. И. Ленин не случайно характеризует теорию прибавочной стоимости как краеугольный камень экономического учения К. Маркса.

Но это означает, что и при анализе экономики социализма мы не только можем, но и должны вскрыть основное производственное отношение, используя метод К. Маркса. Недостаточное развитие экономической теории социализма в немалой степени объясняется тем, что положение К. Маркса об основном производственном отношении применительно к новому способу производства не разрабатывалось и даже долгое время не признавалось.

Вопрос об основном производственном отношении — коренной вопрос политической экономии. Его правильное решение и разработка имеют огромное значение для трактовки основного экономического закона социализма, определения системы экономических законов и выработки научной схемы курсов политической экономии социализма.

Высокий образец анализа основного производственного отношения дан К. Марксом в «Капитале». К. Маркс наглядно показывает, что, только исследуя, раскрывая отношение эксплуатации, его развитие, можно по-научному подойти к пониманию закономерного процесса развития материально-технической базы капитализма, ступеней роста производительности труда, особенностей организации труда и производства на капиталистическом предприятии. Тот же методологический подход должен и может быть применен и при анализе основного производственного отношения при социализме. Такой подход обеспечил бы единство и органическую целостность всего курса политической экономии социализма.

Вместе с тем только такой подход дал бы действительно научную основу для понимания и успешного решения вопросов социалистической организации труда и производства, роста производительности труда, развития материально-технической базы, для изучения закономерностей перехода ко второй фазе коммунизма. Поскольку основное отношение выражает существо, природу способа производства, постольку это есть отношение, свойственное всей формации в целом, различаясь на разных фазах по степени своей зрелости. Следовательно, основное производственное отношение социализма — это основное производственное отношение коммунистической формации в целом, хотя и находящееся в условиях социализма на первой ступени своей зрелости. Задача исследования в данном случае состоит в том, чтобы вначале установить это отношение в его существе, в его общих чертах, свойственных обеим фазам, и лишь потом исследовать особенности его проявления на первой фазе коммунизма.

Исходным пунктом для исследования системы производственных отношений социализма является марксистско-ленинское положение о двух фазах единой коммунистической формации. Это положение было впервые выдвинуто К. Марксом. В «Критике Готской программы» К. Маркс, характеризуя первую фазу коммунизма — социализм, указывал, что «мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [1]. На первой фазе коммунизма распределение продуктов происходит по необходимости в соответствии с трудовым вкладом каждого работника в общественное производство. «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 19, стр. 18.

потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [1]

В. И. Ленин отстоял и развил далее указания К. Маркса о двух фазах коммунизма — низшей (социализм) и высшей (коммунизм), определив как общую основу обеих фаз, так и их различия, вытекающие из разного уровня производительных сил и производственных отношений.

В. И. Ленин писал, что научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, К. Маркс назвал первой, или низшей, фазой коммунистического общества. «...Слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм... Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что́ социализм, что́ коммунизм) Маркс дает анализ того, что́ можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма» [2].

Следовательно, коммунизм является единой общественно-экономической формацией. Эта формация, как и другие, проходит различные стадии своего развития, представляющие ступени ее экономической зрелости. Но на обеих ее ступенях природа этой формации одна и та же — это коммунизм.

Особенности социализма непосредственно связаны с недостаточным уровнем развития производительных сил, с противоречием между новой системой коммунистических отношений и наличной материально-технической базой. Противоречие между общественным характером производительных сил и частнокапиталистической формой присвоения определяет необходимость социалистической революции. Но после революции полученный в наследство уровень производительных сил оказывается далеко не адекватным новым производственным отношениям. Это противоречие, с одной стороны, ускоряет

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. 19, стр. 20.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 98.

развитие производительных сил, формирует их по новому образу и подобию, а с другой — определяет низшую ступень зрелости коммунистических производственных отношений, а также сохранение некоторых «родимых пятен» капитализма на первой фазе коммунистической формации, таких, как существенные различия между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, наличие подсобного хозяйства колхозников и рабочих, классовое деление общества.

В. И. Ленин прямо указывает на то, что социализм, развиваясь из капитализма, наследует от него ряд «родимых пятен» и пережитков, которые не изживаются в переходный период и определяют своеобразие первой фазы коммунизма. «...Маркс, — писал В. И. Ленин, — не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что̀ экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма» [1].

Живая социалистическая действительность обнаруживает значительно более широкий круг «родимых пятен» капитализма по сравнению с тем, который был очерчен К. Марксом. Сюда относится, в частности, сохранение товарно-денежных отношений.

Из марксистско-ленинского положения о двух фазах единой коммунистической формации как ступенях экономической зрелости коммунизма вытекает, что совокупность производственных отношений (и законов) в условиях социализма включает в себя:

1) отношения (и законы), специфические для всей коммунистической формации в целом, хотя и находящиеся на первой, низшей ступени зрелости. Сюда относятся основное производственное отношение и, следовательно, основной экономический закон коммунистической формации, отношение общехозяйственной планомерности и, следовательно, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, отношение товарищеского соревнования и др. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин отмечал наличие этих отношений, зарождавшихся в государственном секторе хозяйства, и в связи с этим говорил о ростках коммунизма, о фактическом начале коммунизма в тот период.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

Более того, В. И. Ленин дал весьма обстоятельную разработку ряда вопросов, относящихся к характеристике этих отношений и законов.

Итак, совокупность производственных отношений при социализме включает в себя прежде всего группу отношений (и законов), специфических для всей коммунистической формации в целом.

Наличие этих общих для обеих фаз коммунистических отношений является объективной предпосылкой, определяющей возможность постепенного перехода от социализма к коммунизму в результате созревания новых отношений на основе быстрого развития производительных сил. Положение о двух фазах коммунизма и о возможности постепенного перехода от социализма к коммунизму вошло в Программу КПСС.

В совокупность производственных отношений при социализме входят также:

отношения (и законы), специфические лишь для первой фазы коммунизма — социализма, например, отношение распределения по труду и соответствующий закон. Не исключено, что экономическая наука в процессе исследования может выявить и некоторые другие отношения этого рода;

отношения (и законы), общие для всех или многих формаций, в том числе и для обеих фаз коммунизма (например, опережающий рост I подразделения общественного производства);

отношения (и законы), общие для всех или многих формаций, в том числе и для первой фазы коммунизма — социализма (товарно-денежные отношения и закон стоимости).

Как видно, система производственных отношений в условиях социализма является очень сложной, поскольку она состоит из разнопорядковых отношений, находящихся, однако, в тесной связи и взаимодействии.

Поскольку производственные отношения не стоят на месте, а развиваются на основе роста производительных сил, постольку и при изучении системы производственных отношений при социализме обязателен подход с позиций марксистско-ленинской теории развития.

Одним из самых трудных и сложных вопросов политической экономии социализма явился вопрос о соотношении и связях общекоммунистических черт, с одной стороны, и специфических особенностей первой фазы коммунизма — с другой. В толковании этого вопроса обнаружились две крайности. Первая крайность — это тенденция к игнорированию специфических особенностей социализма, рассмотрение его лишь в плане общекоммунистической сущности, в плане «чистого коммунизма». Эта тенденция ведет к забеганию вперед, недоучету существенных различий между городом и деревней, наличия классов и взаимоотношений между ними, к недооценке материального стимулирования и распределения по труду, к недооценке (а иногда и отрицанию) товарно-денежных отношений и стоимостных рычагов. Вторая крайность — это тенденция к затушевыванию общекоммунистической сущности социализма, к выпячиванию на первый план его специфических особенностей. Эта тенденция ведет к абсолютизации личного материального стимулирования, товарно-денежных отношений и закона стоимости. Некоторые представители этой крайности сводят все отношения социализма лишь к товарно-денежным.

Так же как полвека назад, представители обеих этих крайностей восклицают: «Коммунизм и торговля — может ли быть что-либо более несовместимое!» На этом основании первые целиком отвергают наличие товарно-денежных отношений при социализме, вторые — общекоммунистическую сущность социализма, рассматривая его как особого рода самостоятельную формацию, построенную по принципу товарного хозяйства. На крайнем правом фланге этих теоретиков находятся проповедники теории «рыночного социализма» и всякого рода «новых моделей социализма». Эти люди хватаются за остатки, элементы прошлого в настоящем как за средство возврата к капитализму. Ленин и наша партия учат, что мы должны ориентироваться на нашу генеральную цель — построение коммунизма. Но мы не должны игнорировать элементов, пережитков прошлого, более того, мы должны использовать их для ускорения нашего продвижения к коммунизму.

Природа того или иного строя, следовательно и при-

рода социализма, не может определяться отношениями (и законами), общими для всех или многих формаций или свойственными лишь для первой фазы данной формации. Поэтому сущность социализма нельзя искать в товарно-денежных отношениях или в отношении распределения по труду. В связи с этим и исходным пунктом исследования социалистической экономики не могут быть товарно-денежные отношения. Сама специфика товарно-денежных отношений при социализме может быть правильно понята лишь после выяснения природы, сущности социализма.

Отношения коммунизма существуют и развиваются уже сегодня, они определяют природу и направление движения нашего строя. Именно здесь лежат основные тенденции развития и, следовательно, заключены наиболее глубокие и могучие резервы роста производства.

Вместе с тем — и в этом сложность вопроса — эти новые отношения находятся еще на первой ступени своей зрелости и, кроме того, имея и свои формы выражения, часто выступают в товарно-денежном облачении или в форме распределения продукта по его количеству и качеству и т. д., что усложняет их познание и правильное толкование.

Таковы некоторые основные элементы системы производственных отношений социализма. Для более полного представления о каждом отношении в отдельности и для конструирования системы в целом требуется далее рассмотреть эти элементы в их взаимной связи, в том числе по линии субординации.

В центре всей системы производственных отношений социализма находится основное производственное отношение коммунистической формации. Такие общекоммунистические отношения, как отношение общехозяйственной планомерности, отношение товарищеского соревнования, а также и свойственные первой фазе отношения распределения, можно рассматривать как производные от основного. Мы вправе полагать далее, что эти производственные отношения первого ряда при дальнейшем анализе сами в свою очередь раскрываются в производных, более частных отношениях второго ряда и так далее, образуя своеобразную сеть субординированных и взаимодействующих отношений.

Отношения, общие для всех или многих формаций, действующие при социализме, также подчиняются основному и другим общекоммунистическим отношениям, чем и объясняется изменение характера их действия. Эти отношения в свою очередь раскрываются в ряде частных, более конкретных отношений.

Все это показывает, какую большую важность представляет задача выяснения основного производственного отношения коммунистической формации.

Глава пятая
ОСНОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

1. Какое же производственное отношение является основным при социализме

В настоящее время идея основного производственного отношения получила признание среди экономистов. Это облегчает дальнейшее успешное развитие политической экономии социализма. Признание основного производственного отношения представляет собой исходный пункт и научную основу для правильного решения вопроса об основном экономическом законе и рассмотрения производственных отношений социализма в их взаимной связи, т. е. как определенной системы.

На вопрос о том, какое производственное отношение при социализме следует считать основным, существуют самые различные мнения, а именно: отношение общественной (или еще у́же — общенародной) собственности, отношение между обществом в целом как собственником средств производства и отдельным производителем, отношение экономического равенства, отношение по поводу прибавочного продукта и др. В некоторых выступлениях наблюдается тенденция искать основное производственное отношение в распределении по труду или в товарно-денежных отношениях.

Товарно-денежные отношения не могут рассматриваться в качестве основных, поскольку они являются общими для многих формаций и специфику коммунистической формации как на ее первой, так и на второй фазе определяют не они, а специфические отношения этой формации.

Точно так же не может выступать в качестве основного и отношение распределения по труду не только потому, что это отношение распределения, а прежде всего потому, что оно выражает специфику лишь первой фазы

коммунизма и свойственно лишь ей. Между тем основное производственное отношение формации выражает ее существо, природу на всех стадиях ее развития. Применительно к коммунизму оно свойственно обеим его фазам, является общекоммунистическим отношением, различаясь на первой и второй фазе по степени своей зрелости. Признание же основным производственным отношением коммунистической формации распределения по труду или другого какого-либо отношения, свойственного лишь первой фазе коммунизма, означало бы признание социализма в качестве самостоятельной экономической формации.

Отношение по поводу прибавочного продукта, а именно то, что прибавочный продукт при социализме идет в той или иной форме не эксплуататорам, а трудящимся, является, несомненно, важной чертой социалистической экономики. Однако эта черта выражает лишь важную особенность распределения продукта при социализме, которая обусловлена самой сущностью нового способа производства. Данное отношение не может поэтому рассматриваться как основное, а является производным отношением от какого-то основного, которое необходимо установить.

Наиболее распространенным в научной и учебной литературе является концепция, усматривающая основное производственное отношение при социализме в общественной (или еще у́же — во всенародной) собственности. Один из главных защитников этой концепции — Я. А. Кронрод писал: «Каковы отношения собственности на средства производства, таков и строй производства. И поэтому отношение собственности на средства производства можно рассматривать как ведущее, определяющее отношение в системе производственных отношений, то есть как основное производственное отношение в категорическом смысле этого слова.

В социалистических отношениях производства определяющую, господствующую роль играет всенародная собственность на орудия труда и другие средства производства. Она и выступает в качестве основного производственного отношения социализма...» [1]

[1] «Вопросы экономики», 1962, № 4, стр. 105.

Положения, сформулированные автором, вызывают серьезные сомнения. Если бы автор был прав, тогда К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя основное производственное отношение капитализма, должны были сформулировать и анализировать его непосредственно как самостоятельное и отдельное отношение частнокапиталистической собственности. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс, выявляя сущность капиталистического производства, выделяют из всей совокупности отношений отношение эксплуатации наемного труда капиталом, как основное, определяющее отношение капитализма, как реализацию в процессе производства и высшее выражение капиталистической собственности.

Тот же метод необходимо применить и при выявлении сущности коммунистического способа производства, его основного, определяющего отношения. Итак, если капиталистическая собственность реализуется в отношении эксплуатации наемного труда капиталом, то в каком основном, определяющем лицо нового строя отношении реализуется общественная собственность при социализме?

Между тем некоторые экономисты, вместо того чтобы в соответствии с методом К. Маркса исследовать отношения, в которых общественная собственность реализуется в процессе общественного производства, вскрыть основное производственное отношение при социализме, предлагают исходный пункт объявить конечным пунктом исследования.

Сведение основного производственного отношения при социализме к всенародной собственности вызывает ряд дополнительных возражений. Ведь природа двух форм общественной собственности одна и та же, следовательно, основное производственное отношение при социализме должно являться общим для обоих секторов хозяйства, различаясь здесь лишь по степени зрелости. Приведенная формула фактически абстрагируется от кооперативного сектора хозяйства как органической части единой системы социалистической экономики и тем самым не дает возможности научно объяснить взаимоотношения двух дружественных классов — рабочего класса и колхозного крестьянства.

Раскрывая содержание основного производственного отношения при социализме как отношения всенародной

собственности, автор пишет: «*...сущность всенародной общественной собственности на социалистической стадии ее развития как основного производственного отношения социализма... состоит в непосредственно общественных отношениях коллективности производителей по поводу средств производства, отношениях всенародного коллективного их присвоения в качестве единства коллективного всенародного распоряжения собственностью, когда все члены общества равны, и фактически социально различного (неравного) ее использования в процессе производства различными группами трудящихся.* В этом специфика социалистической формы общественной всенародной собственности на средства производства, внутренне свойственные ей противоречия»[1].

Приведенное положение показывает, что автор оперирует понятием «собственность» прежде всего в смысле юридического отношения. Об этом свидетельствует и произведенное им расщепление собственности на две части: собственность как «присвоение — распоряжение» и собственность как «присвоение — использование». Автор производит эту операцию для того, чтобы обосновать надуманное им внутреннее противоречие всенародной собственности между равенством производителей в отношениях собственности как отношениях всенародного распоряжения ею и фактическим социальным неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях фактического ее использования различными группами трудящихся. В результате такой операции всенародная собственность на средства производства оказывается чреватой глубоким внутренним противоречием, которое, если бы это соответствовало действительности, не только не двигало, а, наоборот, тормозило бы развитие социалистической экономики[2].

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 302.

[2] В той или иной форме эту идею можно встретить и в некоторых других работах. Так, в работе В. А. Бадера «Социалистический продукт» утверждается: «Государственная социалистическая собственность еще не является непосредственно общенародной собственностью. Собственность всего социалистического общества на государственные средства производства опосредствована элементами собственности на них со стороны коллективов государственных предприятий.

Таким образом, государственная собственность при социализме...

В действительности же превращение средств производства во всенародную собственность означает, что все члены общества являются их равноправными совладельцами, имеют равные права доступа к этим средствам производства, несут равную ответственность за их сохранность, умножение и использование. Это равенство прав не только провозглашается, но и реально обеспечивается в виде права на труд всех трудоспособных граждан и на вознаграждение в соответствии с количеством и качеством труда. Все граждане при социализме независимо от пола, национальности, социального положения имеют возможность работать по своим способностям на государственных предприятиях, а также свободно переходить с одного предприятия на другое (чем некоторые из них иногда злоупотребляют). На всех предприятиях государственного сектора работники получают основную заработную плату в соответствии со своей квалификацией и трудом независимо от размера предприятия, его оснащенности, уровня затрат на производство продукции. Фонд заработной платы в государственном секторе хозяйства образуется и распределяется централизованным путем.

В подтверждение своей позиции Я. А. Кронрод ссылается на В. И. Ленина. Но В. И. Ленин подчеркивал как раз *равенство производителей по отношению к средствам производства и их неравенство в отношении распределения, которое проистекает из неравенства участников производства по квалификации, прилежанию* и т. д., одним словом, количества и качества труда каждого работающего. В. И. Ленин писал: «Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотребле-

---

содержит в себе элементы групповой, коллективной собственности» (*В. А. Бадер.* Социалистический продукт. М., 1967, стр. 32).

В данном случае противоречие внутри общенародной собственности фактически рассматривается как противоречие между общенародным и коллективным присвоением, с одной стороны, и как противоречие между отдельными коллективами по присвоению вновь созданного продукта — с другой. Во всяком случае тезис о неравенстве членов общества по использованию общенародных средств производства создает широкое поле для всякого рода толкований.

нии) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать,* поскольку продукты делятся по работе...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства» [1].

В. И. Ленин, как и К. Маркс, подчеркивает равенство производителей по отношению к общественным средствам производства и неравенство лишь в распределении, которое осуществляется при социализме по труду. Осуществление принципа распределения по труду возможно лишь в условиях равенства производителей как (выражаясь языком Я. А. Кронрода) по присвоению — распоряжению, так и по присвоению — использованию общественных средств производства [2].

Но что бы Я. А. Кронрод, говоря о неравенстве производителей по использованию общественных средств производства, ни имел в виду, введение им в существо основного производственного отношения при социализме надуманного им типичного для социализма противоречия означает, что автор рассматривает основное отношение не как общекоммунистическое отношение, а как специфическое лишь для первой фазы коммунизма. Тем самым, хочет он того или нет, он трактует социализм как самостоятельную общественно-экономическую формацию. В этом состоит один из коренных пороков его определения основного производственного отношения при социализме [3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 94.

[2] Основательный критический разбор концепции собственности как отдельного, независимого (основного) производственного отношения дается в работе В. П. Шкредова «Экономика и право» (М., 1967, стр. 144—178) и др.

[3] Некоторые сторонники данной концепции, коим свойственно большее стремление к логике, иногда яснее выражают ее смысл. Так, Г. Т. Ковалевский, воспринявший, хотя и с некоторыми несущественными оговорками, указанную концепцию, приходит к такому выводу: «В исходном производственном отношении — отношении общенародной принадлежности средств производства, выражаемом принципом «кто не работает, тот не ест», содержится ядро, зародыш

Под влиянием критики, последовавшей за появлением его статей, Я. А. Кронрод признает теперь, что «*собственность есть совокупность особых форм производственных отношений*» и что «собственность, взятая как такая всеобщая категория, не представляет собой еще основного производственного отношения» [1].

Однако, не будучи в состоянии отказаться от своей концепции, автор заявляет, что одно дело — «собственность вообще», «собственность как совокупность особых форм производственных отношений» и другое дело — собственность на средства производства, которая и является основным производственным отношением. Фактически автор подменяет положение К. Маркса о собственности как совокупности всех производственных отношений надуманным понятием «собственность вообще», а основного производственного отношения — юридической категорией собственности на средства производства.

Другие авторы, сторонники указанной выше концепции, признавая, что собственность — это совокупность производственных отношений, также утверждают, что из всей совокупности отношений собственности следует «выделять отношения собственности по поводу средств производства», каковые, по их мнению, и являются основным производственным отношением. Но встает вопрос: получим ли мы в результате такой операции отдельное, самостоятельное, именно основное, отношение? Вряд ли. Некоторые сторонники концепции уже начинают признавать, что «отношения собственности по поводу средств производства» суть также совокупность отношений [2]. Выделив эту совокупность, мы встаем перед

основного производственного отношения социализма. В основном же отношении социализма, выражаемом принципом «от каждого по способностям, каждому по труду», указывается не только на то, что каждый должен работать, но и на то, какова мера присвоения каждым, а именно — по труду» («Категории и законы распределительных отношений». Минск, 1968, стр. 16). Таким образом, автор совершает двойную ошибку: он ищет основное отношение по производству, во-первых, в отношении распределения и, во-вторых, в отношениях, специфических лишь для первой фазы формации.

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 283.

[2] «В экономической литературе употребляется и более узкое понятие собственности — собственность на средства производства,

той же задачей, а именно задачей раскрытия собственности на средства производства как совокупности производственных отношений и выделения из них основного, главного отношения.

Классики марксизма, говоря о собственности, имели в виду собственность на средства производства, или, по выражению К. Маркса, «отношение к условиям производства как к своим». Они показали, что собственность — это совокупность производственных отношений. В цитированном выше письме к П. А. Анненкову К. Маркс указывал, что такие категории, перечисляемые Прудоном, как конкуренция, монополия, кредит, разделение труда и другие, «образуют в совокупности то, что... называют собственностью». К. Маркс раскрывает капиталистическую собственность не в терминах собственности (собственность на средства производства, собственность на средства потребления и др.), а в реальных производственных отношениях капитализма — отношении эксплуатации рабочего класса капиталистами, отношении конкуренции и других, в которых реализуется (и раскрывается) капиталистическая собственность на средства производства.

Некоторые авторы склонны признать теперь, что земельная собственность реализуется при капитализме в земельной ренте, а собственность на средства производства — в прибавочной стоимости, т. е. в отношении эксплуатации наемного труда капиталом. Я. А. Кронрод, подойдя к характеристике основного производственного отношения капитализма, вынужден упомянуть об эксплуатации наемного труда капиталом. Капиталистическая собственность на средства производства, пишет он, «прежде всего выступает как присвоение — монопольное частное распоряжение средствами производства капиталистом, заключающееся в соединении их с рабочей силой, отделенной от средств производства, на началах ее купли-продажи (найма) и капиталистической эксплуатации» [1].

которая отхватывает не всю совокупность производственных отношений, а лишь некоторые из них, относящиеся к непосредственному производству» («Категории и законы распределительных отношений социализма», стр. 6—7).

[1] *Я. А. Кронрод*, Законы политической экономии социализма, стр. 287.

Таким образом, автор не смог обойти молчанием отношение капиталистической эксплуатации. Но упоминание, сделанное им, тонет в рассуждениях, которые вовсе не требуются согласно научной логике, а диктуются логикой концепции и спора. На самом деле, и купля-продажа рабочей силы, и соединение рабочей силы со средствами производства на основе этой купли-продажи, и монопольное распоряжение средствами производства капиталистом — все это укладывается в краткую, но емкую формулу: «эксплуатация наемного труда капиталом».

Что же касается определения основного производственного отношения при социализме, то Я. А. Кронрод дает его уже без всякого намека на действительные отношения производителей в процессе производства (мы привели его полностью на стр. 119—120), ограничиваясь по-прежнему юридическими терминами собственности. Группа экономистов, стоящая на той же позиции, признавая на словах, что собственность — это совокупность производственных отношений формации, на деле до сих пор не может оторваться от прежнего представления о собственности как об отдельном, самостоятельном производственном отношении и продолжает утверждать, что нельзя ставить знак равенства между собственностью и производственными отношениями в целом [1].

Воздействие полемики сказалось также и в том, что сторонники разбираемой концепции стали употреблять термин «коллективность», как это имеет место, например, в книге Я. А. Кронрода. Однако, говоря о принадлежности средств производства всему обществу как единому коллективу, о «непосредственно общественном отношении коллективности производителей по поводу средств производства» [2], Я. А. Кронрод фактически не выходит за рамки характеристики собственности как правового отношения. Между тем К. Маркс недаром и не раз подчеркивал, что «собственность, поскольку она есть только известное отношение к условиям производства, как *к своим*... осуществляется только через само

---

[1] См. «Политическая экономия социализма». Учебное пособие. Изд-во «Экономика», 1969, стр. 83.

[2] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 290.

производство»[1]. У К. Маркса отношение коллективности есть основа социалистического производства, отношение между людьми в процессе производства.

Коллективность же, как ее далее раскрывает Я. А. Кронрод, не имеет фактически ничего общего с действительной коллективностью как основой производства при социализме и с общенародной собственностью на средства производства. По его мнению, отношение коллективности, коллективизм — это вовсе не специфическая черта коммунистической формации, а общее отношение, общая черта всех формаций, включая и все эксплуататорские. Все способы производства, утверждает Я. А. Кронрод, «представляют собой те или иные... формы *коллективности людей, их взаимосвязей в коллективе, их сотрудничества по производству как между отдельными производителями, так и между теми или иными коллективами, т. е. определенные формы коллективного соединения работников со средствами производства*»[2]. История знает различные общественно-экономические формации, в том числе эксплуататорские. «Но при всех условиях,— уверяет автор,— отношения по производству — это связи в коллективе, те или иные формы соединения людей, их коллективного сотрудничества в производстве»[3]. Все способы производства, «все формы отношений — будь они отношениями господства и подчинения или полностью социально равных участников коммунистического производства — это отношения коллективности, сотрудничества в необходимо общественно протекающем производстве»[4].

Трудно верить своим глазам, читая подобные утверждения. Раб и рабовладелец, крепостной крестьянин и феодал, наемный рабочий и капиталист — все они по воле автора составляют коллектив, действуют на основе коллективности, все они сотрудничают друг с другом «в необходимо общественно протекающем производстве».

---

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 27.

[2] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 62.

[3] Там же.

[4] Там же. Этот довод повторяют и некоторые другие экономисты и философы.

Автор смешал совместный труд многих людей, кооперацию труда с коллективом, общественное производство с сотрудничеством и партнерством, в результате чего и пришел к изображению эксплуататорских порядков в духе коллективизма, товарищества, свободного объединения. Но К. Маркс не раз обрушивался на подобные приемы в области политической экономии. «Так как все развитые формы капиталистического процесса производства, — писал К. Маркс, — суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации»[1]. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно возвращались к этому вопросу.

Таким образом, все рассуждения автора об отношении коллективности приобретают по меньшей мере двусмысленный характер.

Несколько иную позицию в вопросе об основном производственном отношении при социализме занимает Л. И. Любошиц. В брошюре «Общие и специфические экономические законы» он пишет: «Главенство всенародной собственности... определяет основное производственное отношение социалистического общества.

На наш взгляд, этим отношением является *отношение непосредственного производителя и общества в целом как единой ассоциации производителей,* так как именно общество в целом при социализме является собственником решающих условий производства»[2].

Л. И. Любошиц, аргументируя свою мысль, исходит из известного положения К. Маркса о том, что самую глубокую основу всего общественного строя надо искать в непосредственном отношении собственников условий производства к непосредственным производителям[3]. В соответствии с этим он ищет и при социализме собственника на средства производства (находит его в лице всего общества), с одной стороны, и непосредственных производителей — с другой. Но можно ли применять приведенную формулу К. Маркса так, как это делает

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 747.

[2] *Л. И. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы. М., 1959, стр. 111.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

Л. И. Любошиц? Отношение капиталиста и наемного рабочего действительно образует основное производственное отношение капитализма, имеющее совершенно определенный характер отношения эксплуатации.

Формула же, сконструированная Л. И. Любошицем для социализма по аналогии с эксплуататорскими формациями, получилась бессодержательной, ничего не говорящей о характере отношений двух сторон. На самом деле, как же охарактеризовать отношение общества как собственника средств производства и непосредственных производителей при социализме? Что это — отношение эксплуатации, отношение конкуренции или что-то иное? Формула ответа на этот вопрос не дает. В новом выступлении автор пытается развить свою мысль. Он указывает, что если при капитализме рабочие работают по найму у собственников средств производства — капиталистов, то при социализме — у собственника средств производства — государства [1]. Однако эта параллель не только не усиливает позиции автора, а, наоборот, еще более обнажает ее слабые стороны.

Формула Л. И. Любошица вместе с тем однобока. Она выпячивает лишь отношение личности и общества, игнорируя отношения между отдельными производителями (и в то же время равноправными собственниками общественных средств производства), отношения дружественных классов, социальных групп, производителей внутри производственных коллективов и между коллективами и т. д.

При социализме нельзя противопоставлять общество в целом как собственника и непосредственных производителей как несобственников. Нельзя ставить вопрос так, что общенародная собственность на средства производства «означает принадлежность средств производства обществу в целом и непринадлежность их каждому члену общества в отдельности» [2]. Эта по меньшей мере странная позиция целиком совпадает по своему смыслу с позицией Л. И. Любошица, как она выражена в его формуле основного производственного отношения.

---

[1] См. «Вестник Московского университета». Серия VII — «Экономика», 1969, № 4, стр. 7.

[2] «Категории и законы распределительных отношений социализма», стр. 23.

При социализме все члены общества являются равноправными владельцами общенародных средств производства. В связи с этим производственные отношения при социализме гораздо богаче, многостороннее и основное из них проходит по линии отношения между равноправными коллективными собственниками, непосредственными производителями и их коллективами, объединенными в производстве и общей собственностью и общей целью. К. Маркс указывал, что в коллективе *«индивид относится к другим, как к соучастникам в собственности, носителям общей собственности»* [1].

Если одни экономисты, характеризуя основное производственное отношение при социализме, делают акцент на момент социально-экономического неравенства членов общества, то другие, наоборот, видят его суть в социально-экономическом равенстве членов общества. Так, А. К. Покрытан, В. И. Касаткина и В. Н. Мазур пишут, что «для социалистической и коммунистической собственности характерно социальное равенство, прежде всего равенство экономическое, между всеми членами общества, т. е. уничтожение эксплуатации человека человеком» [2].

В приведенной формуле сделана попытка выйти за пределы традиционной трактовки, и в этом ее положительная черта. Авторы, пытаясь раскрыть суть основного производственного отношения, отмечают такие стороны социализма, как ликвидация эксплуатации человека человеком, экономическое равенство членов общества. Однако и эта формула еще не дает представления о главном отношении людей по производству при социализме, о характере интереса и способа его реализации.

Уничтожение эксплуатации человека человеком — великое завоевание социализма. Это завоевание означает ликвидацию основного производственного отношения капитализма и ставит вопрос о природе и характере пришедшего ему на смену основного производственного отношения коммунистической формации.

---

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 4 (курсив мой. — *И. К.*).

[2] *А. К. Покрытан и др.* Социалистическая собственность при переходе к коммунизму. М., 1964, стр. 56. См. также «Методологические проблемы экономической теории». М., 1970, стр. 61.

Положение людей в обществе — их социальное равенство или неравенство — не дает прямого ответа на этот вопрос, ибо оно само определяется специфическими производственными отношениями, и прежде всего основным отношением формации. Социальное неравенство, например, свойственно всем эксплуататорским формациям, но оно весьма различно в каждой из них, и это различие несет на себе печать основного отношения людей по производству. Следовательно, положение членов общества — равенство их или неравенство и их специфичность — само должно быть объяснено исходя из специфичности основного производственного отношения формации.

Каким же условиям должна удовлетворять формула основного производственного отношения при социализме? Во-первых, основное производственное отношение является отношением между людьми *по производству;* во-вторых, оно должно быть общим для обеих фаз коммунизма, различаясь лишь по степени зрелости; в-третьих, выражать существо коммунистической формации, быть главным, определяющим отношением среди всех общекоммунистических отношений; в-четвертых, формула основного производственного отношения должна содержать в себе основной движущий мотив развития социалистического производства.

Исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма и практики социалистического строительства, мы определяем *основное производственное отношение коммунистической формации как отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи равноправных производителей, объединенных общей собственностью и общей целью производства.*

Это отношение является общим для обеих фаз коммунистической формации. Оно пронизывает все народное хозяйство и определяет взаимоотношения работников различных отраслей хозяйства, отдельных коллективов предприятий, отдельных социальных групп и двух дружественных классов. Это отношение присуще и кооперативно-колхозному сектору производства, хотя оно здесь и проявляется в менее зрелой форме. От уровня развития этого отношения и его использования зависит эффективность хозяйственной деятельности в народном хозяйстве в целом и на отдельных его участках.

2. О формуле основного производственного отношения коммунистической формации

Идея основного производственного отношения коммунистической формации как отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи ассоциированных работников постепенно получает признание в экономической литературе. Эта концепция находит все больше сторонников, подкрепляется в процессе разработки все новыми аргументами. Самое же главное, она послужила исходным пунктом плодотворных и интересных исследований[1]. Вместе с тем названная концепция встретила ряд возражений, на которых следует остановиться.

Выдвигаемая нами формула основного производственного отношения основана на положениях К. Маркса и Ф. Энгельса, которые затем развивались В. И. Лениным.

К. Маркс и Ф. Энгельс называют социализм обществом ассоциированных производителей, организованным на началах товарищества. Созданная под руководством К. Маркса первая международная рабочая организация была названа «Международное Товарищество Рабочих». В Учредительном манифесте этой организации К. Маркс подчеркивал жизненное значение братского союза, «который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга...»[2] Необходимо «добиться того, чтобы рабочие различных стран не только *чувствовали*, но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии»[3].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал товарищеский характер связей между людьми при социализме, взаимопомощь и сотрудничество между ними, как глав-

---

[1] См., например, *В. Ф. Клепиков.* Социалистическая кооперация труда. М., 1966; *В. Н. Черковец.* О методологических принципах политической экономии как научной системы. М., 1965; *Л. Е. Эпштейн.* Экономические факторы коммунистического воспитания. Челябинск, 1966; *К. И. Попов.* Развитие экономических связей стран социализма. М., 1968, а также аргументированные и интересные выступления М. Н. Савова, В. А. Сластененко, В. А. Грималюка, В. А. Трефилова и других авторов.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 10.

[3] Там же, стр. 195.

ное, что отличает взаимоотношения между людьми в процессе социалистического производства. Так, в проекте программы партии В. И. Ленин указывал, что «осуществление коммунизма, безусловно, требуя наивозможно большей и строжайшей централизации труда в общегосударственном масштабе, предполагает тем самым преодоление той разрозненности и раздробленности рабочих, профессиональной и местной, которые были одним из источников силы капитала и бессилия труда» [1]. В связи с этим В. И. Ленин считал необходимым особенно большое внимание обратить на развитие и укрепление товарищеской дисциплины трудящихся, а также неуклонно работать над тем, чтобы «ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих...» [2]. Мысль о товарищеском сотрудничестве специалистов с рабочими и крестьянами была включена по предложению Ленина в резолюцию IX съезда партии «Об очередных задачах хозяйственного строительства». В резолюции съезд вменяет партийным работникам в обязанность «стремиться к установлению атмосферы товарищеского сотрудничества рабочих и техников-специалистов, унаследованных пролетарским режимом от буржуазного строя» [3]. Новую дисциплину труда В. И. Ленин называл не иначе, как товарищеской дисциплиной или дисциплиной товарищеской связи. В «Проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», написанном им в 1922 г., подчеркивается задача налаживания товарищеского сотрудничества специалистов с рабочими и крестьянами [4].

Положение о товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи как главной черте взаимоотношений между работниками производства при социализме вошло в партийные документы. Так, в материалах XXI съезда КПСС указывается: «Вместо присущей буржуазному обществу эксплуатации человека человеком при социализме на базе социалистической общественной собственности установились взаимопомощь и сотрудничество

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 98—99.

[2] Там же, стр. 119, 120.

[3] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 159.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 351.

в совместном труде равноправных и свободных членов общества, глубоко заинтересованных в развитии народного хозяйства и культуры... На смену конкуренции, частному предпринимательству и зверской эксплуатации человека человеком пришли новые, подлинно гуманистические отношения между людьми социалистического общества — отношения товарищеского соревнования и сотрудничества, поддержки друг друга в труде, отношения, дающие простор развитию творческой инициативы, активности, талантов и способностей широких народных масс»[1].

Этот коренной устой жизни нашего общества получил свое отражение и в Программе КПСС. «Совместный, планомерно организованный труд членов общества, — говорится в Программе, — их повседневное участие в управлении государственными и общественными делами, развитие коммунистических отношений товарищеского сотрудничества и взаимной поддержки ведут к преобразованию сознания людей в духе коллективизма, трудолюбия и гуманизма»[2].

Отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи является основным устоем, определяющим взаимоотношения стран мировой системы социализма. В Программе Коммунистического Интернационала при характеристике будущей мировой системы коммунизма указывалось: «На место борющихся классов становятся члены единого мирового трудового товарищества... Вместо того, чтобы в боях между классами и народами уничтожать бесчисленные человеческие жизни и неисчислимые богатства, человечество обращает всю свою энергию на борьбу с силами природы, на развитие и поднятие своей собственной коллективной мощи»[3]. Создание мировой системы социализма полностью подтвердило эту характеристику ее основ. В документах Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий неоднократно отмечались как основополагающие такие принципы взаимоотношений между странами мировой системы социализма, как равноправие,

---

[1] «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». М., 1959, стр. 9—10.

[2] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 409.

[3] «Программа Коммунистического Интернационала», М., 1928, стр. 38—39.

братский союз, всестороннее товарищеское сотрудничество и взаимная помощь [1].

Формула о товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи как определяющем производственном отношении при социализме вошла, таким образом, в теоретический арсенал партии. Она проверена жизнью, творческой деятельностью миллионов тружеников не только в СССР, но и в других социалистических странах. Справедливость и жизненность этой формулы повседневно подтверждается беззаветным трудом передовиков производства, участников социалистического соревнования. И недаром участники Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание ударника коммунистического труда в своем обращении писали: «Товарищеское сотрудничество и социалистическая взаимопомощь — закон жизни советских людей» [2].

Идея товарищеского сотрудничества, или отношения товарищества как основного производственного отношения нового строя, выдвинутая классиками марксизма-ленинизма, нашла отражение в литературе задолго до наших споров об основном производственном отношении коммунистической формации. Например, в конце «Курса политической экономии» А. Богданова и И. Степанова был дан специальный раздел «Коллективистический строй» [3]. В «Начальном курсе политической экономии» А. Богданова социалистическое общество характеризуется как «общество, образующее один трудовой коллектив, который планомерно организует производство на основе товарищеского сотрудничества и который сообща владеет всеми средствами труда» [4]. В брошюре «Новый мир» тот же автор писал, что условиям нового общества «соответствует только один тип отношений между людьми — отношения *товарищеские*», расширяющиеся до пределов всего общества. Суть этих отношений он характеризует следующим образом: «Сущ-

---

[1] См. «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1960, стр. 10; «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Москва. 1969». Прага, 1969, стр. 23, 24.

[2] «Правда», 31 мая 1960 г.

[3] *А. Богданов* и *И. Степанов.* Курс политической экономии, т. II, вып. 4. М. — Пг., 1923, стр. 280—303.

[4] *А. Богданов.* Начальный курс политической экономии. М., 1923, стр. 132.

ность товарищеской организации заключается в единстве цели, свободно, без всякого принуждения поставленной себе людьми и выходящей за пределы личных интересов каждого из них». В этих условиях «товарищеская организация... выступает как действительная коллективность, сплоченная реальным единством работы» [1].

Наши критики приводят некоторые возражения по существу формулы основного производственного отношения коммунистической формации. Крупный недостаток формулы они видят в том, что в ней отсутствует указание на характер собственности. Но хорошо известно, что Марксово определение основного производственного отношения капитализма как отношения эксплуатации наемного труда капиталом или отношения прибавочной стоимости также не содержит описания отношений частной собственности, хотя, безусловно, предполагает определенную форму собственности, включает ее в себя и вытекает из нее. То же относится и к нашей формуле основного производственного отношения коммунистической формации. Отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи свободных ассоциированных производителей возможно лишь на основе общественной собственности на средства производства и предполагает ее.

Некоторые экономисты утверждают также, что «понятия «товарищеское сотрудничество», «взаимопомощь» не исторически определенные экономические категории, а общие черты, свойственные различным формам общественных отношений, в их числе и экономическим, протекающим к тому же при различных социально-исторических условиях. Ведь совместный труд при всяком общественном строе предполагает сотрудничество, на что указывал Маркс, характеризуя природу кооперированного, соединенного труда вообще.

В рассматриваемой характеристике не исправляет дело и указание на товарищеский характер сотрудничества и социалистический характер взаимопомощи. Товарищество — категория столь же общая, сколь и само сотрудничество. Оно не носит социально-исторической определенности и, скорее, представляет собой характе-

[1] *А. Богданов.* Новый мир, изд. 3. М., 1920, стр. 36, 82, 84.

ристику морально-этического, а не экономического свойства»[1].

Отметим прежде всего, что если сотрудничество, взаимопомощь и товарищество, как уверяет автор, свойственны всякому совместному труду, то это означает, что они все-таки экономические категории, но общие для многих или всех формаций, поскольку там имело место развитие совместного труда многих лиц. Однако это положение не может не вызывать возражения. Можем ли мы говорить о сотрудничестве, тем более о товарищеском, и взаимопомощи между рабом и рабовладельцем, феодалом и крепостным крестьянином, капиталистом и рабочим? Могут ли сотрудничать эксплуататоры и эксплуатируемые? Развитие капиталистической кооперации, т. е. совместного труда многих людей под одной крышей и под командой капитала, означало не развитие сотрудничества и взаимопомощи, а развитие эксплуатации и классовых антагонизмов. Таков основной вывод из марксистского анализа капитализма.

Утверждения о наличии товарищеского сотрудничества и взаимопомощи в производстве в условиях эксплуататорских формаций так же несостоятельны, как и отрицание этой основополагающей черты коммунистической формации. И напрасно автор пытается в этом отношении опереться на авторитет К. Маркса. К. Маркс, имея в виду подобного рода случаи, писал, что выражение прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы в виде частей вновь созданной стоимости скрывает специфический характер капиталистического отношения, а именно отношения эксплуатации. «Вместо этого, — подчеркивал К. Маркс, — создается *ложная видимость отношения товарищества,* при котором капиталист и ра-

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 309—310. Автор не всегда придерживался указанной точки зрения. В работе «Социалистическое воспроизводство» (М., 1955, стр. 63) он, например, писал, что социалистическое воспроизводство *«есть воспроизводство отношений товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи людей в процессе производства».* Как видим, автор расценивает здесь товарищеское сотрудничество и социалистическую взаимопомощь не как «характеристику морально-этического свойства», а как производственное отношение и, более того, как специфическое производственное отношение при социализме.

бочий делят между собой продукт сообразно доле участия каждого из них в образовании его»[1].

Буржуазные экономисты как раз принимали ложную видимость за действительность. Они обычно ссылались на факт кооперации труда, толкуя ее в духе коллективизма и партнерства. К. Маркс к этому положению делает свою известную сноску о том, что поскольку все развитые формы капиталистического производства суть формы кооперации, то нет ничего легче, как расписать их в виде форм свободной ассоциации.

Приведенное высказывание К. Маркса интересно и в том отношении, что он здесь недвусмысленно провозглашает в качестве наиболее характерной черты «свободной ассоциации», т. е. будущего общества, «отношение товарищества», как противоположное по своей природе отношению эксплуатации.

Заявление Я. А. Кронрода о том, что сотрудничество и взаимопомощь — это черты, свойственные не только производственным, но и другим общественным отношениям, доказывает лишь то, что отношения по производству определяют и все другие общественные отношения. Основное производственное отношение при социализме — отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи определяет и все другие общественные отношения: и национальные, и государственные, и семейные, и т. д. Это положение имеет громадное значение для развития нашего общества в современный период. Оно означает, что во всех сферах общественной жизни перед нами стоит задача ликвидации остатков старых отношений: разрозненности, недоверия, индивидуализма, и развития новых отношений — отношений дружественного сотрудничества и взаимопомощи по принципу, провозглашенному в Программе КПСС: коллективизм и товарищеская взаимопомощь, каждый за всех, все за одного, человек человеку — друг, товарищ и брат.

Некоторые экономисты и философы иногда утверждают, будто характеристика основного производственного отношения как отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи «представляет собой харак-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 542 (курсив мой. — *И. К.*).

теристику морально-этического, а не экономического свойства»[1]. Однако аргумент этот настолько слаб, что его трудно принимать всерьез. С таким же правом можно сказать, что характеристика основного производственного отношения капитализма как отношения эксплуатации наемного труда капиталом также носит этический характер и вытекает из того сочувствия угнетенным классам, которое было присуще нашим великим учителям.

А. С. Макаренко, сделавший большой вклад в разработку проблемы коллективизма, справедливо подчеркивал, что «вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива»[2].

Иными словами, независимо от того, сознаем мы или не сознаем, хотим или не хотим, любим друг друга или нет, но раз производство носит коллективный характер и члены коллектива связаны общей целью и общим интересом, они неизбежно становятся в отношения товарищеского сотрудничества ради достижения общей цели при помощи общих средств производства. Это не этическая категория, не вопрос любви к ближнему, а объективное отношение людей по производству.

Разумеется, момент воспитания и сознательности нельзя недооценивать. Чем выше уровень коммунистической сознательности, чем больше развиты навыки коллективизма, тем сплоченнее производственный коллектив и тем в большей степени реализуются преимущества коллективизма и товарищества. Коллективизм, товарищество и взаимопомощь — это действительно важней-

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 310. Нельзя не отметить, что автор вступает в противоречие с самим собой, поскольку он страницей ранее объявил коллективность, товарищеское сотрудничество, взаимопомощь общими чертами, свойственными «различным формам общественных отношений, *в их числе и экономическим*, протекающим к тому же при различных социально-исторических условиях» (стр. 309, курсив мой. — *И. К.*).

[2] *А. С. Макаренко.* Соч., т. 5. М., 1951, стр. 207.

шие устои морального кодекса социалистического общества. Но корни моральных норм находятся в экономике. Основное производственное отношение коммунистической формации порождает и соответствующие ему нормы подлинно человеческой морали, сказывается определенным образом на всех надстроечных отношениях. Раз из взаимоотношений людей в процессе производства изгнаны конкуренция и эксплуатация и здесь господствуют отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, эти отношения должны определять все другие отношения и стороны общественной жизни. Отсюда лучшие черты советских людей — коллективизм, товарищество, бескорыстная помощь.

Воспитательная работа в духе дружбы, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи имеет огромное экономическое значение. Хотя люди в нашем обществе объективно поставлены в отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, но без соответствующего воспитания в них чувства товарищества, коллективизма, высокого сознания общих интересов невозможно в полной мере использовать преимущества этих новых отношений.

Что же должно лежать в основе воспитательной работы партии? Каков, выражаясь языком одного из авторов, обсуждавших этот вопрос, основной «Закон жизни» людей нашего общества? Этим законом не может быть борьба всех против всех, право сильного давить и эксплуатировать слабого — волчий закон капитализма. Не может им быть и евангельский догмат о любви к ближнему, прикрывающему зверскую практику капитала. Сердцевиной морального кодекса людей нашего общества, записанного в Программе КПСС, является высокий принцип коллективизма, товарищеского сотрудничества и взаимной поддержки, братская дружба народов, солидарность с трудящимися всех стран. Эти высокие принципы в полной мере отражают основное производственное отношение коммунистической формации.

Но вытекая из основного производственного отношения коммунистической формации, эти моральные нормы должны «работать» с полной нагрузкой. Только в том случае, если в основе воспитания наших людей будут эти моральные нормы, мы сможем в полной мере

реализовать в жизни преимущества этого нового отношения.

Основное производственное отношение коммунистической формации определяет, следовательно, не только характер этических норм, но и основные черты педагогики нового общества. Это те самые черты, которые с таким мастерством и проникновенностью раскрыл уже в первые десятилетия строительства социализма в нашей стране А. С. Макаренко, а именно воспитание людей в духе коллективизма и товарищества в труде и в быту [1].

Крупным недостатком нашего определения основного производственного отношения коммунистической формации Я. А. Кронрод считает то, что оно «не заключает в себе указания на источник движения, источник развития», что «в рассматриваемой формуле подчеркнуто единство людей в процессе производства, но не вскрыты имманентные такому единству противоречия, т. е. тот внутренний импульс, который сообщает движение производственным отношениям социализма» [2].

Вряд ли можно согласиться с автором, что при определении производственных отношений надо непременно соблюдать выдвинутое им требование о том, чтобы это определение обязательно заключало в себе противоречие. Соблюдение этого требования может иметь своим следствием лишь искусственное конструирование и нагромождение противоречий. Основное требование к научному определению того или иного производственного отношения заключается в том, чтобы это определение выявляло его суть. Противоречия же, как на это указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, вскрываются в ходе анализа данного производственного отношения на основе

[1] Л. Е. Эпштейн в содержательной работе, посвященной экономическим факторам воспитания, близко подошел к этой установке. Формулируя основное производственное отношение при социализме как «отношение коллективности, планомерного социалистического сотрудничества людей для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества» и подчеркивая, что коллективность — это объективная экономическая категория, а коллективизм — принцип морального кодекса строителя коммунизма, автор рассматривает их как основу коммунистического воспитания (см. *Л. Е. Эпштейн.* Экономические факторы коммунистического воспитания. Челябинск, 1966, стр. 33, 46, и др.).

[2] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 311.

жизненного материала. Сам автор не смог последовательно соблюсти выдвинутое им требование и в ряде случаев явно нарушает его.

По вопросу же о движущих силах экономического развития при социализме наши позиции, как мы уже отмечали, принципиально различны. Я. А. Кронрод и его сторонники считают стимулом развития лишь борьбу и противоречия, а в единстве, солидарности видят тормоз всякого развития. Эта точка зрения далеко не новая. Еще А. Богданов справедливо замечал: «Противники товарищеских отношений утверждают, что сами по себе эти отношения застойны, именно потому, что гармоничны. Только борьба между людьми, в виде войн, конкуренции, группового антагонизма... только она, по их мнению, вызывает развитие и гарантирует его непрерывность»[1]. Автор совершенно правильно указывал на огромное значение отношений товарищества как могучего стимула и движущей силы общественного развития.

Как уже отмечалось, мы исходим из того, что движущие силы развития при социализме не сводятся лишь к социально-экономическим противоречиям. При социализме возникают новые движущие силы, которые суть силы единства, товарищеского сотрудничества, коллективизма. Чем больше развиваются эти силы, тем более возрастает эффективность общественного производства и тем самым возрастает власть общества над природой. Формула основного производственного отношения, выдвинутая нами, отражает, следовательно, основной импульс, основную движущую силу развития нового общественного строя.

Основной импульс развития социалистического общества по пути к коммунизму Я. А. Кронрод видит в противоречии между равенством членов общества как владельцев средств производства и их неравенством по использованию этих средств производства. К сожалению, автор лишь прокламирует это положение, но не раскрывает его и не показывает, каким же образом это

---

[1] *А. Богданов.* Новый мир, изд. 3, стр. 37. Автор добавлял к этому: «Кто считает борьбу между людьми необходимым условием их развития, тот просто обобщает свой узкий опыт, грубо перенося прошлое в будущее. Нередко человек, воспитанный на розге, считает невозможным без ее помощи научить детей чему-нибудь» (там же, стр. 38).

противоречие движет социалистическую экономику, обеспечивает высокие темпы роста производства и производительности труда.

Вместе с тем действие этого импульса автор ограничивает лишь первой фазой коммунизма. «В условиях полного коммунизма, — пишет он, — уже нет противоречий отношений экономического равенства и неравенства как источника движения»[1]. Спрашивается, что же явится основным импульсом развития экономики в условиях второй фазы коммунизма? Автор отвечает на этот вопрос так: «Они уступают место противоречиям между устаревающими вследствие развития производительных сил отдельными формами производственных отношений и всей их совокупностью как отношений высшей, коммунистической коллективности в целом, которые служат постоянной основой непрерывного общественного прогресса»[2].

Иными словами, автор не смог выдвинуть никакого специфического движущего социально-экономического противоречия для второй фазы коммунизма и вынужден был ограничиться ссылкой на вечное противоречие между старым и новым, отживающим и нарождающимся. В этом свете и противоречие, сконструированное им для социализма, выглядит еще более искусственным и надуманным.

Некоторые теоретики, рассуждая по аналогии с капитализмом, усматривают основную движущую силу социализма в некоем «основном противоречии социализма». Однако основное противоречие присуще лишь эксплуататорским формациям, основанным на расколе общества на антагонистические классы, и не присуще социализму и коммунизму, характерной чертой которых является глубокое внутреннее единство. Наш оппонент на словах отрицает основное противоречие социализма, но, вводя это противоречие в основное производственное отношение в качестве главного импульса движения, фактически полностью признает его.

Наряду с группой экономистов, ставящих под вопрос специфически социалистическое содержание отношения товарищества и взаимопомощи, имеется значительная

[1] *Я. А. Кронрод*, Законы политической экономии социализма, стр. 372.

[2] Там же.

группа экономистов и философов, которые признают социалистический характер этого отношения, но рассматривают его не как основное отношение, а как «общую характеристику социалистических производственных отношений»[1]. Эта тенденция наблюдается в экономической и философской литературе после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», т. е. после 1938 г. Но в тот период экономическая наука еще не дошла до постановки вопроса об основном производственном отношении и основном экономическом законе социализма, в связи с чем некоторые научные понятия не были достаточно дифференцированы. В настоящее время положение изменилось. Теперь мы уже с уверенностью можем сказать, что общая характеристика производственных отношений имеет смысл лишь тогда, когда противопоставляются группы формаций по общему типу отношений (например, эксплуататорские и неэксплуататорские). В этом случае выделяются некоторые общие типические черты отношений. Когда же речь идет о специфических чертах производственных отношений данной формации, отделить так называемую общую характеристику производственных отношений от основного производственного отношения формации с научной точки зрения невозможно.

Конечно, при характеристике производственных отношений формации можно выделить некоторые общие черты, но это будет или очень общее и малосодержательное определение, или действительно научное, содержательное, отражающее специфичность формации, однако тогда оно будет по необходимости совпадать с характеристикой основного производственного отношения. Скажем, мы могли бы охарактеризовать производственные отношения капитализма как отношения господства и подчинения, но это еще не выражало бы существа капитализма. Поэтому будет правильнее и точнее, если мы охарактеризуем их как отношения эксплуатации наемного труда капиталом. Так и поступает К. Маркс, когда подчеркивает, что отношение прибавочной стоимости определяет собой весь общественный и технический строй капиталистического производства. Отсюда следует,

[1] См., например, *Л. И. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы, стр. 106, и работы ряда других авторов.

что никакой особой формулы для характеристики производственных отношений данной формации в противовес формуле основного производственного отношения не требуется, а научная характеристика производственных отношений наилучшим образом может быть дана через характеристику главного, основного производственного отношения. Характеристика производственных отношений социализма как отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи ассоциированных производителей потому и выражает специфичность социализма, что она представляет собой формулу основного производственного отношения коммунистической формации.

В какое затруднительное положение попадают авторы, признающие товарищеское сотрудничество и взаимную помощь в качестве общей характеристики производственных отношений, но выдвигающие особую формулу основного производственного отношения, показывает пример Л. И. Любошица.

В брошюре «Общие и специфические экономические законы» Л. И. Любошиц неоднократно подчеркивает, что товарищеское сотрудничество и взаимопомощь ассоциированных производителей является главным признаком производственных отношений, пронизывает все отношения социализма [1], т. е. трактует его фактически как основное отношение и в то же время не хочет признать его таковым. В своей новой статье Л. И. Любошиц вновь повторяет, что «характеристика основного производственного отношения обязательно включает... товарищеское сотрудничество и социалистическую взаимопомощь как *коренную черту* всех производственных отношений социализма». Но тут же добавляет: «Нельзя, однако, отсюда делать вывод, что эта черта и есть основное производственное отношение социализма» [2].

---

[1] См. *Л. И. Любошиц.* Общие и специфические экономические законы, стр. 106, 114.

[2] «Вестник Московского университета». Серия VII — «Экономика», 1969, № 4, стр. 8. То же противоречие характерно и для И. Т. Балукова, который, признавая, что отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи производителей «характеризует одну из наиболее существенных общих черт социализма, коренным образом отличающих социализм от предыдущих формаций», вместе с тем отказывается признать его в качестве основного производственного отношения (см. «Методологические проблемы экономической теории», стр. 60).

Почему нельзя, если это черта коренная, главная, пронизывающая все другие отношения и, следовательно, отвечающая всем требованиям, которые можно предъявить к этой категории политической экономии? Если товарищеское сотрудничество и взаимопомощь производителей ради достижения единой цели есть действительно коренная черта производства, то, следуя методу К. Маркса, мы должны признать ее в качестве основного производственного отношения коммунистической формации.

Не менее показателен и ответ, который Л. И. Любошиц дает на вопрос о том, как же реализуется сформулированное им основное производственное отношение. Автор пишет, что «основное отношение реализуется через *механизм планомерного товарищеского сотрудничества и взаимопомощи производителей, ассоциированных в масштабе всего общества*»[1]. Итак, товарищеское сотрудничество и взаимопомощь ассоциированных производителей — это не только коренная черта, главный признак, но и механизм реализации основного производственного отношения при социализме. Фактически логикой анализа автор против своей воли подтверждает правильность нашей формулы основного производственного отношения коммунистической формации.

3. Основные формы и направление развития основного производственного отношения коммунистической формации

Исходной позицией для понимания сущности основного производственного отношения коммунистической формации является признание единства хозяйствующего субъекта, т. е. внутреннего единства всего народнохозяйственного организма, наличие единой для всех производителей цели производства, а следовательно, единого общенародного интереса.

При капитализме разные стороны, вступающие в процесс производства, имеют прямо-таки противоположные цели и противостоят друг другу как враждебные

[1] «Вестник Московского университета». Серия VII — «Экономика», 1969, № 4, стр. 8 (курсив мой. — *И. К.*).

противоположности: владельцы предприятий на рынке, эксплуататоры и эксплуатируемые в рамках предприятия, классы на национальной и международной арене. Взаимоотношения участников производства в этих условиях суть взаимоотношения борьбы.

При социализме все производители имеют объективно одну, общую для всех цель производства, объединяющую их на почве общей борьбы за общее благосостояние. Единство хозяйства, единство цели производства определяет возможность и необходимость *единства действий* производителей. Единая, общая для всех цель производства не может быть достигнута при разброде, а тем более в условиях взаимной борьбы. Она может быть достигнута лишь при слаженной целеустремленной работе миллионов производителей.

Основное производственное отношение коммунистической формации по своей природе *противоположно* основному производственному отношению капитализма.

При капитализме в процесс производства вступают в экономическом отношении в корне неравные стороны: одна — капиталисты — обладает средствами производства, другая — рабочие — не имеет ничего, кроме своих рабочих рук. Отсюда экономическая зависимость массы рабочих от капиталиста, отсюда неравноправие рабочего и капиталиста.

При социализме в процесс производства вступают равные стороны — члены социалистического общества, являющиеся коллективными владельцами общественных средств производства. Нельзя согласиться как с теми теоретиками, которые развивают тезис о неравенстве членов социалистического общества по отношению к средствам производства (по их «присвоению — использованию»), так и с теми, которые считают владельцем общенародных средств производства общество в целом и отрицают это право за каждым отдельным членом общества[1]. Каждый член социалистического общества

[1] Так, по мнению Г. Т. Ковалевского, общенародная принадлежность средств производства означает принадлежность средств производства обществу в целом. «Все вокруг не мое, а наше... — пишет он. — Каждый член общества противостоит обществу в целом, членом которого он является» («Категории и законы распределительных отношений социализма», стр. 23). В действительности же «все вокруг наше, а поэтому и мое» и каждый отдельный член общества является совладельцем общих средств производства.

как совладелец общих средств производства является их владельцем, обладающим равным правом их использования и несущим равную с другими ответственность за их эффективное использование, сохранность и умножение. Но эти владельцы не противопоставлены друг другу, а соединены друг с другом, как равные с равными, и могут соединиться со средствами производства, только соединяясь друг с другом на равных основаниях.

Но члены общества, вступающие в процесс трудовой деятельности ради общей для всех цели и на равных основаниях, суть *товарищи по труду*, и их отношения в процессе производства нельзя характеризовать иначе, как *отношения товарищеского сотрудничества ради достижения общей для всех цели.*

Эпизодические случаи сотрудничества для каких-либо целей имели место и между частными производителями. Но в капиталистическом обществе сотрудничество протекает на базе отношений конкуренции и, следовательно, всегда кратковременно, противоречиво и непрочно. Оно не характерно для этого способа производства. Сотрудничество на основе коллективности и общей цели производства, сотрудничество равных по отношению к средствам производства *свободных* членов общества и *товарищей в общем деле,* имеющих коренные *общие интересы,* носит *устойчивый, прочный характер* и превращается в главную черту нового способа производства.

Взаимная помощь, например, при стихийном бедствии или во время напряженных работ имела и имеет место и среди простых товаропроизводителей в сельском хозяйстве. Однако она также носит мимолетный характер и подрывается развитием капитализма и растущей конкуренцией. При социализме взаимная помощь в общем деле входит в повседневный обиход производственной жизни и все более охватывает все стороны производства.

Отношение товарищеского сотрудничества и взаимной помощи ради достижения единой для всех цели составляет основу всех преимуществ социалистической экономики по сравнению с экономикой капитализма. Конечный итог хозяйственной деятельности при капитализме есть результат сложения разрозненных усилий, означающих выигрыш одной стороны и проигрыш других более слабых сторон. При социализме конечный итог

хозяйственной деятельности есть результат умножения многих усилий, действующих в одном направлении, означающих многосторонний выигрыш всех участников производства. Эта мысль может быть разработана и выражена математическим путем.

В отношения товарищеского сотрудничества и взаимной помощи вступают как отдельные производители внутри данной производственной ячейки, так и целые коллективы производителей внутри данной отрасли и различных отраслей народного хозяйства. Рассмотрение взаимоотношений людей при социализме лишь с точки зрения отношения отдельного члена к обществу в целом игнорирует все богатство (и сложность) взаимоотношений производителей при социализме. Конечно, каждое отношение предполагает наличие двух сторон, но при социализме каждый производитель (и коллективы производителей) вступает в отношение со многими другими равноправными производителями. Эти отношения по содержанию суть отношения товарищей по труду, сотрудничающих в деле выполнения общей задачи. Но по своей форме эти отношения различны. Анализ этих форм представляет большой интерес.

Различие форм основного производственного отношения определяется многими обстоятельствами, в том числе положением производителя в процессе производства, взаимодействием с другими отношениями, развитием технического базиса производства и т. д. Так, свои особенности имеет товарищеское сотрудничество различных групп производителей, работающих на разных, последовательно связанных участках единого производственного цикла. Здесь общий итог зависит от слаженности отдельных звеньев производственного цикла, от развития контактов между ними. Внутри предприятий эти контакты, особенно в первичных коллективах — бригаде, участке, наглядны, непосредственны и обусловлены организационно-технически. Сложнее отношения между коллективами предприятий, находящихся часто в разных концах страны.

В целях укрепления и развития отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи между коллективами предприятий очень важно обеспечить наглядность, непосредственность хозяйственных связей между ними. Коллектив завода-производителя должен хорошо

знать своих заказчиков и потребителей, и наоборот. Это имеет большое значение для повышения дисциплины и ответственности, дает возможность улучшить контроль за сроками выполнения заказов, за качеством продукции.

Большую роль в отношениях между коллективами предприятий играет устойчивость хозяйственных связей.

Другие особенности имеет сотрудничество работников, выполняющих параллельные операции и производящих одноименную продукцию. Основное производственное отношение проявляется в этом случае в форме взаимной помощи, дружеской поддержки, подтягивания отстающих, передачи передового опыта. Практика социалистического строительства выдвинула богатый арсенал форм взаимной помощи как внутри предприятия, так и на арене межколлективных связей.

Существуют важные различия в формах реализации основного производственного отношения в рамках отдельного предприятия, отраслей и всего народного хозяйства. Отношения производителей в рамках отраслей и всего народного хозяйства опосредствуются наличием коллектива, а именно: отдельные производители различных предприятий вступают в процесс сотрудничества через свои коллективы. В тех же случаях, когда отдельные предприятия составляют звенья единого производственного цикла и связаны движением продукции, отношение сотрудничества между ними при социализме принимает товарно-денежную форму.

Уровень развития основного производственного отношения зависит от уровня развития производительных сил — материально-технической базы и работников производства, их квалификации, опыта, коммунистического сознания. На первой фазе коммунизма в силу недостаточного развития производительных сил производственные отношения коммунистического способа производства осложняются рядом моментов.

По сравнению с высшей точкой развития коммунистических отношений производственные отношения при социализме, в том числе отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, отличаются недостаточной зрелостью или степенью развития.

Отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи при социализме еще недостаточно тесны и

глубоки, с чем связана и их недостаточная эффективность, т. е. современный уровень производительности труда и производства. Это выражается, например, в недостаточной взаимной слаженности в работе отдельных звеньев единого народного хозяйства (предприятий, отраслей, районов и т. д.). Примером могут служить трудности решения задачи снабжения отдельных предприятий, в чем находит свое выражение недостаточная прочность и слаженность кооперативных связей.

Недостаточную слаженность, т. е. недостаточное развитие отношения сотрудничества и взаимопомощи, мы можем наблюдать и в отношениях между отдельными работниками или группами работников внутри коллектива предприятия. В этом сказывается различная степень зрелости социалистических коллективов, в частности различная степень развития коллективистского сознания работников. В связи с этим особое значение в современный период приобретает повышение коммунистической сознательности, воспитание работников в духе коллективизма, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. Очень часто именно слабое развитие сознания работников как членов социалистического коллектива является причиной плохой слаженности в его работе.

Недостаточное развитие производительных сил и недостаточная степень обобществления производства определяют сохранение серьезных остатков старого разделения труда, которые выражаются, в частности, в существенном различии между городом и деревней и в сохранении двух основных классов — рабочего класса и крестьянства. Отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи работников сельского хозяйства и промышленности при социализме неизбежно приобретает форму сотрудничества и союза двух классов — рабочего класса и крестьянства. Всю систему отношений между городом и деревней мы должны рассматривать сквозь призму этого союза.

Союз и сотрудничество рабочего класса и крестьянства объективно обусловлены, являются на стадии социализма экономически необходимыми и неизбежными. Какое-либо нарушение сотрудничества и взаимопомощи этих двух классов сразу же сказывается на всем народном хозяйстве и ведет к серьезным нарушениям народнохозяйственных пропорций.

Сохранение остатков старого разделения труда выражается также в существенном различии умственного и физического труда, труда квалифицированного и неквалифицированного, в связи с чем в отношения сотрудничества на каждом предприятии и в обществе в целом вступают работники, различные по уровню культурно-технического развития, занимаемой ими ступени квалификационной лестницы и, следовательно, получаемым трудовым доходам. Распределение людей по этим различным ступеням экономически необходимо и целесообразно, поскольку оно дает возможность полнее и эффективнее использовать знания и опыт каждого. Однако оно усложняет процесс сотрудничества. Организация процесса сотрудничества и взаимопомощи неравных по уровню своего развития производителей, работающих в неравных еще организационно-технических условиях, — это дело более сложное, чем организация того же процесса в условиях коммунизма, когда эти элементы неравенства будут устранены.

Ввиду недостаточного развития производительных сил, уровня обобществления производства при социализме сохраняются товарно-денежные отношения. В связи с этим отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи между работниками производства усложняются товарно-денежными отношениями, имеющими свои особенности, свои особые противоречия. Обмен товарами, их купля-продажа даже между коллективами государственных предприятий осложняет понимание нитей сотрудничества и взаимопомощи между ними в общем деле.

При социализме образуется сложная сеть отношений сотрудничества и взаимопомощи внутри отдельных государственных и кооперативных предприятий, между этими предприятиями, между отдельными отраслями хозяйства, между рабочим классом и крестьянством, между работниками умственного и физического труда, между работниками различной квалификации.

Каково же направление развития основного производственного отношения при социализме? Это направление все большего укрепления и всестороннего развития сотрудничества и взаимопомощи, все большего повышения их эффективности, постепенной ликвидации моментов, усложняющих это отношение.

По мере развития производительных сил в процессе перехода к коммунизму будет происходить все большее укрепление связей между отдельными коллективами трудящихся. По мере сближения двух форм собственности будет происходить ликвидация существенного различия между городом и деревней, по мере культурно-технического роста рабочего класса — ликвидация существенного различия между умственным и физическим трудом. Отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи при коммунизме предполагают, следовательно, иную, чем теперь, материально-техническую основу производства.

Глава шестая

КОЛЛЕКТИВНОСТЬ — ОСНОВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

1. К дискуссии об исходном производственном отношении при социализме

В дискуссии, возникшей вокруг вопроса о логике курса политической экономии социализма, различные группы экономистов по-разному формулируют исходное производственное отношение коммунистической формации. Как уже указывалось, одна группа экономистов выступает против применения логики «Капитала» к политической экономии социализма (восхождение от простого к сложному, от абстрактного к конкретному) на том основании, что «исходные категории социалистической экономики по самой своей природе носят народнохозяйственный характер, отражающий наиболее существенные черты социалистической экономики в целом. Поэтому восхождение от частного к общему неприменимо к социалистической экономике»[1]. К этому добавляется еще то соображение, что-де социализм в отличие от капитализма не развивается спонтанно из элементарной клеточки, а что «его исходным пунктом является революционный переворот во всей совокупности господствующих отношений производства...»[2]. Соглашаясь с тем, что и в политической экономии социализма необходимо «выделять простейшее исходное, всеобщее, определяющее отношение», защитники данной позиции в то же время утверждают, что простейшее исходное отношение нельзя «искать и в каком-либо отдельном отношении...»[3]. В соответствии с этим они выдвигают в качестве исходного отношения при социализме общественную

[1] «Вопросы экономики», 1964, № 9, стр. 114.
[2] «Вопросы экономики», 1964, № 12, стр. 83.
[3] Там же.

собственность на средства производства. «Таким образом, *отношение социалистической собственности на средства производства исторически и логически является тем исходным всеобщим отношением,* которое определяет... внутреннюю логику экономических категорий социализма как логику системы его политической экономии...» [1]

Приведенные высказывания защитников данной позиции показывают ее слабость и внутреннюю противоречивость.

Прежде всего нельзя считать обоснованными ссылки на то, что частная собственность порождает «раздробленные отношения», а социалистическая собственность — отношения народнохозяйственного порядка. Производственные отношения социализма по своей природе коренным образом отличаются от капиталистических, но вовсе не тем, что одни присущи всему хозяйству, а другие — каким-то частям хозяйства. Отношения частных собственников в условиях товарного производства также суть отношения, имеющие «народнохозяйственный характер». И в условиях социализма не все производственные отношения однопорядковы: одни охватывают более широкую, другие — более узкую сферу явлений, одни первоначальны, другие производны, одни более, другие менее сложны и т. д.

Производственные отношения коммунистической формации не могут зарождаться и вызревать в рамках капитализма. Но вряд ли можно утверждать, что производственные отношения коммунистической формации, зарождаясь после революции, возникают в своем развитом, законченном виде; они также находятся в процессе развития от низших ступеней к высшим, от простейших — к более сложным, от первоначальных — к различным производным. Следовательно, метод, примененный К. Марксом в «Капитале», вполне применим и к политической экономии коммунистической формации с известными модификациями, которые вытекают из природы отношений.

Сторонники данной концепции правы, когда говорят, что исходным должно быть простейшее, элементарное, всеобщее, отношение. Но они противоречат сами себе,

[1] «Вопросы экономики», 1964, № 12, стр. 84.

утверждая, что исходным отношением не может быть отдельное отношение. Они вступают в противоречие с вышеуказанным правильным тезисом, выдвигая в качестве исходного отношения собственность на средства производства. Выдвижение общественной собственности на средства производства в качестве исходного отношения удовлетворяет их первому принципу — идти от целого к частному, поскольку собственность представляет собой всю совокупность отношений, но одновременно это находится в противоречии с тезисом, что исходное отношение есть простейшее, всеобщее отношение. С какой бы точки зрения мы ни подходили к собственности на средства производства, это отношение (а точнее, эти отношения) нельзя назвать элементарным, простейшим.

Слабость и противоречивость данной позиции обнаруживается еще более, когда ее приверженцы заявляют, что собственность на средства производства есть *и исходное, и основное* производственное отношение социализма[1]. Основное производственное отношение любой формации, во-первых, есть отдельное отношение (а не совокупность отношений), а во-вторых, — это отнюдь не простейшее, не элементарное отношение. Защитники концепции попали, таким образом, в порочный круг: объявив вначале, что в политической экономии социализма надо идти от целого к частному, т. е. от совокупности отношений к отдельным отношениям, и что исходным отношением не может быть отдельное отношение, они заявляют затем, что исходное отношение есть не что иное, как основное отношение, каковое они вынуждены теперь трактовать как совокупность всех производственных отношений.

На деле же защитники данной концепции встали на путь отрицания исходного отношения как элементарного, простейшего и заменили это понятие исходным пунктом возникновения того или иного строя. Но это далеко не одно и то же. Исходным пунктом капиталистическо-

---

[1] «Анализ социалистического способа производства должен, естественно, начинаться с исходной и определяющей категории — общественной собственности на средства производства...»

...«Экономическая категория общественной собственности на средства производства является исторически и логически исходной и определяющей категорией социалистической экономики» («Вопросы экономики», 1964, № 9, стр. 114, 118).

го производства исторически и логически, указывал К. Маркс, является деятельность многих наемных рабочих под командой капиталиста в одном и том же месте [1]. В то же время исходным отношением, с которого К. Маркс начинает анализ в «Капитале», «экономической клеточкой буржуазного общества», как известно, является товар, или отношение разъединенных товаропроизводителей. Нельзя подменять одно другим.

Представители экономистов, выступающих за применение метода К. Маркса в политической экономии социализма, отмечая слабые места изложенной выше позиции, ведут поиск исходного отношения в различных других направлениях. В качестве исходного отношения одни из них выдвигают совокупный общественный продукт, другие — чистый продукт, третьи — необходимый (или прибавочный) продукт, четвертые — потребление и т. д. [2] Во всех этих предложениях явно чувствуется еще сильное влияние при решении новых вопросов теории метода прямой или косвенной аналогии. Если уж не товар, то предлагается и для условий социализма некий аналог товара, а точнее, продукт в его натуральной форме, который непосредственно не несет на себе печати никаких отношений. Поскольку же авторы берут результат всего общественного процесса производства в определенных социально-экономических условиях, постольку его анализ они связывают с анализом всей совокупности отношений.

Особое место в дискуссии об исходном отношении социализма занимает группа научных работников — экономистов Московского государственного университета. Эта группа активно выступала и выступает за применение метода К. Маркса в политической экономии социализма. Она считает, что и в курсах этой науки изложение должно отправляться от простейшего отношения к более сложным, от отдельного, частного к целому, выдвинув и свою оригинальную трактовку этого исходного отношения. В отдельных работах, а также в учебнике эта группа ученых сделала попытку реализации своих методологических установок.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 333.

[2] Подробный разбор этих точек зрения дан в статье В. А. Сластененко (см. «Коллективность — основа социалистического производства». М., 1969).

Данная группа разделяет мнение многих других экономистов о том, что общественная собственность на средства производства есть основное производственное отношение социализма. «Общенародная собственность на средства коллективного производства, — пишут авторы «Курса политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова, — по своей сущности есть собственность *ассоциации тружеников, непосредственных производителей, свободных от эксплуатации.* Как *основное* производственное отношение она прямо противоположна сущности капитала...» [1]

В то же время данная группа экономистов отказывается признать в общественной собственности исходное отношение, справедливо указывая на то, что собственность на средства производства — это не отдельное самостоятельное и далеко не простейшее отношение, а сложная совокупность всех производственных отношений. При обсуждении структуры курса политической экономии социализма Н. А. Цаголов правильно говорил: «... авторы учебника отказались от темы «Общественная собственность на средства производства — основа производственных отношений социализма», потому что собственность в политической экономии существует в виде определенных производственных отношений. Изучать в политической экономии социализма, кроме производственных отношений, еще отдельно собственность означает или повторять одно и то же или изучать собственность как юридический институт. Для политической экономии производственные отношения не что иное, как экономическое выражение собственности. Изучение производственных отношений есть изучение собственности» [2]. С этим положением нельзя не согласиться.

Вместе с тем нельзя не видеть явного противоречия между этим положением и признанием собственности на средства производства в качестве основного производственного отношения. Если собственность на средства производства, о чем недвусмысленно говорит Н. А. Цаголов, есть совокупность всех производственных

---

[1] «Курс политической экономии». Под ред. Н. А. Цаголова, т. II — «Социализм». Экономиздат, 1963, стр. 134.

[2] «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 83; см. также *Н. А. Цаголов.* Актуальные вопросы методологии политической экономии. М., 1964, стр. 8; «Вопросы экономики», 1964, № 3, стр. 92.

отношений, то можно ли, не впадая в противоречие, объявлять ее отдельным отношением, хотя бы и основным?[1]

Итак, считая общественную собственность на средства производства основным производственным отношением при социализме, рассматриваемая группа экономистов отказывается признать ее исходным, утверждая, что им может быть лишь отдельное, притом всеобщее, простейшее отношение. Таким отношением, по мнению данной группы, является *отношение планомерности*. Н. А. Цаголов, обосновывая это положение, говорил: «Познание любой общественно-экономической формации требует выделения наиболее общей категории, которая вместе с тем является формой движения всех производственных отношений, и при изложении курса политической экономии данной формации она должна быть на первом месте. При социализме такой формой движения служит планомерность»[2]. Планомерность, по мнению автора, «выступает как простейшая, наиболее абстрактная категория, на которой покоится вся система соподчиненных категорий политической экономии социализма»[3]. Н. С. Спиридонова выдвигает еще один дополнительный аргумент. Она считает, что планомерность «является наиболее общим выражением данной системы производственных отношений»[4].

Можно согласиться с тем, что отношение планомерности — общее отношение, но отнюдь не простое, тем более не простейшее отношение, не «клеточка», а отношение сложное, которое можно раскрыть лишь на высокой ступени анализа. Вряд ли можно это отношение рассматривать как «наиболее общее выражение системы производственных отношений». Такую роль может выполнять лишь основное производственное отношение формации.

---

[1] Ныне и некоторые представители данной группы пытаются выходить из положения, объявляя совокупностью отношений собственность вообще, а основным отношением — собственность на средства производства. Но этот прием еще раз свидетельствует о том затруднительном положении, в котором они очутились.

[2] «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 85.

[3] *Н. А. Цаголов.* Актуальные вопросы методологии политической экономии, стр. 10.

[4] «Вопросы экономики», 1962, № 6, стр. 107.

Выдвинув общественную собственность на средства производства в качестве основного производственного отношения при социализме, экономисты Московского государственного университета создали для себя дополнительные трудности. Если до сих пор почти во всех учебниках планомерность социалистического производства выводилась из общественной собственности на средства производства, то это было более логично, чем попытки объяснить развитие общественной собственности, исходя из планомерности [1].

Точно так же трудно согласиться с утверждением о том, будто планомерность социалистического производства является обязательной предпосылкой основного экономического закона и что «основной экономический закон выражает более сложное и более конкретное отношение, чем закон планомерного развития...» [2]. В действительности же отношение планомерности является производным от основного, ввиду чего закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства может быть правильно понят лишь в связи с основным экономическим законом коммунистической формации.

Вполне понятно, что, провозгласив планомерность исходной простейшей категорией, на которой покоится вся система соподчиненных категорий политической экономии социализма, авторы не смогли, однако, раскрыть эту систему. Фактически же у авторов учебника отношение планомерности выступает не только как «исходное», но и в одном ряду с основным, как конкурирующее с ним, т. е. второе (или первое) основное производственное отношение.

Наконец, по полной аналогии с «Капиталом» авторы, обнаружив в планомерности «экономическую клеточку» социалистического общества, начали искать ее в

---

[1] На странице 111 второго тома учебника авторы категорически заявляют, что планомерность — основная предпосылка общественной собственности, *«без планомерности нет социалистической собственности в экономическом смысле этого слова»*, а на странице 109 пишут, что общенародная собственность есть объективное условие планомерности. Но вот вопрос: не следует ли сначала анализировать объективные условия планомерности, а затем — планомерность?

[2] *Н. А. Цаголов.* Актуальные вопросы методологии политической экономии, стр. 10.

досоциалистических формациях и сделали открытие, что «простейшие формы планомерности производства встречаются, как известно, на протяжении всей истории общества»[1]. В учебнике делается, правда, важная оговорка в том смысле, что между этими простейшими формами и планомерностью в масштабе всего народного хозяйства существует глубокое качественное различие. Однако отдельные представители группы, восприняв указанный методологический пункт, реализуют его уже без всяких оговорок и логически приходят к выводу о том, что становление отношений социалистической собственности совершается не только *после* взятия власти рабочим классом, но и *в недрах* современного буржуазного общества, поскольку там возникают и развиваются «ассоциированная и государственная формы собственности» и формы планомерного ведения хозяйства. С этим, конечно, никак нельзя согласиться. Коренная противоположность капитализма и социализма исключает, как указывал В. И. Ленин, возникновение и развитие в недрах капитализма форм социалистического уклада. В недрах капитализма вызревают лишь материальные предпосылки социализма.

Неудовлетворительность разобранных гипотез исходного отношения не случайна. Их авторы упустили из виду то важное обстоятельство, что К. Маркс смог установить порядок изложения в «Капитале» лишь тогда, когда он достаточно разработал главный вопрос своей теории — вопрос о прибавочной стоимости, т. е. об основном производственном отношении капитализма. Исходное отношение — это элементарная исходная форма основного производственного отношения данного способа производства. Но для того чтобы подойти к нему, надо сначала установить и исследовать основное производственное отношение, а затем уже прослеживать исторические этапы его развития, начиная с самых элементарных. Изложение мы можем начинать с этого исходного отношения, а в процессе исследования последовательность по необходимости должна быть иной. Решающее значение для выяснения вопроса об исходном пункте изложения в научном исследовании имеют, сле-

[1] «Курс политической экономии». Под ред. Н. А. Цаголова, т. II — «Социализм», стр. 111.

довательно, разработка и правильное решение вопроса об основном производственном отношении при социализме.

Исходя из нашей трактовки основного производственного отношения коммунистической формации и руководствуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма, мы считаем, что простейшим и всеобщим отношением, лежащим в основе всех других отношений при социализме, следует признать то, что К. Маркс назвал *коллективностью производства.*

2. Классики марксизма-ленинизма о коллективности как основе социалистического производства

Товар — эту экономическую клеточку буржуазного общества К. Маркс рассматривает не как вещь, а как элементарное отношение, отношение раздробленности и взаимной борьбы товаропроизводителей на рынке.

В. И. Ленин, разъясняя позицию К. Маркса и раскрывая существо товарного производства, указывал, что это такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, связь между которыми осуществляется лишь через рынок. «Это отношение обособленных производителей, работающих на общий рынок, — писал В. И. Ленин, — называется конкуренцией» [1].

Итак, обособленность хозяйства, раздробленность производителей, борьба между ними — вот элементарное, всеобщее отношение, которое лежит в основе всех отношений капиталистического хозяйства. Можно ли это отношение переносить как исходное в экономику социализма? Нельзя, ибо оно в корне противоречит природе социализма, глубочайшей основой которого является как раз единство производителей, их объединение, ассоциация, с единой целью производства, одним словом, то, что К. Маркс назвал коллективностью (gemeischaftlichkeit) производства. Отношение коллективности, с нашей точки зрения, и следовало бы рассматривать как элементарное и всеобщее отношение при социализме, что полностью соответствует действительности

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 91.

и неоднократным высказываниям классиков марксизма-ленинизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя капиталистический способ производства, дали ряд гениальных общих характеристик грядущего на смену ему коммунистического способа производства. Среди этих характеристик особое место занимают определения социалистического производства как коллективного производства. Так, в «Экономических рукописях 1857—1858 гг.» (глава о деньгах) К. Маркс писал, что при социализме «предполагается коллективное производство, коллективность как основа производства. Труд отдельного лица с самого начала положен как коллективный труд»[1]. В «Критике Готской программы» К. Маркс, характеризуя социализм, пишет об обществе, «основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства»[2].

В письме к А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г. по поводу проекта программы партии Ф. Энгельс вместо путаного лассальянского тезиса предложил записать: «Германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели»[3].

Таким образом, классики марксизма рассматривали коллективность производства как специфическую черту, основу нового общественного строя. Вся история социалистического строительства в СССР блестяще подтверждает это научное предвидение. В свете указаний К. Маркса и Ф. Энгельса и опыта строительства социализма терпят крах досужие домыслы о том, будто коллективность присуща всем формациям, в том числе и эксплуататорским. Сама природа всякого эксплуататорского общества противоположна коллективизму. Коллектив означает содружество равноправных производителей, объединенных общими интересами, общей целью. Но эксплуататоры и эксплуатируемые неравноправны, преследуют различные, противоположные цели. Поэто-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 117.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 18.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 102—103.

му кооперация труда, превратившаяся при капитализме в постоянную форму производства, не может рассматриваться в качестве коллектива, поскольку она является формой реализации отношения эксплуатации, а не отношения содружества и коллективизма.

Поскольку несообразность объединения капиталиста и рабочего в одном коллективе слишком бросается в глаза, предпринимаются попытки абстрагироваться от капиталиста и изобразить в виде коллектива совокупность совместно работающих рабочих, т. е. капиталистическую кооперацию труда, но взятую без капиталиста. Эту идею «чистого рабочего коллектива» развивают некоторые философы. Например, А. С. Фриш пишет: «Уже в недрах антагонистического общества пролетариат возник как совокупность производственных коллективов. Эти коллективы развивались по мере перехода от простой кооперации к мануфактуре, а от нее к машинному фабричному производству, потребовавшему от рабочих постоянной работы на предприятии, усилившему разделение труда и взаимозависимость рабочих в процессе производства. В условиях совместной работы в таких коллективах неизбежно формировались те качества рабочего класса, которые позволили ему выполнить великую освободительную миссию, — способность к объединению, сплочению своих сил, организации.

Весь процесс превращения рабочего класса в «класс для себя», в решающую политическую силу осуществлялся прежде всего через рабочие коллективы... с их революционными традициями...» [1]

Прежде всего, поскольку речь идет о капиталистической кооперации труда, постольку недопустимо абстрагироваться от капиталиста, а также от директоров, начальников цехов, мастеров и прочего административного персонала, представляющего и защищающего на предприятии интересы хозяина. Нельзя также абстрагироваться от того факта, что рабочие при капитализме являются продавцами своей рабочей силы и тем самым поставлены в отношения конкуренции. И капитал в полной мере использует данный факт для разъединения рабочих, внесения разлада в их среду. Наконец, процесс

[1] «Вопросы философии», 1963, № 10, стр. 41.

труда на капиталистическом предприятии есть процесс эксплуатации, процесс труда для достижения чуждой рабочему цели, в связи с чем его труд носит подневольный характер. В условиях капитализма поэтому между рабочими в процессе производства исключен момент содружества и творческого взаимодействия для достижения общей цели, который составляет душу всякого действительного коллектива.

Совокупность работающих под командой капиталиста рабочих (капиталистическая кооперация труда) не является действительным коллективом, поскольку это объединение носит принудительный характер и основано на эксплуатации. Рабочие объединяются не как равные и свободные индивиды, добровольно вступившие в кооперацию, а как подчиненные капиталу. Поэтому главным здесь является не отношение их друг к другу, а их отношение к капиталу. «Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу, — писал К. Маркс. — Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. С вступлением в процесс труда они сделались частью капитала. Как кооперирующиеся между собой рабочие, как члены одного деятельного организма, они сами представляют собой лишь особый способ существования капитала»[1].

Различного рода объединения в рамках эксплуататорского общества (в том числе и кооперация труда) К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали как «мнимую коллективность», «суррогат коллективности». «В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д., — отмечали они, — личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 345.

она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы»[1].

Этой мнимой и иллюзорной коллективности, которая для угнетенного класса означает лишь новые оковы, К. Маркс и Ф. Энгельс противопоставляют действительную коллективность революционных пролетариев. В действительном коллективе объединяются равные и равноправные люди, свободные от гнета эксплуатации. «Совершенно обратное имеет место при коллективности революционных пролетариев, ставящих под свой контроль как условия своего существования, так и условия существования всех членов общества: в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды... Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода... В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»[2].

Капиталистическая кооперация труда не образует коллектива, но она является материальной основой для возникновения производственного коллектива при переходе к социализму. Являясь при капитализме постоянной формой производства, кооперация создает у рабочих привычку к совместному организованному труду. В среде рабочих возникают и навыки коллективизма и солидарности, но эти навыки зарождаются и воспитываются не в процессе совместного труда на капиталиста, а прежде всего в процессе совместной борьбы против капитала, против капиталистической эксплуатации. В. И. Ленин указывал, что отдельный рабочий в одиночку оказывается бессильным и беззащитным перед лицом капитала, применяющего против рабочих новейшую технику. Само развитие капиталистического производства толкает рабочих к объединению, сплоченности, солидарности как к единственно верному средству успешной борьбы против капитала. Эти качества рабочего класса сильнее всего проявляются в стачечной борьбе[3]. Стачечная борьба является, с одной стороны, выражением растущего антагонизма между рабочим классом и капита-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 75.
[2] Там же, стр. 76, 75.
[3] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 91—92.

лом, а с другой — крепнущей товарищеской солидарности рабочих. Эти качества рабочих, вырабатывающиеся в процессе борьбы против капитала, — ценнейший строительный материал, без которого невозможно было бы создание социалистического производственного коллектива.

Отношение коллективизма, как и отношение товаропроизводителей, не появляется на свет сразу в развитом виде, а проходит определенный путь развития. Первые, элементарные формы этого отношения К. Маркс открывает в первобытнообщинном строе. Анализ этих форм отношения коллективизма, данный К. Марксом, представляет большой интерес.

В условиях первобытнообщинного строя коллективный характер труда и производства диктовался низким уровнем технической вооруженности труда, слабостью и бессилием отдельного человека перед лицом стихийных сил природы. В этих условиях лишь объединение людей в коллективы давало им возможность существования. Здесь «в качестве первой великой производительной силы выступает сам коллектив...» [1]. «Цель всех этих коллективов, — указывал К. Маркс, — сохранение, т. е. *воспроизводство образующих коллектив индивидов...*» [2]

К. Маркс формулирует положение о цели производства и замечает, что в условиях коллективности производства целью является сам человек. Даже в первобытном коллективе цель производства выглядит несравненно возвышеннее, чем в эксплуататорском обществе. «Вот почему кажется, — писал К. Маркс, — что древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, куда возвышеннее, если сопоставить его с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства» [3].

К. Маркс отмечает характерные внутренние связи этого первобытного коллектива. «Каждый отдельный человек, — писал он, — выступает только как звено кол-

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 29.
[2] Там же, стр. 27.
[3] Там же, стр. 20.

лектива, как член этого коллектива... Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение... сама может реализоваться самым различным образом»[1]. В связи с этим К. Маркс останавливается на характеристике славянских общин, общин в Мексике, Перу, древних кельтов, Индии и других стран, вскрывая здесь за различиями общие черты или основное отношение, характерное для коллективных форм производства. «Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное,* для него *предопределенное, объективное* бытие как в смысле его отношения к условиям труда, так и в смысле его отношения к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д....»[2]

Это замечание К. Маркса интересно во многих отношениях. Прежде всего К. Маркс подчеркивает разносторонность связей и форм общения, характерную для коллективных форм производства: отношения отдельного члена к коллективу в целом и коллектива к отдельному члену, отношения членов коллектива друг к другу как равноправных членов, соплеменников и т. д. К. Маркс характеризует здесь отношения членов коллектива как товарищей по труду. Эта мысль получила впоследствии дальнейшее развитие.

Много внимания уделяет К. Маркс связи коллектива и характера собственности на средства производства. «...*Общность по племени,* естественная коллективность появляется не как *результат,* а как *предпосылка коллективного присвоения* (временного) и *использования земли*... К земле люди относятся ... как к *собственности коллектива,* причем коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде»[3]. Каждый член коллектива является соучастником в собственности, совладельцем коллективных средств производства. При этом «его *собственность,* т. е. отношение к естественным предпосылкам его производства, как к принадлежащим

---

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 6.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же, стр. 5—6.

ему, как к *своим,* опосредствовано тем, что он сам является естественным членом известного коллектива»[1].

Это высказывание К. Маркса, как нам кажется, следует иметь в виду и при трактовке общественной собственности на средства производства при социализме. И в условиях социализма отношение члена общества к средствам производства как к своим опосредствовано тем, что он сам является членом известного общенародного коллектива.

Вместе с тем К. Маркс показывает и историческую ограниченность первобытной формы коллективизма. Основой коллективизма при первобытнообщинном строе является прежде всего естественно сложившийся коллектив — семья, разросшаяся в племя, ряд семей, связанных браками, одним словом, естественно сложившаяся племенная общность или «естественная коллективность»[2].

Рост вооруженности труда, развитие связей между общинами в форме обмена подрывали основы первобытнообщинного коллективизма и вызывали, как подчеркивает К. Маркс, его упадок и гибель[3].

Но если эта форма коллективизма гибнет, то не возникает ли какая-либо другая форма в условиях эксплуататорских формаций? И вообще, можно ли говорить об отношении коллективизма и его развитии в условиях эксплуататорского строя? Разумеется, в недрах эксплуататорского общества могут сохраниться и сохраняются отдельные коллективы как пережитки общинного строя. Но сама природа всякого эксплуататорского общества противоположна коллективизму. Коллектив означает содружество равноправных производителей, объединенных общими интересами и общей целью. А эксплуататоры и эксплуатируемые неравноправны и преследуют различные, противоположные цели. Поэтому кооперация труда, превращающаяся при капитализме в постоянную форму производства, не может рассматриваться в качестве коллектива, поскольку она является реализацией отношения эксплуатации, а не отношения коллективизма

---

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 23.

[2] Там же, стр. 5.

[3] См. там же, стр. 19.

и товарищества. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут, что капитализм отбросил всякую видимость общности.

Все это, однако, не означает, что развитие капиталистического производства и капиталистической кооперации труда не имеет значения для развития коллективизма. Хотя отношение коллективности не может существовать и развиваться в рамках капитализма, но развитие капиталистического производства подготавливает материальные и политические предпосылки для возникновения новой, исторически более высокой формы этого отношения.

В современный период коллективный характер производства диктуется огромным развитием технических средств труда, современных производительных сил, беспомощностью отдельного человека перед лицом могущественных общественных производительных сил, управление и использование которых возможно лишь при помощи коллектива; в руках коллектива они превращаются в покорных слуг, в руках отдельных лиц, частных собственников — в стихийную разрушительную силу, подобную необузданным силам природы.

Основой социалистического производственного коллектива в современных условиях является современная кооперация труда, построенная на новейшей технике.

В. И. Ленин, учитывая опыт социалистической революции в нашей стране, развил указания К. Маркса и Ф. Энгельса об основах социалистической экономики. Характеризуя экономику коммунистической формации, В. И. Ленин подчеркивал, что она будет одним всенародным синдикатом, одной конторой, одной фабрикой [1], в связи с чем построение социализма «есть построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра, которое может быть проведено только пролетариатом, который в этом духе воспитан фабрикой и жизнью...» [2]. Отдельные предприятия при социализме образуют неразрывные части всего народнохозяйственного организма, выполняющие части единой задачи. В. И. Ленин представлял социалистическое хозяйство как «сеть про-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 101.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 422.

изводительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность...»[1].

Все народное хозяйство страны при социализме есть единый коллектив работников, объединенных общей целью.

При капитализме рабочие и капиталисты преследуют противоположные цели и противостоят друг другу как антагонисты. Капиталисты едины лишь в своем стремлении к наибольшей эксплуатации наемного труда и сохранению капиталистического строя. На рынке же они выступают как конкуренты, борющиеся друг с другом не на жизнь, а на смерть. Вследствие конкуренции рабочие как продавцы рабочей силы разобщены. Их разобщенность сознательно подогревается капиталом для подрыва классового единства рабочего класса. «Капитализм, — писал В. И. Ленин, — умышленно разъединял слои населения. Это разъединение должно исчезнуть окончательно и бесповоротно, и все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся»[2]. Развивая эту мысль, В. И. Ленин указывал на «тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого...»[3].

В условиях социализма главное, что характеризует экономику — это внутреннее единство, согласованная дружная работа всех трудящихся для достижения единой для них цели. Наша задача, писал В. И. Ленин после революции, характеризуя демократический централизм в области хозяйства, «обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т. п.», при полном и беспрепятственном развитии местных особенностей, «местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»[4].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 185.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 346.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 164.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 152.

3. Коллективность как всеобщая основа производственных отношений при социализме

Как без товарной формы продукта труда, или формы стоимости товара — этой экономической клеточки буржуазного общества, нельзя понять систему отношений капитализма, так и без отношения коллективности — всеобщей основы отношений нельзя понять систему отношений коммунистической формации [1].

Отношение коллективности противоположно индивидуализму частных собственников на рынке, т. е. отношению конкуренции, а тем более отношению эксплуатации труда капиталом. Индивидуализм означает разъединение производителей частными целями и интересами и борьбу между ними. Коллективность означает объединение производителей общими целями и интересами и сотрудничество между ними ради общих интересов.

Мы не можем согласиться с мнением, будто «общий интерес по сути дела присущ всякому обществу уже в силу самого факта существования общества как целого» и различие между социализмом и антагонистическими обществами заключается лишь в том, что «в антагонистических обществах он не может выступать непосредственно» [2]. Общность интересов вырастает на основе общности цели. Между тем в антагонистических обществах одни классы и группы общества преследуют цели, идущие вразрез с целями других классов и групп. Трудно усмотреть наличие общего интереса у раба и рабовладельца. При социализме же все общество в целом, все классы и группы объединены единой целью, на основе которой вырастает новый, общий, общенародный общественно-материальный интерес. Единая цель и общий

---

[1] Тот факт, что мы только сейчас пришли к признанию данного вывода, является, выражаясь словами К. Маркса, одним из примеров того, каким образом «историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 40).

[2] *А. М. Румянцев*. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации, стр. 341.

интерес при социализме являются выражением внутреннего единства и организованности всего общественного производства.

Наличие общей цели и общей задачи объединяет работников и имеет важнейшее значение для формирования и деятельности коллектива. Но общая цель и задача должны быть конкретизированы применительно к коллективам отраслей, предприятий и их подразделений и в конечном счете применительно к каждому работнику. В этом случае общая цель и задача будут не только объединять работников, но и направлять их усилия, а труд каждого работника будет вливаться в общий поток коллективного труда и получать общественное признание.

На основе отношения коллективности и в процессе его развития вырастает основное производственное отношение при социализме как отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи свободных и равноправных работников, объединенных общественной собственностью и общей целью производства.

Эта концепция, выдвинутая нами, разумеется, нуждается в дальнейшей разработке. В частности, необходимо углубленное изучение и раскрытие конкретных форм основного производственного отношения при социализме и оценка их значения в производстве. Необходимо исследование процесса развития различных форм, ибо основное производственное отношение коммунистической формации не стоит на месте, оно точно так же, как и основное отношение капитализма, проходит различные стадии развития. Познание форм и процесса развития основного производственного отношения при социализме имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Но на какой бы стадии развития ни находилось основное и другие производственные отношения при социализме, их основой и общей формой является *отношение коллективности.* Более развитое отношение сохраняет, как подчеркивал К. Маркс, элементарное отношение, из которого оно развилось, как подчиненное отношение [1].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 728.

Это ставит перед нами задачу рассмотрения всех производственных отношений при социализме сквозь призму и в связи с отношением коллективности на различных стадиях его развития. Только при этом условии мы сможем понять их генезис, специфические черты, а следовательно, точнее представить содержание законов их развития. К. Маркс показывает пример такой связи, когда он, в частности, характеризует особенности действия в условиях коллективного производства закона экономии времени, т. е. закона роста производительности труда, а также закона планомерного распределения рабочего времени по различным отраслям производства, или, как мы теперь говорим, закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства [1].

Не всякая *совокупность* людей есть *коллектив*. Важнейший признак коллектива — это *единство цели и единство действий людей в общих интересах.*

Социалистический производственный коллектив характеризуется системой связей товарищеского сотрудничества и взаимопомощи для развития всего общественного производства в интересах всеобщего благосостояния.

С этой точки зрения можно рассматривать всех работников производства в рамках всего народного хозяйства при социализме как *единый коллектив,* интересы которого являются высшими интересами всего общества. Наряду с этим внутри этого коллектива имеется огромное разнообразие других коллективов, составляющих органические части этого высшего коллектива. Основной производственной ячейкой общества является производственное предприятие.

При внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что единый коллектив предприятия сам состоит из ряда коллективов, образующих определенную систему и находящихся в тесной связи друг с другом. Так, коллектив промышленного предприятия состоит из коллективов основных производственных цехов, расположенных по ходу технологического цикла, а также обслуживающих — инструментальных, ремонтных и других, которые в свою очередь состоят из коллективов отдельных

---

[1] См. Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 119.

участков и бригад, выполняющих определенные задания в рамках цехового плана.

Коллектив бригады мы назвали бы *первичным коллективом* в рамках коллектива предприятия. Первичный коллектив играет особую роль во всей системе социалистического коллектива. Это объясняется тем, что в рамках первичного коллектива связи между работниками наиболее осязательны и непосредственны. При выполнении единой задачи у членов коллектива вырабатываются драгоценное чувство локтя, навыки содружества и взаимной помощи в процессе труда. Ежедневно общаясь друг с другом, они хорошо изучают свои сильные и слабые стороны и начинают ценить на деле чувство товарищества, великую силу и сплоченность коллектива и его значение для эффективности их общего труда.

Первичный коллектив не только школа, но и лаборатория коллективного труда, лаборатория новых навыков, приемов и форм содружества, товарищества и взаимной помощи в труде. Приобретая эти навыки в первичных коллективах, каждый работник переносит их во вне и учится смотреть на себя как на участника не только заводского, но через свое предприятие и всего коллектива работников страны. Разнообразные формы обмена производственным опытом, передачи новых приемов и методов труда, соревнование за лучшие достижения и содружество в выполнении плана зарождаются, как правило, сначала в первичном коллективе и коллективе предприятия, а затем получают распространение на широкой арене всенародного труда.

Социализм привносит единство и организованность не только в народное хозяйство в целом, но и в рамки основной ячейки кооперации труда — предприятия. Разумеется, нельзя отрицать известной организованности и планомерности внутри капиталистического предприятия. Однако эта организованность развивается на базе отношения эксплуатации, поэтому она внутренне противоречива и лишена прочного базиса.

При капитализме руководство предприятия и рабочие противостоят как враждебные друг другу силы, интересы которых противоположны. При социализме руководство предприятия представляет интересы рабочих и две эти части единого коллектива работают в одной упряжке для достижения общей цели.

Коллективный характер производства по-новому ставит всю проблему управления. При капитализме управление — функция процесса эксплуатации, т. е. отношения между капиталом и трудом. При социализме управление — функция планомерного сотрудничества товарищей по выполнению общей трудовой задачи. Поэтому управление в социалистическом обществе в широком плане есть отношение членов коллектива друг к другу как равноправных производителей, выполняющих различные, но связанные между собой функции в рамках единой задачи. Это отношение реализуется и через деятельность специальных лиц — руководителей и организаторов, выступающих от имени и в интересах всего коллектива, через деятельность специальных служб и учреждений и через участие членов коллектива как в выполнении задачи, так и в ее формировании и в управлении процессом ее выполнения. Эта коренная особенность управления коллективным производством была определена В. И. Лениным в известном принципе демократического централизма, сочетающего единоначалие с широким развитием активности масс. Принцип демократического централизма является универсальной основой управления коллективным производством.

По мере того как капиталист сам освобождается непосредственно от функций надзора и управления производством и передает эти функции инженерно-техническим работникам, представляющим интересы капитала, элементы антагонизма переносятся и в отношения между рабочими и инженерно-технической интеллигенцией.

При капитализме рабочие и инженерно-технические работники являются двумя обособленными группами с разными интересами. При социализме интересы рабочих и инженерно-технических работников едины, они являются членами единого коллектива и развивают свою деятельность на основе крепнущего содружества и взаимопомощи.

Социалистические предприятия как производственные коллективы существуют не в отрыве друг от друга, не сами по себе, а в тесной связи друг с другом, как органические звенья единой системы социалистического хозяйства. Это, или связи предприятий одной и той же отрасли, или связи предприятий различных отраслей. При всем разнообразии этих связей они по своей

природе не могут быть ничем иным, как связями товарищеского сотрудничества и взаимопомощи в деле выполнения единой задачи, сформулированной в народнохозяйственном плане. В этих условиях отдельный работник находится в отношениях содружества и взаимопомощи с другими работниками не только непосредственно в рамках своего коллектива, но и через него и при его посредстве в рамках всего народного хозяйства.

Отношение товарищеского сотрудничества и взаимопомощи определяет глубокое изменение характера производственных связей, возникновение новых, не известных при капитализме производственных связей между предприятиями.

Универсальной формой связи капиталистических предприятий является рынок, рыночная стихия. Общей формой связи социалистических коллективов служит народнохозяйственный план, в котором конкретизируются и воплощаются единство общественной собственности и единство цели производителей. Обмен продукцией между предприятиями имеет место и при капитализме и при социализме. Однако при социализме характер его глубоко изменяется в соответствии с изменением основного производственного отношения. Кроме того, при социализме возникают новые связи между коллективами, а именно товарищеское соревнование, а также обмен производственно-техническим опытом. При капитализме производственно-технический опыт есть собственность фирмы, поэтому обмен этим опытом затруднен. При социализме производственно-технический опыт — общее достояние и обмен опытом — приобретает свободный характер.

Хотя отношения между коллективами по своей природе не отличаются от отношений внутри коллектива, между ними есть и некоторые различия, которые нельзя недоучитывать.

На данной ступени развития производительных сил социалистическое производство осуществляется на отдельных предприятиях, обладающих известной хозяйственной самостоятельностью в рамках единой общественной собственности. Недостаточный еще уровень обобществления производства определяет необходимость особой формы взаимоотношений между предприятиями, а именно товарно-денежную форму.

Разумеется, не все связи между предприятиями имеют товарно-денежную форму. Уже упоминавшийся обмен производственно-техническим опытом как внутри коллектива, так и между коллективами в наших условиях не облекается в товарно-денежную форму. Другими словами, производственно-технический опыт не является у нас объектом купли-продажи, а распространяется безвозмездно в порядке бескорыстной взаимопомощи. Такая связь между предприятиями, как социалистическое соревнование, также не принимает товарно-денежной формы, хотя в практике соревнования между предприятиями могут использоваться и используются наряду с другими стоимостные показатели.

Иначе дело обстоит с движением продукции. Движение продукции между отдельными участками производства внутри предприятия происходит в порядке перехода от одной стадии обработки к другой вплоть до завершающей стадии, дающей готовую продукцию данного предприятия. Движение продукции между хозяйственно-самостоятельными предприятиями идет в форме купли-продажи.

Нельзя игнорировать или преуменьшать значение товарно-денежной формы взаимоотношений между предприятиями и необходимости ее использования в интересах коммунистического строительства. В условиях социализма коллективы предприятий должны интересоваться соизмерением полученной выручки за продукцию с произведенными затратами, уметь считать и экономить средства предприятий. И это не только дело руководства, администрации, но и всего коллектива в целом. Нельзя отрицать при этом и наличия известного группового материального интереса социалистического коллектива. Чем лучше работает данный коллектив, тем при прочих равных условиях он будет иметь более благоприятные материальные возможности. Следовательно, товарно-денежная форма взаимоотношений между коллективами определяет важное своеобразие этих взаимоотношений, которого нельзя не учитывать.

Но при всем том следует помнить, что *существо* взаимоотношений между коллективами предприятий — это товарищеское сотрудничество и взаимопомощь коллективов, а товарно-денежные отношения используются

при социализме в целях лучшего выполнения общей задачи.

В отношениях предприятий по линии сбыта-снабжения продукцией могут возникать весьма значительные трения и шероховатости, которые сказываются в виде нарушения сроков, размеров поставки, запланированного ассортимента и качества продукции. Нарушение сроков и других условий поставки продукции со стороны предприятий-поставщиков создает трудности в работе предприятий-потребителей. Оно вызывает нарушение сложившегося ритма и взаимодействия отдельных участков, планов выпуска продукции и дополнительные издержки. Таким образом, недостаточная степень развития товарищеского сотрудничества и взаимопомощи *между коллективами* предприятий может вызывать нарушения установившихся связей и ритма сотрудничества и внутри коллективов. Вот почему вопросы стратегии и тактики внутризаводского ритма не могут решаться безотносительно к внешним связям предприятия.

Налаживание тесных товарищеских связей и дружной работы коллективов предприятий между собой — это дело не только администрации и специального штата работников сбыта-снабжения, но и *всех работников коллектива как предприятий-потребителей, так и предприятий-поставщиков*.

У нас есть немало хороших примеров развития тесных, подлинно товарищеских производственных связей между коллективами предприятий как одной и той же отрасли производства, так и различных отраслей.

В укреплении содружества коллективов предприятий заинтересованы не только предприятия-потребители, но и предприятия-поставщики, предприятия-производители. Дело в том, что окончательная проверка результатов труда производителей происходит лишь в процессе потребления — производственного или личного. Лишь там выявляется соответствие произведенной продукции ее назначению и требованиям, лишь характер и способ потребления показывает, насколько она эффективна, т. е. насколько эффективен труд производителей. Коллективы производителей при социализме не могут быть поэтому равнодушны к судьбе своей продукции, вышед-

шей из стен предприятия. Наоборот, они должны проявлять самый горячий интерес к ее движению, способам использования и поведению во время службы. Только самое тщательное наблюдение за этими процессами может дать предприятию-производителю истинное представление о необходимых коррективах в качестве продукции, технических условиях ее производства, а иногда и необходимости существенного изменения ее профиля. Но для этого нужен постоянный контакт с предприятием-потребителем, дружная совместная работа двух (а иногда и более) коллективов над разрешением ряда производственно-технических вопросов.

Ответственность за качество продукции всегда лежит на заводе-производителе. Одна из важных задач состоит в воспитании высокого чувства ответственности коллектива предприятия за качество, своевременные сроки и комплектность поставки продукции потребителям. Честь заводской марки — это дело чести всего заводского коллектива. Но борьба за качество продукции и ее постоянное совершенствование будет тем успешнее, чем крепче связь производителей и потребителей, чем дружнее общая работа над разрешением производственно-технических вопросов.

Таким образом, понятие коллективного производства означает не разрозненную совокупность коллективов, действующих сами по себе, а разветвленную систему производственных коллективов, работающих по единому плану и выполняющих каждый определенную часть единой задачи.

Социалистические производственные коллективы находятся на различных ступенях зрелости, что зависит от технического оснащения, уровня развития работников и основного производственного отношения. Уровень развития социалистического производственного коллектива определяет и степень эффективности его деятельности. По мере развития производительных сил и производственных отношений повышается уровень коллектива, усиливается слаженность его отдельных частей и работников, растет производительность труда.

Наряду с этим происходит совершенствование связей между коллективами предприятий, укрепляется сотрудничество между ними в выполнении производственных

задач. Народное хозяйство будет представлять собой картину все более тесного и стройного сотрудничества многочисленных производственных единиц вплоть до высшей фазы коммунизма, когда, как указывается в Программе КПСС, «все производственные ячейки, все самоуправляющиеся ассоциации будут гармонически объединены в общем планомерно организованном хозяйстве, в едином ритме общественного труда» [1].

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 367—368.

Глава седьмая

ПРИРОДА И ВЗАИМОСВЯЗИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

1. Отношение планомерности как специфическое отношение коллективного производства

Как уже указывалось, одной из коренных предпосылок выявления системы производственных отношений социализма является правильное определение основного производственного отношения коммунистической формации и его исходной, всеобщей формы. Только при этом условии можно правильно понять природу, содержание и взаимосвязи отдельных производственных отношений данной формации.

Иногда можно встретить мнение, будто производственные отношения (и экономические законы) следует рассматривать лишь в комплексе, в совокупности, никоим образом не отдельно каждое из них. Это мнение есть результат своеобразной абсолютизации и односторонней трактовки «системного подхода». Все производственные отношения (и экономические законы) в рамках данной формации находятся, конечно, в теснейшей связи, составляя одно целое. При этом каждое из них имеет свои собственные черты, выражая ту или иную сторону способа производства. Поэтому каждое из них может и должно рассматриваться и в комплексе и на определенной стадии — отдельно, само по себе. Но изучая каждое отношение (и закон) в отдельности необходимо все время иметь в виду его место в системе, его связи с другими отношениями.

Отношение планомерности непосредственно связано с основным производственным отношением коммунистической формации, является производным от него. Товарищеское сотрудничество миллионов людей ради общей

цели означает внутреннее единство всего хозяйства, с одной стороны, и многосторонность связей производителей, новый характер труда как коллективного труда — с другой. При капитализме рабочий связан с капиталистом. Его не касается процесс производства в целом и связь с другими процессами труда. При социализме каждый производитель, как член коллектива и совладелец средств производства, вступает в связь со всеми другими членами коллектива и выполняет часть общей задачи. Планомерность его связей с другими производителями является для него естественной необходимостью и вытекает из характера его труда, как коллективного труда. Две стороны отношения планомерности определяют и две стороны планирования, а именно: ведущую роль централизованного планирования и руководства хозяйством и развитие самодеятельности и инициативы коллективов предприятий и их правильное сочетание. Эти две стороны планирования имеют один и тот же источник — коллективный характер процесса производства. Подневольный труд исключает планирование в экономическом смысле этого слова. Коллективный труд невозможен без планирования, включает в себя элемент планомерности и предполагает широкое участие масс не только в выполнении, но и в формировании плана.

Отношение народнохозяйственной планомерности является одним из важнейших общекоммунистических отношений. Можно только удивляться, что в экономической литературе этому отношению уделяется весьма слабое внимание. Одной из причин является своеобразие развития политической экономии социализма на определенном этапе, когда некоторые законы были выдвинуты и сформулированы без предварительного анализа соответствующих производственных отношений. Так обстояло дело с основным экономическим законом и законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. В результате этого внимание научных работников было на значительное время приковано к формулировке законов, трактовке их, вопросам их использования, между тем как выявление и анализ соответствующих производственных отношений задержались, что существенно затормозило не только выяснение механизма действия закона, но и его правильную трактовку.

Это в наибольшей степени сказалось на разработке отношения планомерности. Не случайно, что даже в тех работах, в которых отношение планомерности упоминается и даже рассматривается как *исходное* отношение, нет полной ясности о его природе и характере. Так, в университетском «Курсе политической экономии» отношение планомерности провозглашается как исходное отношение, как «общая форма движения социалистического производства», в то же время оно трактуется как «необходимость сознательного регулирования всего общественного производства»[1], а закон планомерного, пропорционального развития — как «сознательное использование экономических законов социализма...»[2]. Такая трактовка находится в явном противоречии с тезисом авторов о планомерности как исходном производственном отношении социализма.

В этом отношении позиция авторов смыкается почти полностью с позицией тех экономистов, которые без всяких обиняков заявляют, что «планомерность не есть некое особое отношение производства социализма, так же как, скажем, стихийность не есть особое отношение производства капитализма. И планомерность и стихийность представляют собой лишь всеобщие свойства, формы движения отношений производства»[3].

Как видно, автор сводит планомерность к сознательности, а стихийность к некоей бессознательности. Но стихийный характер развития капиталистического хозяйства определяется вовсе не отсутствием сознания у людей, а раздробленностью хозяйства, множественностью хозяйствующих субъектов, в результате чего развитие совершается путем столкновения, борьбы, так что в конечном счете итог этой борьбы есть не что иное, как равнодействующая многих сил, имеющих разное направление. Следовательно, то, что здесь именуется стихийностью, есть не что иное, как особое специфическое отношение людей по производству. Точно так же планомерность при социализме и коммунизме — это не наличие сознательности у людей, а особое специфическое для коммунистической формации отношение людей по

[1] См. «Курс политической экономии». Под ред. Н. А. Цаголова, т. II — «Социализм», стр. 108—110.

[2] Там же, стр. 119.

[3] «Вопросы экономики», 1964, № 12, стр. 85.

производству. Для того чтобы выяснить существо этого отношения, следует поставить его в связь с основным производственным отношением коммунистической формации.

Товарищеское сотрудничество миллионов работников ради достижения единой цели не может успешно осуществляться без четкого согласования их трудовых усилий как во времени, так и в пространстве, без установления и поддержания определенных соотношений, без обоснованной перспективы развития. Отсюда объективная обусловленность планомерности, отсюда настойчивые требования работников предприятий о своевременной выработке для них обоснованных, стабильных, годовых и перспективных планов[1]. В этих требованиях выражалась объективная невозможность успешной хозяйственной деятельности при социализме вне планомерности, т. е. всесторонней согласованности трудовых усилий работников в рамках не только предприятий и отраслей, но и всего народного хозяйства. Не случайно уже в первые годы Советской власти В. И. Ленин ставил задачу превращения «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом...»[2].

Иными словами, отношение народнохозяйственной планомерности — это объективное отношение людей по производству, производное от основного производственного отношения коммунистической формации и теснейшим образом связанное с ним.

В. Н. Черковец задает вопрос: почему в традиционной схеме политической экономии основное производственное отношение (и основной закон) предшествует планомерности, а не наоборот? Он рассуждает так: для

---

[1] Г. М. Кржижановский на одном из совещаний в январе 1925 г. говорил: «Должен сказать, что во время моей поездки в Ленинград и во время визитов, которые я имею, во время приема со стороны профсоюзов, я слышу одно общее заявление: тов. Кржижановский, уважаемый представитель Госплана СССР, мы Вам определенно заявляем: пойдем на Вас войной, если не будет выполнена Ваша основная задача... Дайте нам что-нибудь в смысле перспективы. Без обобщающей перспективы работать нельзя» (цит. по: *Г. М. Сорокин.* Планирование народного хозяйства СССР. М., 1961, стр. 159).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 7.

того чтобы основной экономический закон действовал, нужна единая организация всего народного хозяйства. Между тем цель производства, по его убеждению, возникает лишь после «создания первичной сети планомерной организации общественного производства. Только тогда, когда общественное производство (или часть его в рамках социалистического уклада) действует как единое целое, находящееся под контролем общества, только тогда в этой живой функционирующей общественной системе возможно появление ее специфических законов, черт, процессов, в частности основного закона» [1].

Приведенное высказывание представляет собой любопытный пример того, как следуя принятой (но не жизненной) схеме, автор вынужден вступать в явное противоречие с действительностью и с элементарной логикой. Принятая им схема требует, чтобы отношение планомерности предшествовало основному, чтобы появление специфических законов, черт и процессов социалистической экономики, в том числе и единой цели производства, было возможным лишь после «создания первичной сети планомерной организации общества». Но в реальной действительности дело обстояло иначе. Единство цели и единство действий сознательного авангарда и всего рабочего класса выковываются в процессе борьбы за свержение капитализма и четко формулируются в программных документах. Момент единства привносится в процесс рабочего контроля, а затем в процесс национализации и хозяйственного освоения национализированных предприятий. Единство хозяйствующего субъекта и действий производителей — важнейшая сторона основного производственного отношения коммунистической формации. Оно предшествует развитию отношения планомерности, а не наоборот. Лишь на основе единства хозяйствующего субъекта, единства цели и единства действий становится возможной и необходимой организация планового ведения хозяйства. Появление многих специфических черт и процессов социалистической экономики, безусловно, предшествует созданию «первичной сети планомерной организации общественного производства», является предпосылкой ее или происходит

[1] *В. Н. Черковец.* О методологических принципах политической экономии как научной системы. М., 1965, стр. 219.

одновременно с ее становлением. Да и сама эта «первичная сеть планомерной организации» складывается не сразу, а постепенно. Проблема единого хозяйственного плана, как известно, решалась в течение продолжительного времени. Г. М. Кржижановский подчеркивал, например: «Мы только постепенно, на отдельных планах приближались к построению плана народного хозяйства в целом» [1].

Согласование трудовых усилий миллионов производителей невозможно без наличия единой общей цели, единой задачи. Уже только поэтому создание «сети планомерной организации производства» не может предшествовать возникновению общей цели. Вместе с тем отношение планомерности включает в себя не только объединение производителей вокруг общей цели, но и соответствующую конкретизацию этой цели как во времени, так и в пространстве, предполагающую такую расстановку работников и организацию их усилий, которая обеспечивает наиболее эффективную степень их сотрудничества в реализации общей цели.

Конкретизация общей цели во времени означает выдвижение определенной перспективной задачи, сроков и темпов ее выполнения. Конкретизация общей цели в пространстве — это установление наиболее рациональных отношений между коллективами работников различных отраслей хозяйства и экономических районов страны. Чем лучше будут обоснованы и согласованы трудовые усилия всего коллектива производителей в рамках народного хозяйства, тем они будут более эффективными.

Отношение планомерности само выступает как организующая и мобилизующая сила, т. е. как новая массовая сила коллективного производства.

2. Отношение товарищеского соревнования

На почве коллективного производства возникает и развивается новое общекоммунистическое отношение — отношение товарищеского соревнования.

Распространенной трактовкой социалистического соревнования в нашей литературе является трактовка его

---

[1] *Г. М. Кржижановский*, Социалистическое строительство, М., 1936, стр. 223.

в плане надстроечных явлений — сознательности, энтузиазма, патриотизма, профессиональной чести и т. п. Разумеется, нельзя отрицать обратного влияния надстройки на базис, на развитие производства. Однако сущность соревнования нельзя искать в надстройке, она лежит глубже, а именно в самом экономическом базисе. Этим и объясняется его громадное значение как движущей силы развития производства. Социалистическое соревнование — это не надстроечное, а особое производственное, т. е. экономическое, отношение. Эта мысль уже начинает прокладывать себе путь в нашей литературе.

Однако этот путь еще в достаточной степени извилист. Так, признав экономическую природу соревнования, некоторые экономисты толкуют его как «экономическое соревнование» предприятий на рынке, т. е. как конкуренцию. Налицо трактовка отношения социализма по аналогии с отношениями капитализма, вытекающая в лучшем случае из инертности и консервативности сознания ее авторов, пытающихся мерить новый мир, построенный на принципиально новом основании, старым аршином. Но какова бы ни была причина и подкладка этой трактовки, она объективно играет на руку проповедникам теории конвергенции двух систем и затрудняет наиболее полное использование всех возможностей соревнования для повышения эффективности общественного производства.

В. И. Ленин решительно выступал против подобной трактовки соревнования. В набросках к статье «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «Нападки социалистов никогда не направлялись на соревнование как таковое, а только на конкуренцию. Конкуренция же является особенной формой соревнования, свойственного капиталистическому обществу и состоящего в борьбе отдельных производителей за кусок хлеба и за влияние, за место на рынке. Уничтожение конкуренции, как борьбы, связанной только с рынком производителей, нисколько не означает уничтожения соревнования, — напротив, именно уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а в человеческих формах. Именно в настоящее время в России... именно

теперь у нас организация соревнования на социалистических началах должна представить собою одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества» [1].

Таким образом, В. И. Ленин проводил резкую грань между социалистическим соревнованием и конкуренцией, подчеркивал их коренную противоположность, связанную с противоположностью основ социализма и капитализма. Не развитие, а уничтожение конкуренции В. И. Ленин рассматривал в качестве предпосылки для массового развития соревнования «в его человеческих формах», а именно в форме товарищеского соревнования в общем деле развития общественного производства. Организацию такого соревнования В. И. Ленин считал одной из важнейших задач создания нового общества.

Социалистическое соревнование поэтому не является ни надстроечным отношением, ни отношением, идентичным конкуренции или какому-либо иному отношению товарно-капиталистического хозяйства.

Конкуренция есть производственное отношение хозяйства, основанного на разъединении и противопоставлении частных производителей, частных собственников. Социалистическое соревнование — это производственное отношение, вытекающее из новой природы хозяйства, основанного на коллективности производителей, объединенных общим интересом в развитии общественного производства.

Социалистическое соревнование есть отношение между производителями — совладельцами общественных средств производства, заключающееся в благородном трудовом состязании друг с другом, в достижении наилучших результатов в производстве, в общих интересах. Оно, следовательно, носит объективный характер, возникает независимо от сознания и желания людей, хотя эффективность его как общественной силы во многом повышается в зависимости от его познания и роста уровня сознательности производителей. В этом отношении нет ни грана от конкуренции частных собственников, в которой всегда выигрывает сильная сторона и проигрывает другая (или другие), слабая. Социалисти-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 150—151.

ческое соревнование в конечном счете ведет к обоюдному выигрышу всех участников производства.

Социалистическое (коммунистическое) соревнование является специфическим отношением коммунистической формации в целом, т. е. оно свойственно обеим ее фазам, различаясь по степени своей зрелости. Вполне понятно поэтому заключение, сделанное В. И. Лениным, когда он, рассматривая коммунистические субботники, охарактеризовал их как «ростки коммунизма», как *«фактическое* начало *коммунизма»* [1].

Коммунистические субботники, равно как первые шаги по введению общегосударственного планирования, были тогда первыми ростками, первыми проявлениями в производстве общекоммунистических отношений, определяющих природу нового строя, но находившихся тогда на самых первых ступенях своего развития.

За годы Советской власти эти ростки новых отношений окрепли, развились и превратились в мощную силу экономического развития. Задача состоит в том, чтобы умело и в возможно полной мере использовать эту силу для дальнейшего развития социалистического производства и ускорения движения нашей страны по пути к коммунизму.

Социалистическое соревнование существует и действует в тесной связи со всеми другими отношениями социализма. Отношение соревнования нельзя отождествлять с другими отношениями социализма, в том числе и с основным, как это иногда делается. Это самостоятельное отношение, имеющее свои формы выражения. Но социалистическое соревнование теснейшим образом связано с основным производственным отношением. Только на базе основного производственного отношения коммунистической формации могло сложиться и развиваться отношение социалистического соревнования.

Само возникновение социалистического соревнования в виде коммунистических субботников означало фактическое начало коммунизма не только как свидетельство общекоммунистического характера соревнования, но и как свидетельство возникновения основного отношения, выражающего сущность, природу нового строя.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 22 и др.

Будучи производным от основного и отражая его характер, отношение соревнования само воздействует на основное отношение, способствуя укреплению и развитию единства производителей, их товарищеского сотрудничества ради общей цели и повышению эффективности этого сотрудничества.

Социалистическое соревнование органически связано с отношением общехозяйственной планомерности (также производным от основного и свойственным обеим фазам коммунизма) и с его конкретными формами. Связь эта носит двусторонний характер.

Народнохозяйственный план является основой, исходным пунктом для развертывания соревнования. Соревнование на социалистических началах немыслимо, невозможно вне плана, при отсутствии планомерности. Этим объясняется то, что рабочие, впервые поднявшие знамя соревнования, подталкивали развитие планирования и, наоборот, уже первые наметки перспективных планов послужили жизненной основой для развития массового соревнования.

Значение народнохозяйственного плана для соревнования определяется прежде всего тем, что план есть конкретизация общей цели, следовательно, он дает ясную и ощутимую перспективу развития производства и результатов его для народа. План выступает в этом качестве как мобилизующее начало и могучий стимул, побуждающий работников к творческому труду. Недаром В. И. Ленин в письмах, посвященных плану ГОЭЛРО, настойчиво подчеркивал: «...надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет», «надо уметь вызвать и *соревнование и самодеятельность масс*» [1].

В плане находит наглядное воплощение непосредственно-общественный характер труда, следовательно, признание высокого значения труда в общественном производстве. Конкретизация плана и доведение плановых заданий до предприятий, отдельных участков и участников производства создает реальную базу, исходные показатели, вокруг которых возможно развертывание товарищеского соревнования в труде по достижению наилучших его результатов.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 63; т. 52, стр. 39.

Если, с одной стороны, отношение планомерности является предпосылкой, а план — исходным пунктом развития соревнования, то, с другой стороны, развитие соревнования оказывает мощное воздействие на развитие отношения планомерности, на развитие планирования. Соревнование выступает и как могучий ускоритель выполнения планов и как средство формирования новых планов и развития планомерности.

Отличительной чертой отношения соревнования как отношения коллективного производства является то, что его результаты в виде новых производственных методов могут быстро и беспрепятственно становиться общим достоянием. Это обусловлено как отсутствием конкуренции и коммерческой тайны, так и наличием тесной планомерной товарищеской связи между отдельными работниками и их коллективами. В. И. Ленин формулирует эту черту в известном требовании гласности соревнования, подчеркивая еще раз со всей силой коренное отличие социалистического соревнования от конкуренции. Конкуренция неизбежно связана с использованием преимуществ собственника предприятия в борьбе на рынке с другим собственником, а следовательно, с коммерческой тайной. Советская власть, пишет В. И. Ленин, отменила коммерческую тайну и вступила на путь использования гласности. «Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на землю и на фабрики...» [1] Ценный опыт, который накапливается у отдельных работников и в рамках отдельных предприятий, должен широко распространяться. «Нам надо именно теперь позаботиться о том, чтобы масса необыкновенно ценного материала, который имеется налицо в виде опыта новой организации производства в отдельных городах, в отдельных предприятиях, в отдельных деревенских общинах, — чтобы этот опыт стал достоянием масс» [2].

Эффективность, экономическое значение социалистического соревнования зависят, таким образом, как от масштабов его развития и активности соревнующихся,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 36, стр. 150.

[2] Там же, стр. 149.

так и от темпов распространения его результатов и интенсивности их использования.

Социалистическое соревнование взаимодействует и с другими отношениями социализма, в том числе с отношением распределения по труду, и, следовательно, оно связано с особенностями труда, в частности с материальным стимулированием труда при социализме.

Изменение природы хозяйства означает и изменение характера труда. Характеризуя «коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова» как труд бесплатный на пользу общества, как труд без расчета на вознаграждение, труд вне нормы, по привычке трудиться на общую пользу, как потребность здорового организма [1], В. И. Ленин вместе с тем указывал, что «вопрос о коммунистическом труде можно и должно ставить вплотную, — вернее, впрочем, будет сказать: не о коммунистическом, а о социалистическом труде, ибо речь идет не о высшей, а о низшей, о первоначальной ступени развития нового общественного уклада, вырастающего из капитализма» [2].

В. И. Ленин, таким образом, разграничивает понятия коммунистического и социалистического труда, подчеркивая, что при социализме труд является средством для жизни, трудом в расчете на вознаграждение по его количеству и качеству, трудом работников, не равных по квалификации, уровню развития, по положению в общественном производстве и т. д. Вместе с тем уже в труде социалистическом В. И. Ленин отмечает общекоммунистические черты, ростки, зачатки коммунизма. Решающей и общей чертой коммунистического труда он считал ликвидацию эксплуатации, смену подневольного труда эксплуататоров трудом на себя, на свое общество, что определяло возможность широкого развития смелого почина, творческой работы, соревнования в развитии общественного производства [3].

Одним словом, общей чертой труда и на первой и на второй фазе коммунизма является то, что труд становится свободным, объединенным и творческим трудом на общую пользу. Но это значит, что зачатки коммунизма налицо и в социалистическом труде. Эти зачатки

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 315.
[2] Там же.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 196, и др.

находятся в процессе постоянного развития и выступают ныне в творческом характере труда, в развитии новых общественно-материальных и моральных побуждений к труду, в осознании труда как высокого долга перед обществом. Эти новые черты труда и являются той основой, на которой развертывается социалистическое соревнование.

Но эти побуждения к труду действуют в тесном переплетении со стимулом личной материальной заинтересованности и оплатой работников по количеству и качеству труда. Нельзя упускать из виду ни одной из сторон социалистического труда. Развивая, культивируя и используя общекоммунистические черты труда, в то же время необходимо учитывать его специфические особенности в условиях первой фазы коммунизма. Какими бы высокими стимулами ни побуждался работник, он должен вознаграждаться по его трудовому вкладу в общественное производство. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал это положение. Сила примера в условиях социализма получит громадное значение, в частности, и потому, что «лучший пример организации производства будет сопровождаться неизбежным облегчением труда и увеличением суммы потребления для тех, кто эту лучшую организацию провел»[1]. Всякое нарушение принципа оплаты по труду подрывает и ослабляет всю систему стимулов сверху донизу. И наоборот, материальное стимулирование при социализме только тогда приобретает истинную силу, когда оно сопровождается общественным признанием трудового вклада работника, т. е. когда стимул материальный помножается на стимул моральный.

3. Отношения по распределению продукта труда

Основное производственное отношение коммунистической формации накладывает свою печать и на отношения распределения продукта труда на обеих фазах коммунизма и определяет некоторые общие черты в этих отношениях, а именно: и на первой и на второй фазе это отношения товарищей по труду, распределяющих

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 150.

между собой продукт их общего труда. В этом аспекте отношения распределения как на первой, так и на второй фазе формации можно рассматривать как производные от основного отношения.

Но отношения распределения зависят также от уровня развития производительных сил и связанного с этим количества предметов потребления, подлежащих распределению. Ф. Энгельс указывал, что при прочих условиях способ распределения «существенным образом зависит от того, *какое количество* продуктов подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества»[1]. Именно это обстоятельство обусловливает наличие наряду с общей коренной чертой существенных особенностей отношений распределения на первой и второй фазах коммунистической формации, охарактеризованных К. Марксом в «Критике Готской программы».

На первой фазе коммунизма, указывал К. Маркс, общество во всех отношениях — в экономическом, нравственном и умственном — носит на себе следы, родимые пятна капитализма, из недр которого оно вышло. Эти следы сказываются на уровне развития и характере унаследованной от капитализма материально-технической базы и на самих производителях. «Капитализм, — указывал В. И. Ленин, — неизбежно оставляет в наследство социализму... старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими»[2], т. е. старое разделение труда, включая существенные различия между трудом умственным и физическим, сельскохозяйственным и индустриальным, квалифицированным и неквалифицированным, а также элементы разрозненности, цеховщины. Этот уровень развития производительных сил лежит в основе ограниченности ресурсов, образующих фонд потребления, и определяет особенность распределения при социализме, которая, как указывал К. Маркс, состоит в том, что «коллективный трудовой доход», или совокупный общественный продукт, после необходимых вычетов в фонды возмещения, накопления, общественного потребления и другие «делится между индивидуальными производителями кол-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 370.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33.

лектива»[1] в соответствии с трудовым вкладом каждого в общественное производство.

За последние годы выявились существенные расхождения во взглядах экономистов на природу отношения распределения по труду. Группа экономистов выступила с толкованием данного отношения в духе эквивалентности, т. е. разновидности товарного отношения, перенесенного в сферу распределения. Эта позиция нашла свое отражение на совещании по вопросу о законе стоимости, проведенном в мае 1957 г. в Институте экономики АН СССР, где ее сторонники, исходя из постулата о неравном использовании всенародной собственности различными группами производителей, расценивали отношение распределения по труду как эквивалентное отношение между обществом и отдельными трудящимися[2].

Эта точка зрения была воспринята и развивалась многими другими экономистами. Так, М. В. Колганов, выступая на дискуссии, организованной в МГУ в январе 1958 г., говорил, что «в основе распределения по труду лежит приравнивание труда, овеществленного в одном продукте, к труду, овеществленному в другом продукте», и что здесь налицо «стоимостная форма оплаты труда», которая вызывается тем, что «между работниками социалистического общества сохраняется... своеобразная форма обмена продуктами». «На самом деле, — спрашивал М. В. Колганов, — разве не методами обмена пользуемся мы при учете и оплате труда в государственных предприятиях? Фактически мы оплачиваем не время, проработанное тем или другим работником, а результаты его труда, продукт его труда...

При таком методе учета общественного труда, который одновременно представляет собой и метод распределения общественного продукта, труд, овеществленный в продукте, с необходимостью выступает как его стоимость...

Одним из наиболее ярких примеров сознательного использования закона стоимости в условиях социализма является сдельная оплата труда рабочих на предприя-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 17—18.

[2] См. «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР». М., 1959, стр. 138.

тиях». Будучи последовательным до конца, автор так заключает свои рассуждения: «Использование в социалистическом хозяйстве закона стоимости связано, таким образом, с осуществлением социалистического принципа распределения по труду»[1]. Иными словами, отношение распределения по труду автор считает источником, причиной товарного производства при социализме, но именно потому, что это отношение расценивается как товарное.

Этот мотив звучал в выступлениях и других экономистов.

Коренной методологический порок данной трактовки отношения распределения по труду заключается в том, что ее защитники пытаются искать природу специфического отношения формации в отношении, общем для многих формаций, в результате чего действительные отношения ставятся на голову и изображаются в извращенном виде.

Сторонники рассмотренного толкования распределения по труду ссылаются на то место в «Критике Готской программы», где К. Маркс, характеризуя способ распределения, говорит, что «здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»[2]. Налицо как будто бы явное подтверждение устами К. Маркса теории эквивалентности. Это было бы так, если бы К. Маркс тут же не добавил: «Содержание и форма здесь изменились...»[3] Возвращаясь к этому вопросу, К. Маркс подчеркивает коренное отличие распределения по труду при социализме от капиталистического распределения, обусловленное коренным отличием способа производства. Ссылка, сделанная Марксом на некоторое сходство с обменом товарными эквивалентами, используется им лишь для иллюстрации особенностей распределения по труду и его отличия от распределения по потребностям. Но К. Маркс был бесконечно далек от трактовки нового способа распределения в духе экви-

---

[1] «Закон стоимости и его роль при социализме». М., 1959, стр. 41—48.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 18—19.

[3] Там же, стр. 18.

валентности и товарно-денежных отношений. Попытки приписать данную трактовку К. Марксу со ссылкой на «Критику Готской программы» тем более беспочвенны, поскольку К. Маркс исходит здесь из предположения об отсутствии товарного производства при социализме и реализации распределения по труду не в товарной форме, а при помощи квитанций, не имеющих характера денежных единиц.

Отношения эквивалентности в распределении возможны и необходимы там и тогда, где и когда основным производственным отношением является отношение частных простых товаропроизводителей или отношение эксплуатации наемного труда капиталом. В первом случае процесс распределения совпадает с процессом обмена товаров, во втором случае рабочая сила превращается в товар и процесс распределения совпадает с ее куплей-продажей. В первом случае эквивалентность означает обмен по стоимости товаров, во втором — обмен по стоимости рабочей силы. Подобного рода условий нет при социализме. Здесь основное производственное отношение есть отношение не конкурирующих продавцов и покупателей, не отношение эксплуатации, а отношение сотрудничества и взаимопомощи свободных ассоциированных производителей. Поэтому здесь нет почвы для отношений эквивалентности в распределении в любой из указанных форм, и категория эквивалентности неприменима для объяснения существа распределения по труду.

Разумеется, наличие товарно-денежных отношений в социалистической экономике оказывает свое влияние на оплату труда, но только в том смысле, что доля национального дохода, получаемая работниками по труду, приобретает форму денежной заработной платы (или денежных доходов колхозников). Эту форму дохода трудящиеся получают не потому, что рабочая сила превращается в товар и осуществляется принцип эквивалентности в ее купле-продаже, а потому, что продукты их труда являются товарами, в том числе и средства потребления рабочего. Принцип эквивалентности сохраняется, но не в распределении, а лишь в обмене товаров, хотя и здесь в силу особенностей товарного производства он уже не тот, что при капитализме.

В чем же заключается та особенность распределения по труду, отмечая которую К. Маркс сослался на обмен товарными эквивалентами? Сотрудничество и взаимопомощь ассоциированных производителей осуществляется при социализме еще в условиях такого уровня развития производительных сил, который недостаточен для обеспечения распределения по потребностям. В то же время в сотрудничество вступают люди, равные по их отношению к средствам производства, но не равные по уровню развития, квалификации, способностям и прилежанию. Так как единственным для всех источником существования служит труд, то и единственно возможным способом распределения является распределение по труду, т. е. деление фонда потребления пропорционально той доле труда, которую каждый работник вносит в общественное производство. Тем самым образуется прямая связь между затраченным трудом и вознаграждением, чем определяется огромное значение этого способа распределения для роста производительности труда, квалификации, улучшения организации производства и укрепления дисциплины, другими словами, его значение как мощного стимула развития производства.

Следует отметить, что принцип распределения по труду в условиях «союза свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы, как одну общественную рабочую силу», К. Маркс формулирует еще в первом томе «Капитала». Подчеркнув, что способ распределения фонда личного потребления «будет меняться соответственно характеру общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей», К. Маркс указывает: «Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально по-

требляемой части всего продукта»[1]. Во-первых, К. Маркс здесь делает оговорку. Он высказывает предположение лишь для того, чтобы «провести параллель с товарным производством», но вовсе не для того, чтобы признать товарный характер рабочей силы. Во-вторых, что самое главное, К. Маркс выделяет момент *пропорциональности* в распределении предметов потребления, прямо связывая его с пропорциональностью в распределении труда между отдельными отраслями производства.

Другими словами, К. Маркс подчеркивает глубокую связь и взаимодействие отношения распределения по труду с отношением планомерности, что накладывает специфическую печать на распределение по труду как на отношение первой фазы коммунизма.

Трактовка распределения по труду при социализме в духе стоимостной эквивалентности изображает каждого труженика в виде товаровладельца, обменивающего свой товар на деньги. Что же это за товар? Здесь сторонники данной концепции расходятся. Одни из них считают, что этим товаром является продукт, производимый каждым работником, и распределение осуществляется по стоимости этого продукта. Распределение по труду, таким образом, заменяется распределением по стоимости продукта, что предполагает наличие частных собственников, применяющих собственный труд, т. е. простое товарное хозяйство, где закон стоимости выполняет и распределительные функции[2]. Но при социализме средства производства являются общественной собственностью, и, следовательно, продукт труда работников — это не собственность каждого из них в отдельности, а их общее достояние. Поэтому распределение продукта труда по стоимости здесь неприменимо.

В связи с этим другая группа сторонников указанной трактовки распределения выдвигает в качестве стоимости, в соответствии с которой осуществляется распределение продукта, стоимость воспроизводства рабочей силы, или, точнее, стоимость рабочей силы. Отвер-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 89.

[2] На это правильно указывает В. А. Медведев (см. его книгу «Закон стоимости и материальные стимулы социалистического производства». М., 1966, стр. 38).

гая способ распределения, свойственный простому товарному хозяйству, эта группа экономистов выдвигает способ распределения, свойственный капиталистическому товарному хозяйству. На лицо грубое извращение действительных отношений, свойственных социалистической экономике. К разбору этой позиции мы еще вернемся.

Вместе с тем отношение распределения по труду, как и другие отношения социализма, связано с товарно-денежными отношениями, взаимодействует с ними, что определяет некоторые особенности его реализации, но не его природу.

Распределение по труду является основным способом распределения при социализме. Но наряду с ним при социализме существует и другой способ, другая форма распределения — через общественные фонды потребления. Соотношение этих форм распределения выглядит так: за последние десять лет в доходах рабочих и служащих в СССР доля заработной платы и премий составляет примерно 75%, а доля выплат и льгот из общественных фондов потребления — примерно 25% [1].

В чем же состоит сущность отношения распределения через общественные фонды потребления, какую функцию оно выполняет и чем обусловливается его наличие при социализме? В ответах на эти вопросы у экономистов также нет единого мнения.

Одни экономисты и философы расценивают данное отношение как коммунистическое отношение полного равенства или как коммунистический принцип распределения по потребностям [2]. Вряд ли с этим можно согласиться. Полного равенства распределение из общественных фондов не обеспечивает. Например, уровень пенсионного обеспечения дифференцируется в зависимости от характера трудовой деятельности и уровня заработной платы. Точно так же стипендии для учащихся в вузах находятся в зависимости от успеваемости. Некоторые виды обслуживания предоставляются бесплатно в зависимости от потребности в них, но еще не в полной мере по потребностям. Стало быть, и отношение распределе-

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 555.

[2] См. «От социалистических производственных отношений к коммунистическим», стр. 247, 249; *С. Г. Струмилин.* На путях построения коммунизма. М., 1959, стр. 89 и др.

ния из общественных фондов пока тесно связано с особенностями первой фазы, в частности с ограниченностью ресурсов и с распределением по труду.

Другие экономисты, наоборот, считают, что распределение из общественных фондов потребления — это некий придаток к механизму распределения по труду, корректирующий, смягчающий недостатки этого механизма, а именно неравенство в потреблении членов общества, вытекающее как из производственных, так и непроизводственных факторов [1]. К ним примыкают по существу и те экономисты, которые видят в распределении через общественные фонды потребления средство сближения «относительно обособленных систем потребления» и ускорения процесса возвышения потребностей [2].

Сторонники этой точки зрения фокусируют свое внимание на потребностях человека, на личном потреблении, между тем как тот или иной способ распределения вызывается интересами, запросами производства. В этой связи уместно вспомнить слова Ф. Энгельса: «...распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» [3].

Следовательно, при оценке отношений распределения при социализме, в том числе и распределения через общественные фонды потребления, исходной точкой должны быть интересы и особенности развития производства, а что касается личного фактора, самих производителей, то — интересы развития, поддержания и проявления их способностей. К этой мысли невольно иногда приближаются и некоторые сторонники перечисленных точек зрения, но принятая ими исходная позиция закрывает перед ними путь ее правильной оценки и развития.

---

[1] См. «Категории и законы распределительных отношений социализма», стр. 73 и др.

[2] См. *Б. В. Ракитский.* Общественные фонды потребления как экономическая категория. М., 1966, стр. 34 и др.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 206.

Оба способа распределения при социализме играют важную роль в развитии, поддержании и проявлении способностей всех членов общества, в развитии социалистического производства, но каждый по-своему. Распределение по труду создает мощный стимул личной материальной заинтересованности для каждого работника в росте производительности труда и в повышении квалификации для более эффективного участия в общественном производстве. Значение этого стимула во много раз усиливается в результате его связи, переплетения со стимулом общественно-материальным, общенародным.

Распределение через общественные фонды потребления создает равные для всех членов общества условия как для поддержания их работоспособности (охрана труда, бесплатная медицинская помощь и лечение в стационарах, бесплатные или на льготных условиях путевки в дома отдыха и санатории, оплачиваемые очередные отпуска и оплата больничных листов), так и для всесторонней подготовки и всестороннего развития способностей, особенно молодого поколения, путем воспитания и образования в дошкольных учреждениях, в общих, специальных и высших учебных заведениях. Тем самым социалистическое общество предоставляет всем гражданам возможность развивать и применять свои способности, в основном независимо от уровня материального положения их семей. Это, конечно, означает «сближение меры труда и меры потребления», «выравнивание уровней материальной обеспеченности трудящихся» и «сближение обособленных систем потребления», но не как самоцели, не самих по себе, а как составной части процесса всестороннего развития способностей всех членов общества и наиболее эффективного их применения в производстве.

Поэтому отношение распределения через общественные фонды потребления в действительности представляет собой отношение товарищей по труду, выделяющих часть продукта их общего коллективного труда для всестороннего развития, поддержания и применения их способностей в организованных формах, на бесплатной или льготной основе. В этом отношении есть и общекоммунистические черты, и некоторые особенности, связанные со спецификой первой фазы коммунизма. Высвобождая процесс подготовки подрастающего поколения от опла-

ты, более того, оказывая поддержку учащимся в виде стипендий и пособий, общество при помощи данной формы распределения открывает простор для подготовки условий перехода ко второй фазе коммунизма.

4. Товарно-денежные отношения в условиях социализма

Товарно-денежные отношения являются общими для многих, но не всех общественно-экономических формаций. Они отсутствовали в первобытнообщинном обществе, их не будет и на второй фазе коммунизма. В условиях первой фазы коммунизма, как показывает опыт СССР и других социалистических стран, товарно-денежные отношения являются реальностью. Несмотря на это, наличие товарно-денежных отношений при социализме до сих пор оспаривается некоторыми (правда, немногими) экономистами. Так, в работах советских экономистов И. С. Малышева и В. А. Соболя, вышедших в свет в 1960 г., и в книге Н. В. Хессина, изданной в 1968 г., утверждается, что товарное производство, товарно-денежные отношения несовместимы с социализмом. «Отправным пунктом исследования, — писал И. С. Малышев, — является то положение, что в СССР отсутствует товарное производство...»[1] Ликвидация частной собственности на средства производства, согласно этой позиции, означает и ликвидацию товарно-денежных отношений. В связи с этим В. А. Соболь заявлял, что «социализм... не нуждается в стоимостных рычагах»[2]. По мнению И. С. Малышева и В. А. Соболя, хотя закон стоимости и действует при социализме, но это уже не тот закон стоимости, который выражает товарно-денежные отношения. Он сбросил с себя товарную оболочку и выступает теперь в виде закона экономии рабочего времени. «В таком определении, — заявлял И. С. Малышев, — стоимость сохраняет свое значение и при коммунизме»[3].

---

[1] *И. С. Малышев.* Общественный учет труда и цена при социализме. М., 1960, стр. 72.

[2] *В. А. Соболь.* Очерки по вопросам баланса народного хозяйства. М., 1960, стр. 48.

[3] *И. С. Малышев.* Общественный учет труда и цена при социализме, стр. 55.

Н. В. Хессин пишет: «Нет сомнений в том, что В. И. Ленин обосновал необходимость использования товарно-денежных отношений в переходный период от капитализма к социализму... Но справедливо ли считать В. И. Ленина автором теории товарного производства при социализме?» Н. В. Хессин дает отрицательный ответ на этот вопрос. Он утверждает, что ни в одной из работ В. И. Ленина «не идет речи об использовании товарно-денежных отношений *при социализме*» [1].

Н. В. Хессин считает, что подрыв товарного производства происходит уже при империализме. «Пролетариат, взяв власть в свои руки, — пишет он, — застает уже подорванное товарное производство. В ходе социалистических преобразований на протяжении переходного периода происходит дальнейший процесс подрыва товарного производства, завершающийся его окончательной ликвидацией... Победа социализма означала вместе с тем и ликвидацию товарного производства» [2].

Позиция отрицания товарного производства при социализме аргументируется прежде всего ссылками на высказывания классиков марксизма — К. Маркса и Ф. Энгельса. Действительно, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что при социализме не будет места товарному производству и товарно-денежным отношениям.

Считая, что основой экономики коммунизма является единство, коллективность, сотрудничество в общем деле, классики марксизма одновременно делали вывод о ее нетоварном характере. Труд отдельного лица, положенный с самого начала как труд коллективный, как «звено всеобщего производства», есть труд непосредственно общественный, не нуждающийся для своего признания в соизмерении продуктов труда на рынке. В этом случае, подчеркивал К. Маркс, «не обмен придавал бы ему характер всеобщности, а заранее данный коллективный характер труда определял бы его участие в продуктах. Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим» [3].

В «Критике Готской программы» К. Маркс возвра-

---

[1] *Н. В. Хессин.* В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968, стр. 144.

[2] Там же, стр. 146—147, 173.

[3] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 117.

щается к этому вопросу. «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, — писал он, — производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда»[1]. Эту мысль неоднократно высказывал и Ф. Энгельс. «Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающееся в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути...»[2].

Этот момент отмечал и В. И. Ленин. «Ведь для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обществу»[3]. В. И. Ленин, таким образом, противопоставляет «товарную организацию общественного хозяйства» «организации общинной, коммунистической» и рынок как «регулятор производства» планомерному регулированию процесса производства со стороны общества как единого хозяйствующего субъекта.

Классики марксизма-ленинизма дают здесь характеристику природы способа производства, исходя из основания всей пирамиды специфических отношений. При капитализме таким основанием (или, как мы говорим, исходным отношением) служит отношение частных обособленных производителей, связь между которыми осу-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 18.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 321.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 253.

ществляется лишь через рынок. При коммунизме таким основанием является коллективность производства, единство хозяйствующего субъекта, или, по выражению В. И. Ленина, «общинная организация» хозяйства.

Данная характеристика экономики коммунистической формации сохраняет свое полное значение как для второй, так и для первой ее фазы. И при социализме основанием всей системы отношений служит отношение коллективности, в связи с чем труд является непосредственно общественным трудом. Но своеобразие первой фазы коммунизма заключается в том, что социалистическая экономика, имея своим основанием коллективность производства, включает в себя как необходимый, но подчиненный, подсобный элемент товарно-денежные отношения. Это своеобразие первой фазы коммунизма в полной мере выявилось в процессе построения социалистического общества. Реализация этой задачи потребовала более детальной разработки и уточнения как общих черт, так и особенностей первой фазы коммунистической формации, в частности выработки основных принципов социалистического хозяйствования. В. И. Ленин в процессе разработки этих вопросов конкретизировал как общекоммунистические черты, так и специфические особенности социализма. В процессе разработки проблем перехода к новой экономической политике В. И. Ленин, обобщая опыт первых лет хозяйственного строительства первой в мире страны, осуществившей социалистическую революцию, приходит к выводу о наличии товарного производства и товарно-денежных отношений не только в переходный период, но и на стадии социализма, о необходимости их использования в интересах социализма. Он расширяет выдвинутое К. Марксом положение о «родимых пятнах» капитализма на первой фазе, включая сюда наличие товарно-денежных отношений. «Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться, — говорил В. И. Ленин, — и *надо* уметь пользоваться, раз является в том надобность... Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 227—228.

В ряде выступлений, относящихся к моменту перехода к нэпу, В. И. Ленин показывает, что в период гражданской войны и интервенции широко распространенная установка на ликвидацию товарно-денежных отношений была связана с установкой на непосредственный переход к коммунизму, минуя социализм. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В. И. Ленин писал: «Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму»[1].

К этой мысли В. И. Ленин возвращается в плане статьи «Коммерческая постановка дела», в котором он вновь указывает, что в предыдущий период «переход к «коммунизму» очень часто (и по военным соображениям; и почти абсолютной нищете; и по ошибке, по ряду ошибок) был сделан без промежуточных ступеней социализма (коммунизм *vs* социализм)»[2]. В этом же документе В. И. Ленин разъясняет, что «коммерческая постановка дела» вполне годится для лозунга, и этот лозунг наряду с величайшим напряжением сил включает в себя «хозяйственность», составными элементами которой являются окупаемость, торговля, денежная система[3].

Деньги, денежная система, которые до этого рассматривались лишь как средство грабежа и наживы и которые (наряду с торговлей) предполагалось ликвидировать в рамках переходного периода, теперь расцениваются как важнейшее орудие хозяйствования, в связи с чем ставится задача достижения устойчивости рубля, прекращения эмиссии, перевода денег на золотое обеспечение. В известной статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» В. И. Ленин под-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.
[2] Там же, стр. 473.
[3] См. там же, стр. 473—474.

черкнул значение торговли и денег и ясно определил хронологические рамки их существования. Золото, деньги нужны будут Советской стране до тех пор, пока не будет достигнута полная победа социализма в мировом масштабе. До тех же пор «беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле» [1]. В соответствии с этой установкой в резолюции XI съезда РКП(б), подготовленной В. И. Лениным, была подчеркнута необходимость восстановления золотого обеспечения денег [2]. В. И. Ленин разработал основы денежной реформы, не раз отмечая, что новая денежная система вводится всерьез и надолго.

Наряду с этим В. И. Ленин уделяет исключительное внимание разработке методов социалистического хозяйствования, в том числе теории и практике хозяйственного расчета. Указания В. И. Ленина по вопросам хозяйственного расчета имеют стратегическое значение, выходящее за пределы переходного периода. В. И. Ленин раскрывает важные стороны взаимоотношений социалистических предприятий в рамках единой государственной собственности, показывает не только необходимость, но и формы и методы использования товарно-денежных отношений и стоимостных рычагов в условиях социализма.

Следовательно, одной из важных особенностей социализма как первой фазы коммунистической формации является то, что здесь непосредственно общественное производство связано с товарной его формой, непосредственно общественный труд проходит дополнительное признание через обмен товаров. Своеобразие положения заключается в том, что «товарной организации общественного хозяйства» при социализме не существует как господствующей формы, она заменена планомерной организацией всего народного хозяйства как единого целого, но эта новая организация хозяйства включает в себя как необходимый, но подчиненный элемент наличие товарно-денежных отношений и производства товаров.

В процессе выработки данной позиции В. И. Ленину пришлось преодолевать сопротивление части теоретических и практических работников, которые отстаивали

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 226.

[2] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», изд. 8, т. 2, стр. 329.

точку зрения о несовместимости социализма и торговли. Впоследствии подобная точка зрения неоднократно высказывалась, и партии пришлось не раз возвращаться к этому вопросу. Так, в Отчетном докладе ЦК XVII съезду партии указывалось, что среди части теоретических и практических работников тогда имела хождение установка о том, что «советская торговля является якобы пройденной стадией, что... надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчетные знаки», отмечалось, что «деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма — социалистической стадии развития»[1].

Мысль о наличии товарно-денежных отношений и закона стоимости при социализме получала все большее признание в экономической литературе. Она была отражена и в макете учебника политической экономии, представленного на рассмотрение участников экономической дискуссии 1951—1952 гг.

После экономической дискуссии 1951—1952 гг. наличие товарно-денежных отношений и закона стоимости при социализме признается большинством советских экономистов. Но утверждение данной позиции в экономической литературе выдвинуло на одно из первых мест вопрос о причинах существования товарного производства при социализме, о его корнях, происхождении и роли в условиях социалистической экономики.

Первая попытка дать ответ на этот вопрос была сделана И. В. Сталиным, который исходил из наличия двух форм общественной собственности: государственной (общенародной) и кооперативно-колхозной. Согласно этой концепции, при социализме существуют два коллективных собственника производимой продукции — государство и колхозы. Экономические связи между ними по необходимости должны носить характер купли-продажи. «Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не приемлют»[2]. Поскольку в тот период

---

[1] «XVII съезд Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М., 1934, стр. 26.

[2] *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 16.

основная масса сельскохозяйственных машин и оборудования поставлялась в МТС (т. е. государственные предприятия), постольку И. В. Сталин сделал вывод о том, что сфера товарно-денежных отношений ограничена при социализме лишь предметами личного потребления, а средства производства не являются товарами.

Эта концепция, получившая широкое распространение и сыгравшая свою роль первой научной гипотезы в данном вопросе, имела, однако, весьма слабые стороны и уязвимые места.

Признавая возникновение товарного производства на стыке двух секторов хозяйства и считая главной причиной существования товарного производства кооперативно-колхозную форму собственности, данная концепция фактически никак не может объяснить ни товарного характера производства в государственном секторе, ни неизмеримо более слабого до сих пор развития товарных отношений в колхозном производстве. Утверждение сторонников этой концепции, что средства производства не товар и исключаются из сферы действия закона стоимости при социализме, не жизненно. Оно не было убедительно даже в период существования МТС, поскольку колхозы и тогда покупали значительную часть средств производства, и тем более не убедительно теперь. Признание средств производства товарами в настоящее время еще более осложняет положение сторонников данной позиции, поскольку встает с еще большей остротой все тот же вопрос, почему продукция государственных предприятий является товаром. Попытка использовать здесь аргумент насчет единства хозяйства носит искусственный характер и не убедительна. Из данной концепции автоматически вытекает вывод о том, что при наличии одной всенародной формы социалистической собственности почвы для товарного производства и обращения не будет. Но этот вывод неверен и все большее число экономистов не соглашается с ним.

Сама жизнь и развитие науки показали неудовлетворительность и слабость объяснения причин существования товарного производства при социализме исходя из двух форм общественной собственности.

В связи с этим появились различные новые попытки обосновать наличие товарного производства при социализме, в частности, исходя из: а) специфических черт

всенародной собственности на современном этапе, б) характера труда и распределения по труду при социализме.

Типичной для первой группы является позиция ряда экономистов, которая сводится к следующему. Всенародная собственность на средства производства при социализме означает равенство членов общества по их владению, но неравенство по их использованию. Условия труда, уровень его оснащения и прочее на разных предприятиях различны, а это определяет различие в фактическом социально-экономическом положении трудящихся и в использовании ими общенародных средств производства. Эта социальная неоднородность фактического положения групп трудящихся и требует эквивалентного возмещения, т. е. товарного производства и товарного обращения [1].

Разъясняя данную позицию, ее защитники утверждают, что корни товарных отношений следует искать в отношениях общественной, точнее государственной, собственности, и находят их в экономической «обособленности государственных предприятий как специфической черте всенародной собственности при социализме... Обособленность государственных предприятий, владеющих по поручению государства средствами производства, — вот та причина, которая в данном случае порождает товарные отношения» [2].

Указанная позиция, сформировавшаяся в процессе критического разбора слабых сторон сталинской гипотезы, сама, однако, внутренне противоречива и весьма уязвима. Ее коренной методологический порок заключается в том, что наличие отношения, общего для многих формаций, в том числе и для первой фазы коммунистической формации, выводится ее сторонниками из сформулированного ими же основного специфического отношения новой формации. Применительно, скажем, к капитализму это означало бы, что товарно-денежные отношения следовало бы выводить из отношения капиталистической эксплуатации наемного труда. Для ка-

[1] См. «Вопросы экономики», 1962, № 4, стр. 105—106; «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР», стр. 135—143, и др.

[2] *В. Г. Лопаткин.* Товарные отношения и закон стоимости при социализме. М., 1966, стр. 18.

питализма тут было бы больше логики, поскольку капитализм по своей природе является строем товарных отношений, чего нельзя сказать о коммунизме. Между тем сторонники разбираемой концепции настойчиво повторяют, что «товарное производство имманентно социалистическим производственным отношениям»[1], что «социалистические товарные отношения возникают в силу новых условий, проявляющихся при социализме», что они «вызваны социалистическими условиями», что всенародная собственность «порождает товарные отношения»[2].

Мы не можем согласиться с подобного рода попыткой фактического пересмотра одного из важных положений марксистско-ленинской экономической теории о товарно-денежных отношениях как отношениях, общих для многих формаций, в том числе и первой фазы коммунизма.

Но если товарно-денежные отношения являются общими для многих формаций, в том числе и для первой фазы коммунизма, то методологически не состоятельны попытки выведения их из основного или других специфических отношений коммунистической формации, общих для обеих фаз. Это значило бы, кроме того, искажение самой природы этой формации, характера всенародной государственной собственности.

Сторонники разбираемой концепции усматривают главную причину наличия товарно-денежных отношений при социализме в экономической обособленности государственных предприятий. Они утверждают, например, что «специфической чертой всенародной собственности при социализме является то, что она не может существовать как единое предприятие»[3]. Это по меньшей мере далекое от истины утверждение. Всенародная собственность есть прежде всего единство всего народного хозяйства, которое уже на стадии социализма приобретает в силу этого черты, выражаясь ленинским языком, «единой фабрики», черты «единого синдиката». Относитель-

---

[1] «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР», стр. 142.

[2] *В. Г. Лопаткин.* Товарные отношения и закон стоимости при социализме, стр. 93, 6, 18.

[3] Там же, стр. 25.

ная самостоятельность производственных ячеек — предприятий — развивается на основе и в рамках этого единства.

Другая группа экономистов ищет причину товарного производства при социализме в характере труда, точнее говоря, в распределении по труду. К этой группе относятся прежде всего те экономисты, которые трактуют распределение по труду в духе стоимостной эквивалентности. Так, М. В. Колганов считает, что товарные отношения при социализме «обусловлены самой природой организации социалистического производства... и организации распределения в соответствии с принципом «каждому по его труду»; они обусловлены характером труда на стадии социализма, не ставшего еще первой жизненной потребностью и потому предполагающего наличие материальных стимулов...» [1]. Отношение распределения по труду М. В. Колганов рассматривает как по природе своей товарное отношение, определяющее необходимость товарно-денежных отношений и между предприятиями.

Некоторые экономисты хотя и отталкиваются от особенностей общественной собственности, но затем также приходят к выводу, что причину товарных отношений при социализме следует искать в общественной неоднородности и в материальном стимулировании труда, т. е. в конечном счете в распределении по труду [2].

Однако вряд ли можно согласиться с этим объяснением. Во-первых, как уже указывалось, попытки трактовать распределение по труду в духе стоимостной эквивалентности не имеют под собой основания. Следовательно, также безосновательны попытки вывести из распределения по труду товарно-денежные отношения. Во-вторых, нельзя выводить отношение, общее для многих формаций, из отношения, специфического лишь для первой фазы коммунистической формации. Наличие какой-то общей причины существования товарно-денежных отношений и распределения по труду на первой фазе коммунизма еще не роднит их, не означает, что это отношения одного порядка, что одно из них вытекает

---

[1] «Закон стоимости и его роль при социализме», стр. 43.

[2] См. «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР», стр. 137—138.

из другого. В-третьих, нельзя выводить отношения производства и обмена, в данном случае товарно-денежные, из отношений распределения.

Какова же действительная причина существования товарно-денежных отношений при социализме и как подходить к ее выявлению?

Прежде всего товарно-денежные отношения являются отношениями, общими для многих формаций и, следовательно, речь идет не о причинах их *возникновения,* а о причинах их *сохранения* при социализме [1].

Далее, причину сохранения отношения, общего для многих формаций, следует искать не в других производственных отношениях, тем более не в специфических отношениях новой формации, а *в уровне и характере производительных сил,* в тех чертах производительных сил, которые наследуются и сохраняются в новых условиях.

Материально-техническая база капитализма создавалась как средство эксплуатации наемных рабочих капиталом, как средство конкуренции собственников предприятий. Размер капитала определял размер, уровень технического вооружения отдельных предприятий и фирм. Это обусловливало технико-организационную раздробленность производства, техническую и экономическую обособленность и противопоставление отдельных производственных единиц, неравномерность и резкие различия в уровнях производительности труда и затратах труда на единицу продукции. Социализм получает от капитализма эту, созданную последним, материально-техническую базу со всеми чертами, многие из которых не могут быть изжиты в короткий срок, а существуют и воспроизводятся долгое время.

В условиях социализма устанавливается единство хозяйства, все предприятия государственного сектора

---

[1] Стремление некоторых экономистов доказать, будто товарно-денежные отношения при социализме не являются «рудиментом старого», «остаточными явлениями прошлого» и т. д., а суть нечто совершенно новое, специфическое для коммунистической формации, основано на явном недоразумении и приводит иногда к любопытным казусам, например к заключению Л. А. Леонтьева о том, что «план не только не исключает, а, наоборот, предполагает наличие товарного производства...» («Правда», 31 августа 1966 г.). По логике этого заключения товарное производство должно сохраниться и на второй фазе коммунизма.

принадлежат одному собственнику — народу, планомерно развивающему хозяйство в общих интересах. Материально-техническая база в этих условиях превращается и развивается как средство планомерного товарищеского сотрудничества производителей в рамках всего хозяйства для достижения единой цели. В связи с этим развитие материально-технической базы идет при социализме в направлении общего повышения технического уровня, ликвидации неравномерности в технической вооруженности труда отдельных предприятий, установления все более тесных технико-производственных связей между отдельными предприятиями. Но пока существуют различия в техническом уровне, существует и обусловленная ими известная относительная самостоятельность отдельных предприятий в рамках единой государственной собственности, и отношения между отдельными предприятиями по необходимости должны быть построены на принципе обмена продуктами и эквивалентного возмещения произведенных затрат, т. е. товарного обмена. Стало быть, товарное производство и товарно-денежные отношения, их сохранение при социализме определяются не отношениями общенародной собственности, не противоречием, заключенным в общенародной собственности, а уровнем, характером материально-технической базы производства, противоречием между этой базой и новой системой отношений. Здесь находит свое отражение тот факт, что коммунистическая общественно-экономическая формация на своей первой фазе развивается не на совсем еще адекватной ей материально-технической базе.

Если товарно-денежные отношения являются общими для многих формаций (в том числе сохраняются и при социализме), не означает ли это, что они имеют всегда одно и то же значение, характер и сферу действия?

Объем и значение товарного производства, товарно-денежных отношений определяются их взаимодействием со специфическими отношениями каждой формации, и прежде всего с основным производственным отношением. Так, в условиях капитализма сфера товарно-денежных отношений расширяется вплоть до превращения в товар рабочей силы. Товарно-денежные отношения ставятся на службу эксплуатации рабочего класса,

разорения мелких производителей, конкурентной борьбы на рынке.

На первой фазе коммунизма товарно-денежные отношения обслуживают хозяйство объединенных производителей и содействуют укреплению и повышению эффективности планомерного товарищеского сотрудничества ради достижения единой для всех цели. В связи с этим изменяется и сфера, объем товарно-денежных отношений. Рабочая сила при социализме не является товаром, поскольку трудящиеся являются коллективными собственниками условий и результатов производства. Не являются товаром, не продаются и не покупаются земля и ее недра, а также фабрики, заводы, железные дороги, торговые предприятия, хотя они могут иметь ценностную оценку. Крупные элементы средств производства, производимые государственными предприятиями: станки, металлургическое, транспортное оборудование и т. д. являются товарами, но они не продаются в частные руки, а лишь государственным или кооперативным хозяйствам. Это товары, но товары особого рода, потерявшие некоторые качества, которые были свойственны им при капитализме и отсутствие которых при социализме дало повод И. В. Сталину исключить их из мира товаров, а некоторым экономистам даже отрицать товарное производство при социализме вообще. Вопрос о товарном производстве при социализме следует рассматривать в связи с новой природой хозяйства, в процессе ее постоянного развития, не в статике, а в динамике.

Отрицание товарного производства и товарно-денежных отношений при социализме теоретически несостоятельно и вредно. Столь же вредны и несостоятельны игнорирование изменений в объеме и значении товарного производства, абсолютизация товарно-денежных отношений, рассмотрение их по аналогии с капитализмом.

Весьма распространенной в экономической литературе в последние годы явилась тенденция к преувеличению роли рынка в ущерб плану, противопоставление рынка централизованному планированию. Например, Г. С. Лисичкин в ряде своих выступлений утверждал, что регулятором развития социалистической экономики является закон стоимости, что план должен приспосабливаться к рынку, являющемуся «живительным источни-

ком», из которого «черпаются его показатели»[1]. Успехи в развитии экономики автор связывал исключительно с тем, «насколько смело и последовательно осуществляются в ней объективные требования закона стоимости»[2]. Автор утверждал, что предприятие должно быть «свободно в выборе цели и путей к ее достижению» и лишь посредством стоимостных рычагов можно «принуждать его незаметно к движению в общем, намеченном планом направлении»[3]. Таким образом, выступая за использование товарно-денежных отношений и закона стоимости, Г. С. Лисичкин и некоторые другие экономисты увлеклись и ударились в крайность, исказив действительное отношение плана к рынку, взаимосвязи специфических общекоммунистических и общих в данном случае товарно-денежных отношений.

Развивая данную установку, некоторые экономисты выдвигали и отстаивали мысль о полной самостоятельности отдельных предприятий, о включении конкуренции как решающей силы в механизм функционирования народного хозяйства. Эта мысль обосновывалась обычно ссылкой на наличие товарно-денежных отношений и необходимость их использования. Раз есть товарное производство, значит, должен быть и «объективный механизм регулирования хозяйства». Таким механизмом может быть лишь борьба товаропроизводителей на рынке, т. е. конкуренция. В систему производственных отношений социализма как отношений коллективности включалось, таким образом, в качестве исходного чуждое его природе отношение частных, противопоставленных друг другу производителей, в результате чего все другие отношения приобретали извращенный характер. Товарищеское сотрудничество производителей для достижения общей цели заменялось их борьбой, планомерность — рыночным «регулированием», распределение по труду — распределением по итогам рыночной реализации, а социалистическое соревнование вообще выбрасывалось за борт, подменялось конкуренцией или ее стыдливым синонимом — «экономическим соревнованием».

---

[1] См. *Г. С. Лисичкин.* План и рынок. М., 1966, стр. 53.

[2] Там же, стр. 54; см. также его статью в «Известиях» от 26 февраля 1966 г.

[3] «Новый мир», 1967, № 2, стр. 176.

Логическим следствием абсолютизации товарно-денежных отношений явились распространенные в печати требования «не ограничивать товарного хозяйства», «отказаться от его ущербной трактовки», а наоборот, «расширять сферу товарно-денежных отношений» и т. д. В чем смысл этих требований? Сфера товарно-денежных отношений при социализме, как уже указывалось, объективно ограничена и речь может идти о более полном их использовании там, где они действуют. Смысл указанных требований раскрывается, когда их авторы переходят к предложениям, выдвигая, например, тезис о признании товарного характера рабочей силы, стоимости рабочей силы, об установлении «платы за кадры» по аналогии с платой за основные фонды и т. д.[1] Но такое «расширение сферы» товарно-денежных отношений в корне противоречит природе социализма.

Позицию абсолютизации товарно-денежных отношений наиболее последовательно сформулировал и изложил И. Н. Буздалов, который расценивал их как отношения, *определяющие природу, сущность социализма,* а прибыль как основную цель социалистического производства. Так, И. Н. Буздалов утверждает, что исходной основой, определяющей научные принципы и практические методы проведения экономической политики, являются товарно-денежные отношения, которым он отводит роль основной, господствующей формы экономических связей в условиях социализма[2]. Объективные экономические законы при социализме автор рассматривает в плане «прежде всего законов товарного производства». Социализм, по его мнению, не меняет товарного производства, «а лишь меняет характер использования его категорий...»[3]. Как же автор представляет себе это использование? По его мнению, до сих пор товарно-денежным отношениям как господствующей форме экономических связей отводилась «подчиненная» роль. Те-

[1] См., например, статью В. Корниенко и Ю. Пахомова в журнале «Экономика Советской Украины» (1966, № 9), а также брошюру Х. М. Мифтахова «Стоимость рабочей силы при социализме» (Ташкент, 1968). Более подробно на этом вопросе мы остановимся в главе X.

[2] См. *И. Н. Буздалов.* Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства. М., 1966, стр. 319, 320, 330.

[3] Там же, стр. 319.

перь «практическая задача состоит в подчинении обратного порядка», т. е. в подчинении плана, экономической политики в целом требованиям объективных законов товарного производства. В связи с этим автор любезно напоминает высказывание Гегеля о том, что «подчинить природу — это значит сначала подчиниться ей»[1]. Использование законов социализма в данной трактовке есть не что иное, как пассивное приспособление, более того, подчинение требованиям законов товарного производства, характер которых расценивается по аналогии с капитализмом.

Сторонники абсолютизации товарно-денежных отношений рассуждают о товарном производстве вообще, независимо от специфических отношений данной формации. Между тем характер и значение товарно-денежных отношений изменяются в зависимости от их взаимодействия со специфическими отношениями и особенно при социализме в соответствии с коренным изменением природы хозяйства. При капитализме товарно-денежные отношения включаются как подчиненные в систему отношений эксплуатации и конкуренции. При социализме товарно-денежные отношения входят в систему отношений коллективного производства как подчиненные отношениям планомерного товарищеского сотрудничества свободных и равноправных производителей ради достижения единой цели. При капитализме товарно-денежные отношения есть средство эксплуатации наемного труда и борьбы частных товаровладельцев на рынке. При социализме товарно-денежные отношения используются для повышения эффективности общих трудовых усилий в общих интересах объединенного общественного хозяйства. Такое глубокое изменение роли товарно-денежных отношений, после того как они столетия служили угнетению человека человеком, кажется кое-кому невероятным, не укладывается в их сознании, что и является одной из причин отрицания товарно-денежных отношений при социализме. Одновременно глубокое изменение значения товарно-денежных отношений при социализме выдвигает сложные задачи выработки наиболее эффективных методов их использования. «В коммуни-

[1] *И. Н. Буздалов.* Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства, стр. 331.

стическом строительстве, — указывается в Программе КПСС, — необходимо полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма» [1].

Вместе с тем наличие товарно-денежных отношений оказывает известное воздействие на специфические отношения формации, не изменяя их природу, но определяя изменение форм их проявления. Мы не можем согласиться с утверждениями о том, что все отношения и законы «не могут в наших условиях быть выражены сами по себе, без закона стоимости и основанных на нем категориях...» [2]. Специфические отношения и законы коммунистической формации имеют и свои особые формы выражения. Наряду с этим во многих случаях они выступают в товарно-денежной форме.

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 387.
[2] «Новый мир», 1967, № 2, стр. 181.

Раздел III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ СОЦИАЛИЗМА

Глава восьмая
ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА

1. Экономические законы социализма как законы коллективного производства

Экономические законы суть законы развития общественных связей людей по производству. Изменение характера производственных отношений, т. е. переход от одной общественно-экономической формации к другой, означает и изменение содержания экономических законов, характера и сферы их действия. Особенно резкое изменение в содержании законов происходит при переходе от капитализма к социализму в силу коренного изменения природы хозяйства.

Экономические законы капитализма суть законы раздробленного частного хозяйства, законы развития отношений конкуренции, эксплуатации человека человеком. Экономические законы коммунистической формации, первой фазой которой является социализм, — это законы объединенного хозяйства, законы коллективного производства, законы сотрудничества равноправных производителей в общем деле развития общественного производства.

Хозяйствующий субъект при капитализме — частный собственник средств производства, предприниматель-капиталист. Сосредоточение условий производства в руках незначительного меньшинства ведет к полному отстранению от управления хозяйством наемных рабочих, обреченных служить сырым материалом для эксплуатации, и противопоставляет их классу капиталистов.

В условиях социализма все участники производства составляют единый всенародный коллектив, представляющий собой единый коллективный хозяйству-

ющий субъект с его подразделениями в виде отдельных отраслей и предприятий. Единство хозяйствующего субъекта определяет возникновение общей заинтересованности всех производителей в результатах производства, превращает каждого участника производства в активно действующую силу.

Экономические законы капитализма по своему содержанию суть законы борьбы раздробленных и противопоставленных друг другу сил, а экономические законы социализма — законы согласованного дружественного сотрудничества всех производителей ради достижения единой цели. При капитализме экономические законы осуществляются в процессе борьбы противостоящих друг другу сил, действующих в разных направлениях, и конечный результат этой борьбы, как правило, получается вовсе не таким, каким его ожидали борющиеся стороны. При социализме экономические законы действуют как законы согласованных совместных трудовых усилий людей, направленных к достижению единой цели, в связи с чем результат их действий все более совпадает с той целью, которую они перед собой ставят как единый коллектив.

Некоторые экономисты трактуют всякий экономический закон при всех условиях, в том числе и при социализме, как противоречие, «форму противоречия» или «форму движения противоречия». Данная трактовка применительно к капитализму имеет все основания, поскольку здесь каждый закон есть или закон борьбы труда и капитала, или закон борьбы товаропроизводителей на рынке, или и то и другое вместе. Однако трактовать в том же духе экономические законы при социализме — это значит искажать их природу. Специфические экономические законы, свойственные данной формации, отображают ее внутреннюю природу. Поэтому специфические законы разных формаций не могут быть однозначны по своему содержанию. При капитализме свойственные ему законы — это законы всесторонней борьбы и противоречий, при коммунизме — это законы единства и всестороннего сотрудничества ради общей цели, в общих интересах [1].

---

[1] Даже те экономисты, которые все экономические законы социализма рассматривают как законы «движения», развития проти-

Означает ли это, что экономические законы при социализме реализуются вне всякой борьбы и противоречий? Нет, не означает. Основной экономический закон и закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства как законы единства, коллективизма и согласования усилий производителей осуществляются в процессе борьбы против элементов стихийности, разрозненности, самотека, индивидуализма. Но определяющей чертой коммунистической формации является именно единство социальных сил. Это единство и составляет содержание указанных законов. Противоречия же и борьба, как уже указывалось, развиваются в рамках и на основе этого единства.

Отмеченная трактовка экономических законов при социализме как законов, выражающих содержание противоречий, опасна и тем, что она толкает ее защитников на путь искусственного конструирования формул этих законов с обязательным включением какого-либо противоречия, независимо от того, как связано данное противоречие с законом и какую роль оно играет в действительности.

При капитализме, поскольку речь идет о законах, определяющих количественную сторону экономических процессов, отклонение от закона — обычное и нормальное явление, ибо сам закон осуществляется как результат бесчисленных колебаний то в ту, то в другую сторону и отражает усиление нажима то одной, то другой из противоборствующих сил. Общий результат развития хозяйства в данных условиях получается как сумма от сложения проигрышей и выигрышей различных хозяйствующих субъектов.

При социализме общий результат развития хозяйства получается от сложения и, даже более, умножения усилий производителей, действующих в одном направлении для достижения единой цели. Нарушение экономи-

---

воречий, вынуждены иногда признавать, что «при всенародной собственности на средства производства, ведении производства обществом за его собственный счет и при общественном присвоении результатов производства развитие производительных сил не может использоваться в особых интересах каких-либо отдельных групп, слоев, классов; оно необходимо используется в интересах всего общества в целом» («Экономические закономерности перерастания социализма в коммунизм». М., 1967, стр. 612).

ческого закона в этих условиях, как правило, означает нарушение нормального хода процесса производства, что вызывает и не может не вызывать ответной реакции как со стороны связанных с данным предприятием звеньев производства, так и со стороны коллектива этого предприятия, а также и со стороны специальных государственных и общественных органов контроля и наблюдения. Это та новая «обратная связь» в народнохозяйственном механизме, которая свойственна лишь социализму и которую никак не могут понять и принять сторонники «рыночного регулирования» социалистической экономики.

Попутно отметим, что проблема «обратной связи», правильно подчеркнутая В. Г. Афанасьевым и имеющая особое значение для функционирования социалистической экономики, еще ждет своей разработки [1]. Между тем разработка этой проблемы дала бы очень много для понимания механизма действия экономических законов социализма.

Формы ответной реакции на нарушения экономических законов могут быть самыми различными: сигналы руководству предприятий, министерств, в партийные организации, в печать и т. д., результатом чего могут явиться специальные мероприятия хозяйственного руководства по выправлению положения на данном участке производства. Если сигналы поступают вовремя и вовремя учитываются, подобного рода нарушения исправляются на ходу, не причиняя большого ущерба производству. И наоборот, если члены коллектива не смогут вовремя оценить опасность и соответствующим образом реагировать на нее или если хозяйственное руководство не реагирует должным образом на поступающие сигналы, тогда нарушения нормального хода производства могут принять затяжной характер и нанести хозяйству

[1] См. *В. Г. Афанасьев.* Научное управление обществом. М., 1968. Автор пишет: «Принцип обратной связи — один из самых важных принципов управления. Согласно этому принципу, успешное управление может осуществляться только в том случае, если управляющая система будет получать информацию об эффекте, достигнутом тем или иным действием объекта управления, о достижении (или недостижении) цели. Несоответствие фактического состояния системы заданному и является корригирующим сигналом, который вызывает перестройку с тем, чтобы она функционировала в заданном направлении» (стр. 29).

большой ущерб. Отсюда следует тот вывод, что вооружение экономическими знаниями и общий подъем образовательного уровня основной массы производителей приобретает при социализме первостепенное значение.

Стихийный характер капиталистической экономики отнюдь не исключает роли сознания и активных действий людей, познания и использования экономических законов капитализма. Но экономические законы капитализма как законы эксплуатации, конкуренции, взаимной борьбы не могут быть использованы в интересах всего общества, а используются отдельными собственниками, классами и социальными группами, что сужает границы их научного познания со стороны буржуазной политической экономии. В условиях же социализма открывается широкий простор и создается необходимость познания и использования экономических законов в интересах всего общества и, следовательно, каждого члена общества. Это говорит об особом значении проблемы познания и использования экономических законов при социализме.

2. Объективный характер экономических законов социализма

Исходный пункт всякой науки заключается в признании определенных объективных закономерностей. Познание этих закономерностей — их обнаружение, определение, вскрытие их характера и механизма действия — есть задача и содержание науки. Это полностью относится и к политической экономии как теоретической науке, в том числе и к политической экономии социализма.

Однако эта бесспорная истина применительно к политической экономии социализма нередко подвергается сомнению.

Атаки против политической экономии социализма как науки велись и ведутся по линии отрицания не только закономерного характера социалистической экономики, но и объективного характера законов ее развития. Обычным доводом является следующий: поскольку общественное развитие не может осуществляться без людей, постольку законы его зависят от их воли, сознания и желаний. Тем самым законы ставятся в зави-

симость от поведения людей, от их воли, желаний и лишаются объективной основы.

Такое толкование законов не случайно. Оно имеет свою классовую основу — психологию мелкого буржуа с его неустойчивостью, шатаниями, анархической распущенностью и склонностью действовать по принципу: что хочу, то и делаю. Характеризуя субъективизм с позиции рабочего класса, В. И. Ленин в 1914 г. писал: «Один из главных, если не главный, недостаток (или преступление против рабочего класса), как народников и ликвидаторов, так и разных интеллигентских группок, «впередовцев», плехановцев, троцкистов, есть их *субъективизм*. Свои желания, свои «мнения», свои оценки, свои «виды» они выдают на каждом шагу за волю рабочих, за потребности рабочего движения» [1].

История полностью подтвердила суровую ленинскую оценку субъективизма как преступления против рабочего класса, против социализма. Отрицание объективного характера законов есть не что иное, как отрицание науки. В политической и экономической области это ведет к авантюризму, волюнтаризму и всяческому произволу.

Законы общественного развития в отличие от законов природы осуществляются через деятельность людей, обладающих сознанием, волей и преследующих определенные цели. Вне общественной деятельности людей нет и законов общественного развития. Но сами цели, преследуемые людьми, и характер их действия обусловлены вполне объективными обстоятельствами — уровнем развития производительных сил, характером производственных отношений и подчиняются определенным законам. Ф. Энгельс очень хорошо выразил эту мысль, отмечая различия законов природы и общества. Он писал: «Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям... Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам» [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 245.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 306.

Это обстоятельство накладывает свою печать и на характер действий людей и целей, которые они ставят перед собой. Цель производства различна в разных способах производства, различны стимулы производственной деятельности людей и характер их действия. В связи с этим законы общественного развития по существу столь же объективны и независимы от желаний и воли людей, как и законы природы. Именно объективный характер экономических законов и делает политическую экономию наукой.

Отрицание объективных законов развития природы и общества есть не что иное, как отрицание науки. В. И. Ленин подчеркнул это положение в полемике со Струве. Изгнание объективных законов из науки, писал В. И. Ленин, Струве избрал для отрицания науки, которая делает неприятные для буржуа обобщения, для протаскивания религии, идеализма [1].

В предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс, характеризуя экономические законы капитализма, указывает, что эти законы действуют и осуществляются «с железной необходимостью» и что общество, «если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» [2].

Разъясняя позицию К. Маркса в данном вопросе, В. И. Ленин подчеркивал, что К. Маркс рассматривал «общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения» [3]. Это положение имеет силу и для коммунистической формации.

Таким образом, не законы и их характер определяются сознанием и волей людей, а, наоборот, воля, сознание, намерения людей определяются объективными экономическими законами. И только поняв эти законы, можно понять намерения и действия людей в той или иной обстановке, объяснить эти действия и даже пред-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 47.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 6, 10.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 166.

видеть их результаты. Так, поняв экономические законы капитализма, мы можем предвидеть ход капиталистического цикла, в том числе и наступление кризиса. В. И. Ленин указывал, что марксистская теория воспроизводства дает возможность предсказывать кризисы. Точно так же в условиях социализма познание экономических законов дает возможность не только предвидеть результаты нашей хозяйственной деятельности, скажем на ближайшие пять лет, но и активно влиять на них в сторону их улучшения.

Различия в характере экономических законов при социализме и капитализме некоторые экономисты упорно ищут в области сознания, в области познания законов. Они утверждают, что экономические законы при социализме объективны, поскольку они возникают и сходят со сцены независимо от воли, сознания и желания людей, но действуют и могут действовать лишь как осознанные и научно познанные людьми. В этом якобы и состоит их главное отличие от законов капитализма, которые действуют за спиной людей, стихийно, совершенно независимо от воли, сознания и желания людей. Иногда к этому добавляют, что люди при капитализме вообще не знают экономических законов. Так, в одной из статей журнала «Вопросы экономики» утверждалось следующее: «Экономические законы действуют при капитализме совершенно независимо от сознания людей, которые к тому же и не знают этих законов... Иначе обстоит дело при социализме. Действующие здесь законы экономического развития научно познаны, сознательно и планомерно используются людьми в интересах общества и всех его членов»[1]. Этот тезис повторяется в различных вариантах во многих других статьях, а также в некоторых монографиях и популярной литературе[2].

---

[1] «Вопросы экономики», 1962, № 5, стр. 20.

[2] Так, по мнению академика А. М. Румянцева, экономические законы социализма действуют «как познанная ассоциированными производителями и потому сознательно, организованно применяемая обществом естественная необходимость» (*А. М. Румянцев.* О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., 1965, стр. 131). «Специфической особенностью экономических законов социализма... является то, что они действуют не стихийно, а как познанные» («Система экономических наук», стр. 18). «Экономические законы социализма — познанные законы.

Однако согласиться с данным положением нельзя, и прежде всего по той причине, что оно смешивает объективное с субъективным, действие объективных экономических законов с сознательной деятельностью людей, ставя характер законов, их действие в зависимость от их познания и использования людьми. Фактически лишь законы капитализма признаются сторонниками этой точки зрения вполне объективными законами, поскольку они действуют стихийно. Законы же при социализме, их действие ставятся в полную зависимость от их познания, точнее, от их научного познания людьми. Если тот или иной закон социализма научно познан, значит, он действует (и существует), если же те или иные законы еще не познаны (а таких законов немало), значит, они не действуют, а может быть, и вообще не существуют?

Однако экономические законы при социализме являются объективными законами, не зависящими от сознания, воли и желания людей. Будучи объективными законами, они коренным образом отличаются от экономических законов капитализма. Но эти отличия определяются не особенностями их познания и использования, а особенностями, природой способа производства.

Стихийный характер капиталистического хозяйства не исключает известной роли воли и активных действий людей, поскольку речь идет об осуществлении законов общественного развития. Утверждение о том, что люди при капитализме совершенно не знают экономических законов, вряд ли может быть принято всерьез. Вспомним хотя бы разработку трудовой теории стоимости классиками буржуазной политической экономии и оценку, данную К. Марксом трудам Смита, Рикардо, Кенэ и др. Да и каждый предприниматель в своей деятельности не может не считаться и не учитывать в той или иной степени, скажем, закона стоимости или закона прибавочной стоимости.

В условиях социализма открывается широкий простор для познания и использования экономических зако-

---

Они представляют собой осознанную и сознательно осуществляемую обществом объективную необходимость» («Период развернутого строительства коммунизма в СССР и использование экономических законов». Саратов, 1965, стр. 29).

нов в интересах всего общества. Но это не дает никаких оснований думать, что при социализме действуют только осознанные и научно познанные законы, а те, которые еще не познаны, не действуют. Сознательное использование законов развития общества при социализме не исключает того, что законы могут действовать и помимо воли и желания людей, если люди игнорируют их требования, не считаются с ними или еще не познали их. В этих случаях действие экономических законов может приводить к нежелательным результатам, к нарушению намеченных планов и понижению эффективности общественного производства. Так, нарушение требований экономического закона распределения предметов потребления по количеству и качеству труда в колхозах вело к тому, что колхозники, труд которых не вознаграждался должным образом, или уходили в промышленность и другие области экономики, или стремились возместить потери своего заработка путем развития подсобного хозяйства. Во всем этом явно сказывалось действие закона распределения по труду, правда, вовсе нежелательное и не предусмотренное в планах. В частности, оно сказывалось и в чрезмерном, не предусмотренном планом переливе населения из деревни в город. Точно так же нарушение правильных пропорций между отдельными отраслями промышленности, между производством и транспортом может приводить к перебоям в снабжении одних предприятий сырьем и материалами, а других — к затруднениям в отгрузке продукции, одним словом, к нарушениям нормальной деятельности единого хозяйственного механизма.

Некоторые экономисты, признавая слабость указанной позиции, выдвигают такую идею: если тот или иной закон в условиях социализма действует независимо от воли и сознания людей, то это значит, что он действует стихийно, не как закон социалистической экономики. Однако с этим нельзя согласиться. Тот же закон распределения по труду в случае его нарушения действует все-таки как закон социалистической плановой экономики, хотя результаты его действия не будут совпадать с нашими планами.

3. Законы-тенденции и законы абсолютные

Одним из распространенных приемов, ставящих под сомнение объективный характер экономических законов вообще, и при социализме в частности, является толкование всех законов в духе неустойчивых тенденций, которые под влиянием противодействующих тенденций, и прежде всего сознательной деятельности людей, могут не осуществляться и даже действовать в противоположном направлении. Данный прием усиленно использовался и используется как правыми, так и «левыми» ревизионистами в целях борьбы против марксизма-ленинизма. В качестве примера можно указать на выступления одного из теоретиков французских правых социалистов П. Рэмбера, английского реформиста Дж. Стрэчи, которые рассматривают не только всеобщий закон капиталистического накопления, но по существу и основной экономический закон капитализма как тенденцию, преодолеваемую в рамках капитализма под влиянием экономической борьбы рабочего класса.

Трактовка экономических законов лишь как законов-тенденций проникла и на страницы коммунистической печати, притом применительно к экономическим законам не только капитализма, но и социализма.

В советской экономической литературе эту точку зрения воспринял и защищал академик Е. Варга. В своей последней книге он писал: «Поскольку явления в природе происходят при одинаковых условиях (или их изменение можно установить), то и законы их совершенно однозначны.

Иным образом действуют экономические законы. Они действуют в постоянно меняющейся обстановке...

Это относится ко всем общественным наукам. *Законы общества являются поэтому тенденциями,* действие которых постоянно нарушается, видоизменяется, смягчается действием контртенденций. Между законом и тенденцией нет различия...» [1] «Догматики забывают важнейшую основу марксистской философии, заключающуюся в том, что *все* законы капитализма представляют

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964, стр. 11.

собой лишь тенденции, которым *всегда* сопутствуют противоположные тенденции» [1].

Примерно ту же аргументацию и почти в тех же выражениях повторяет А. М. Еремин применительно к экономическим законам коммунистической формации [2].

Приведенная аргументация слаба и неубедительна. Утверждение, что явления природы «происходят в одинаковой обстановке», а экономические законы «действуют в постоянно меняющейся обстановке», что (как добавляет А. М. Еремин) «любому такому закону... свойственны противоречия», вряд ли можно принимать всерьез. Хорошо известно, что и законы природы действуют в самой различной, в том числе меняющейся, обстановке, а противоречия свойственны как общественной жизни, так и явлениям природы. Изменение конкретных условий может вызвать видоизменение действия закона, но не может (в рамках данной формации) ликвидировать закон, свойственный всей формации в целом, или всегда и обязательно превращать его в закон-тенденции.

Учитывая слабость приведенной аргументации, другие сторонники той же трактовки всех законов как законов-тенденции прибегают к иному аргументу, а именно к ссылке на то, что законы развития общества (в том числе и экономические) суть законы общественных действий людей, одаренных сознанием и волей и преследующих определенные цели. Так, А. Колосов утверждает, что «сложность проявления объективных экономических законов обусловлена тем, что причиной их возникновения является *сознательная* деятельность», что эти законы «выражают не взаимодействие бессознательных сил, а отражают существенные устойчивые связи, возникающие в процессе сознательной деятельности» [3]. Люди ничего не делают без определенного умысла. Но так как людей различных социальных групп много, огромно количество обстоятельств, побуждающих к действию, а также способов, методов достижения разных целей, то все это «обусловливает приблизительный

---

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма, стр. 55.

[2] См. «Система экономических наук», стр. 63 и др.

[3] «Плановое хозяйство», 1967, № 9, стр. 86.

характер действия экономических законов». Люди сознательно ставят перед собой задачи, сознательно выбирают способы их решения. «Именно поэтому экономические законы суть законы-тенденции...» [1]

Рассмотрим эту аргументацию.

Прежде всего нельзя согласиться с автором, считающим причиной возникновения экономических законов сознательную деятельность, сознание. Данное положение находится в противоречии с марксистским пониманием соотношения бытия и сознания, базиса и надстройки. Не сознание и сознательная деятельность есть причина возникновения экономических законов, а хозяйственная деятельность людей и законы ее развития суть причина развития сознания и сознательной деятельности людей. Не сознание определяет бытие, в том числе объективные законы экономического развития, а, наоборот, бытие, экономические законы развития общества определяют сознание.

Количество людей на земле, а следовательно, количество индивидуальных целей, действий, стимулов, способов достижения целей действительно очень велико. Но все эти цели, действия и особенности сознания людей определяются вполне объективными условиями — уровнем развития производительных сил, характером и уровнем развития производственных отношений, принадлежностью людей к определенным классам и социальным группам. Поэтому причину и характер действий людей нужно искать не в их индивидуальных особенностях, не в особенностях их сознания и их желаний, а в объективных экономических условиях их деятельности. Разнообразие целей и способов их достижения, разнообразие побуждений к деятельности людей не следует абсолютизировать, поскольку, будучи объективно обусловлены, они образуют целостные совокупности, движение которых регулируется определенными законами. Множественность действующих сил имеет место не только в обществе, но и в природе. Она никогда не была препятствием для установления объективных закономерных связей. Более того, именно из наличия и действия огромного количества перекрещивающихся общественных сил, бесконечной группы параллелограммов сил, в результате

[1] «Плановое хозяйство», 1967, № 9, стр. 87.

действия которых получается историческое событие, Ф. Энгельс делает вывод: «Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и безвольно» [1].

Если явные субъективисты выдвигают сознание, сознательную деятельность людей как аргумент против объективного характера законов общественного развития, то некоторые авторы используют тот же аргумент в защиту трактовки всех законов как законов-тенденции. Родство аргументации в конце концов обнаруживает и родство конечных выводов, а именно: в зависимости от сознания, желания, деятельности людей изменяются и действие закона, его характер (а, может быть, сходит на нет и сам закон).

Конечно, все законы общественного развития, в том числе и экономические, суть законы общественных действий людей, одаренных сознанием, волей и преследующих определенные цели. Экономические законы капитализма осуществляются в процессе борьбы классов и социальных групп, в борьбе частных собственников на рынке. Но это вовсе не значит, что все экономические законы представляют собой лишь тенденции, которым всегда сопутствуют противоположные тенденции, и, наоборот, что все и всякие тенденции являются законами. Есть такие тенденции, которые никак нельзя назвать законами, и есть такие законы, которые нельзя рассматривать как постоянно нарушаемые тенденции. К. Маркс не ставит знака равенства между законом и тенденцией.

Тот факт, что экономические законы осуществляются как законы общественных действий людей, вовсе не значит, что все эти законы равнозначны, одного порядка — порядка тенденций. Отмечая особенности экономических законов как законов общественного развития, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем отмечают существенные различия между ними. В частности, одни из экономических законов они действительно характеризуют как законы-тенденции, а другие — как законы абсолютные. К абсолютным законам К. Маркс относит закон прибавочной стоимости, всеобщий закон капиталистического накопления, закон конкуренции и анархии производства и не-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 395—396.

которые другие. К законам-тенденции К. Маркс относит закон тенденции нормы прибыли к понижению, тенденцию нормы прибавочной стоимости к повышению, тенденцию среднего уровня заработной платы к понижению, действие закона роста производительности труда при капитализме и др. Действие этих законов связано с наличием факторов, противодействующих основной тенденции, в результате чего действие ее ослабляется. Объясняя, почему падение нормы прибыли не было более быстрым и значительным, К. Маркс писал: «Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению» [1]. К. Маркс совершенно ясно указывает здесь, почему именно данный закон он называет законом-тенденции, и дает понять наличие законов иного порядка, действие которых не может ослабляться, а тем более парализоваться противодействующими факторами.

На самом деле, можно ли сказать, что закон прибавочной стоимости, закон эксплуатации наемного труда капиталом, выражающий существо и основные устои капитализма, хотя бы на время парализуется, или что он «постоянно нарушается» какими-то противодействующими факторами или «контртенденциями»? Если бы это было так, тогда или капитализм на время переставал бы быть капитализмом, или капиталистическое производство просто приостанавливалось и делалось бы невозможным. О какой противодействующей силе или «контртенденции» в данном случае могла бы идти речь? Очевидно, о рабочем классе и его борьбе против капитала. Но если речь идет не о революции, а об экономической борьбе в рамках капитализма, то данный фактор может лишь повлиять на действие тенденции заработной платы к понижению (а нормы прибавочной стоимости к повышению), но не может парализовать сам принцип эксплуатации, на котором покоится капитализм. Поэтому К. Маркс и называет данный закон (равно как и некоторые другие) абсолютным законом в отличие от законов-тенденции.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 254.

Деление законов на абсолютные и законы-тенденции свойственно и социалистической экономике. И при социализме такие законы, как основной экономический закон, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, являются законами абсолютными, а некоторые другие — законами-тенденции. Это различие имеет большое значение при учете характера действия законов.

Чем же в основе своей объясняется различие между абсолютными законами и законами-тенденции? Экономические законы, будучи законами развития производственных отношений, отражают качественную и количественную стороны экономических процессов. Законы-тенденции суть законы, отражающие по преимуществу количественную сторону, количественную динамику явлений в рамках данной качественной определенности, в то время как абсолютные законы — это законы, отражающие прежде всего качественную сторону, тот или иной тип производственных отношений. Различные противодействующие обстоятельства, например экономическая борьба рабочего класса при капитализме или борьба империалистических сил против стран социализма на мировом рынке, могут воздействовать на количественную сторону экономических процессов, но не могут нарушить и изменять качественную характеристику данного строя. Так, К. Маркс, определив основной экономический закон капитализма как абсолютный, вместе с тем рассматривает движение нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли как законы-тенденции.

И всюду, где К. Маркс высказывает мнение о том, что экономические законы осуществляются лишь как тенденция, как средняя арифметическая постоянных колебаний и т. д., он имеет в виду именно эту количественную сторону явлений, и его замечания относятся преимущественно к количественной стороне стоимости, прибавочной стоимости, прибыли, заработной платы и т. п. Вполне понятно, что, характеризуя все законы как законы-тенденции, сторонники этой точки зрения не могут привести в подтверждение ее ничего иного, кроме той аргументации, которую использует К. Маркс для обоснования тенденции нормы прибыли к понижению.

Но и законы-тенденции нельзя трактовать как бездействующие законы или такие, которые можно повер-

нуть в любую сторону. Противодействующие факторы, указывал К. Маркс при рассмотрении тенденции нормы прибыли к понижению, «не уничтожают закона, но ослабляют его действие. Без учета этого было бы непонятным не понижение общей нормы прибыли, а, наоборот, относительная медленность такого понижения»[1].

Трактовка всех экономических законов как законов-тенденции, а последних — в духе тенденций, которые могут и отменяться и действовать в противоположном направлении, не столь невинна, как это может показаться на первый взгляд. Из этой трактовки законов следуют определенные выводы для политики. Применительно к условиям капитализма она используется для обоснования тезиса, будто экономические законы можно преодолевать в рамках этого строя путем экономической борьбы рабочего класса или при помощи определенных мероприятий буржуазного государства, удерживая рабочий класс от политической борьбы за свержение господства капитала. При социализме эта установка может использоваться для оправдания субъективизма и волюнтаризма в руководстве хозяйством.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 261—262.

Глава девятая

ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

1. О правомерности категории «основной экономический закон формации»

Поскольку производственные отношения в рамках формации образуют определенную систему, постольку можно говорить и о системе выражающих эти отношения экономических законов. Все экономические законы находятся в определенной связи и взаимодействии, занимая каждый свое место в системе. Рассмотрим отдельные законы и группы их под углом зрения места, занимаемого ими в системе законов.

Центральное место в системе экономических законов занимает основной экономический закон формации, выражающий сущность, природу строя, его основное производственное отношение. Этим определяется значение как формулировки, так и раскрытия содержания основного экономического закона коммунистической формации.

В дискуссии, развернувшейся после выхода в свет в 1954 г. первого издания учебника политической экономии, выявились различные точки зрения не только на содержание и формулировку основного экономического закона коммунистической формации, но и на правомерность самой этой важной категории политической экономии. Некоторые экономисты решительно выступили против идеи основного экономического закона формации. Так, возражая против этой идеи, Л. А. Леонтьев в одной из своих статей писал: «При этом законы наделяются чертами живых существ, чертами, характерными для человека. Производится как бы персонификация законов... Одни законы ставят перед другими «цель». Одни законы занимают руководящее, господствующее положение,

другие — подчиненное»[1]. В другой своей статье тот же автор категорически отвергал категорию основного экономического закона (и следовательно, основного отношения) на том основании, что «у наших великих учителей — Маркса, Энгельса и Ленина нет ничего похожего на основной экономический закон в смысле закона, определяющего все стороны данного способа производства, выражающего все его существо»[2].

Близкую к этой позицию занял Е. С. Варга, который считал, что К. Маркс «не выделяет «основной закон» как закон, имеющий особое значение, отличное от других законов. Наряду с этим он употребляет выражение «абсолютный закон». Но он никогда не пытался законы капитализма обобщить в одном законе. То же можно сказать и про В. И. Ленина»[3]. Автор высказал решительное несогласие с определением основного экономического закона капитализма как закона производства прибавочной стоимости. Он утверждал, что К. Маркс «называет производство прибавочной стоимости абсолютным законом капитализма. Но не основным. Ведь прибавочная стоимость не только производится, а и присваивается, *присваивается буржуазией.* Этот процесс так же очень важен, как и производство прибавочной стоимости»[4].

К этой точке зрения присоединился и В. А. Чепраков. В рецензии на указанную книгу Е. Варги он писал: «...существует ли вообще основной закон капиталистической, классово-антагонистической формации? Мы присоединяемся к этому недоуменному вопросу читателя. И с тем большим правом, что сам Е. Варга очень настойчиво предупреждает нас от универсализации основного закона капитализма, ограничивая его значение лишь «дидактической» полезностью»[5].

Итак, основные возражения против идеи основного экономического закона можно свести к следующим: а) не может быть закона, занимающего особое господству-

---

[1] «Экономическая газета», 1961, № 8, стр. 3.
[2] «Экономическая газета», 1961, № 16, стр. 9.
[3] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма, стр. 24.
[4] Там же, стр. 28—29.
[5] «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 5, стр. 145.

ющее положение среди других законов, все законы равнозначны; б) нельзя все законы «обобщить в одном законе»; в) у классиков марксизма-ленинизма «нет ничего похожего на основной экономический закон, в смысле закона, определяющего все стороны данного способа производства, выражающего все его существо». Разберемся в этих возражениях.

Если, как мы уже видели, производственные отношения не однозначны по их месту в системе и представляют субординированную систему отношений, в центре которой находится основное отношение формации, то все это означает, что и экономические законы представляют собой субординированную систему, в центре которой находится основной закон как закон развития основного производственного отношения. Стало быть, основной закон действительно занимает особое, так сказать, «господствующее» положение в системе законов и это полностью соответствует взглядам и методу классиков марксизма-ленинизма.

Это особое положение основного закона заключается вовсе не в том, что он «обобщает» все другие законы и включает в себя их черты, а в том, что, выражая природу, существо строя, он накладывает свою печать «на все главные стороны и главные процессы данного способа производства». И это полностью соответствует действительности и прямым указаниям К. Маркса и Ф. Энгельса. Сошлемся хотя бы на известное положение К. Маркса о том, что производство прибавочной стоимости «определяет... весь общественный и технический строй капиталистического процесса производства» [1].

Л. А. Леонтьев в развитие своей позиции задает следующий вопрос: можно ли доказать, что закон прибавочной стоимости накладывает свою печать и на товарное производство, являющееся одной из существенных черт капитализма? Конечно, можно и нужно, особенно имея в виду попытки некоторых теоретиков протащить в экономику социализма механизм товарного производства капиталистического образца с его анархией, бесплановостью, конкуренцией, эксплуатацией слабого сильным и т. д. Товарное производство, как это подчеркивал К. Маркс, имеет место в различных формациях, но ха-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 433.

рактер его меняется в зависимости от природы этих формаций.

Е. Варга пишет: *«Противоречит марксизму любая попытка вывести из какого-либо основного закона другие, менее общие законы...»*[1] «Выводить» из одного закона другие действительно не следует, законы следует выводить из анализа производственных отношений. К. Маркс указывает и показывает на примере анализа капиталистической экономики, что одни производственные отношения могут явиться почвой, на которой в процессе развития вырастают другие, производные от первых отношения. Например, отношения капиталистической эксплуатации вырастают на почве товарного производства, в свою очередь отношение эксплуатации наемного труда капиталом явилось основой, на которой развились отношения между капиталистами по разделу прибавочной стоимости и т. д. Следовательно, между производственными отношениями (и выражающими их законами) существует генетическая связь, и эту связь мы не можем игнорировать, если хотим понять экономические законы в их системе и характер их действия. Поскольку основное производственное отношение и основной экономический закон занимают центральное место в системе отношений и законов, постольку без связи с ними нельзя понять ни характера действия, ни места в системе всех других отношений и законов.

Утверждение о том, что классикам марксизма-ленинизма якобы была чужда идея основного экономического закона формации и что у них «нет ничего похожего на основной экономический закон», основано на явном недоразумении и не может приниматься всерьез. Независимо от того, употребляли ли классики марксизма-ленинизма термин «основной закон», весь ход их анализа капиталистической экономики ясно раскрывает основное, решающее звено в системе экономических законов капитализма — закон прибавочной стоимости. Е. Варга отказывается признать производство прибавочной стоимости основным экономическим законом капитализма на том основании, что прибавочная стоимость не только производится, но и присваивается капитали-

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма, стр. 25.

стами, а также потому, что К. Маркс называл этот закон абсолютным. Но — и это является азбучной истиной — термин «прибавочная стоимость» как раз и означает ту часть стоимости сверх необходимого продукта, которая присваивается капиталистом. Формулируя закон, К. Маркс пишет: «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства» [1].

Характеристика закона как абсолютного не исключает *особого положения* закона в системе как закона *основного*. Эту сторону К. Маркс и Ф. Энгельс обычно отмечали термином не «основной», а сходным по смыслу — «закон движения формации». В предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс указывает, что открытие экономического закона движения современного общества является целью его сочинения [2]. Какой же именно закон разумели классики марксизма под законом движения капиталистического общества? На этот вопрос они дают ясный и недвусмысленный ответ. Так, Ф. Энгельс указывал: «Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. *С открытием прибавочной стоимости* в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках» [3]. Совершенно ясно, что под законом движения формации К. Маркс и Ф. Энгельс разумели именно закон прибавочной стоимости, выражающий развитие основного производственного отношения капитализма — отношения эксплуатации наемного труда капиталом.

В развернувшейся дискуссии встал также вопрос о том, является ли основной экономический закон законом всей формации, или каждая стадия, фаза формации имеет свой особый основной закон. Поводом для этой дискуссии послужила выдвинутая И. В. Сталиным формулировка «основного экономического закона современного капитализма». В результате обсуждения этого вопроса большинство экономистов, исходя из марксистской

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 632.
[2] См. там же, стр. 10.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 351 (курсив мой. — *И. К.*)

методологии, пришло к выводу о том, что основной экономический закон есть специфический закон формации в целом, при этом сам закон в зависимости от уровня развития формации, степени зрелости производственных отношений может развиваться и видоизменяться на различных фазах и что нет никаких оснований для конструирования основных законов для разных фаз и стадий развития формации. Из этого положения логически следуют два вывода. Первый вывод: правильнее и научно более точно употреблять термин «основной экономический закон коммунистической формации» (а не социализма). Второй вывод: неправомерны попытки некоторых экономистов конструировать основной экономический закон с упором на специфические черты социализма, т. е. фактически формулировать основной закон первой фазы.

2. Расширительная трактовка содержания закона

Категория основного экономического закона формации, несмотря на возражения ряда экономистов, в настоящее время прочно вошла в экономическую литературу. Вместе с тем разгорелась и до сих пор продолжается дискуссия по вопросу о содержании, а также о формулировке основного экономического закона коммунистической формации. Повод для этой дискуссии дала попытка сформулировать закон, сделанная И. В. Сталиным, который писал: «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [1].

Однако эта формулировка основного экономического закона, как мы уже указывали [2], имеет ряд слабых и

[1] *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 40.

[2] См., например, «Вопросы политической экономии социализма» (дискуссия). М., 1961, стр. 7 и др.

уязвимых мест. Во-первых, она громоздка, включает ряд моментов, прямо не относящихся к основному закону и имеющих самостоятельный характер (непрерывный рост производства, высшая техника). Во-вторых, в ней на первое место выдвигается удовлетворение потребностей (притом — максимальное), а не производство. В-третьих, удовлетворение потребностей и развитие производства даются безотносительно к основному производственному отношению, выражением которого является закон. Указанные слабые места в формулировке явились исходным пунктом для дискуссии и дифференциации точек зрения на содержание и формулировку основного экономического закона.

В ходе дискуссии наметились три основные позиции по данному вопросу: а) расширительная трактовка содержания закона как описания различных черт способа производства; б) трактовка, сводящая содержание закона к цели производства, понимаемой в духе удовлетворения потребностей; в) трактовка закона как закона развития основного производственного отношения формации.

Рассмотрим эти позиции.

Представители первой позиции, отталкиваясь от указанной выше формулы, абсолютизируют и расширяют ту ее часть, которая содержит перечисление ряда моментов, непосредственно не относящихся к данному закону. Так, Е. Варга, который не раз повторял, что «никакой основной экономический закон не в состоянии охватить все процессы и явления данного способа производства... не может содержать все и даже все важные законы»[1], и который, как уже указывалось, поставил под вопрос правомерность самой категории основного экономического закона формации, вместе с тем в пылу полемики, в полном противоречии с приведенными заявлениями выдвинул новую формулировку основного экономического закона капитализма, рассчитанную на то, чтобы охватить все процессы и все важные законы капитализма. Вот эта формулировка: *«Капитал, присваивая себе произведенную рабочими прибавочную стоимость, путем накопления и централизации концентрирует и обобществля-*

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма, стр. 25.

ет производство, создает материальные предпосылки социализма, все больше обостряет противоречие между общественным характером производства и частным присвоением, которое (противоречие) только на мгновение разрешается периодическими кризисами перепроизводства, делает власть капитала все более невыносимой для трудящихся всего мира и приводит капитализм к его неизбежной гибели путем пролетарской революции» [1].

С какой бы стороны мы ни подходили к этой формулировке, ее никак нельзя назвать формулой основного экономического закона капитализма. В лучшем случае это распространенная характеристика основных тенденций развития капиталистического строя. Однако и ее следовало бы улучшить, если подойти с научной строгостью. Но дело не в частностях. Главный вопрос, возникающий при ознакомлении с приведенной формулировкой, заключается в следующем: зачем понадобилось подвергать пересмотру краткую, выразительную, научно строгую формулу К. Маркса и заменять ее «новой», расплывчатой формулой?

По пути распространенного перечисления различных черт строя пошли и некоторые экономисты при определении формулы основного экономического закона коммунистической формации. В качестве примера можно привести формулировку, предложенную в свое время академиком А. М. Румянцевым [2].

Автор пытался тогда в формулировке основного экономического закона при социализме перечислить все существенные черты и стороны социалистической экономики. Он включил в нее и производительность труда, и накопление, и планомерное развитие производства. Однако формула основного экономического закона должна отражать сущность способа производства не путем перечисления всех его главных черт (это невозможно и не нужно), а путем четкого выражения самой главной черты, т. е. главного, основного производственного отношения данного строя.

---

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма, стр. 29.

[2] См. *А. М. Румянцев.* Основной экономический закон социализма. М., 1960, стр. 31. Наш разбор этой формулировки см. в сборнике «Вопросы политической экономии социализма». М. 1961, стр. 10—11.

В своих последующих публикациях автор несколько видоизменил формулу. Новая формулировка гласит: *«Если в обществе господствует общественная собственность на современные средства производства, то это господство с естественной необходимостью подчиняет общественное производство и распределение нужных людям материальных и духовных благ обеспечению полного благосостояния всех членов общества и свободного всестороннего развития личности каждого* (то есть обеспечению полного удовлетворения их постоянно растущих потребностей в средствах производства, в средствах существования и средствах культуры, что объективно необходимо самому общественному производству). *Это и является естественным основным стимулом развития совместного труда и активного участия в нем каждого члена общества, стимулом непрерывного расширения и научно-технического совершенствования социалистического общественного производства в целом»* [1].

Таким образом, автор снял упоминание о планомерности, производительности труда и накоплении богатства, но зато вставил общественную собственность, активное участие в труде каждого члена общества и т. п., в результате чего формулировка в целом отнюдь не улучшилась и не потеряла характера перечисления различных черт экономики социализма. Но и как таковая формулировка не безупречна. В ней, как и в предыдущей, но более распространенно, говорится о цели производства, а также о средствах ее достижения в виде участия членов общества в труде и научно-технического совершенствования производства. Однако она не указывает, каким образом люди соединяются в процессе труда, в какие отношения друг с другом они вступают. Кроме того, в ней есть неясные и не совсем точные выражения. Например, возникает вопрос: можно ли в условиях социализма говорить о *полном* удовлетворении постоянно растущих потребностей членов общества в средствах производства, средствах существования и средствах культуры? Аргументация, приводимая в защиту данного тезиса, не убедительна. На первой фазе коммунизма уровень развития производительных сил

[1] «Вопросы экономики», 1968, № 10, стр. 8.

еще недостаточен для распределения по потребностям. Кроме того, наличие империалистического лагеря определяет необходимость выделения известной части национального дохода на нужды обороны.

Поэтому некоторые авторы в своих формулировках избегают употребления таких терминов, как «полное» или «максимальное» удовлетворение потребностей. В качестве примера можно привести формулировку основного экономического закона, которую выдвигает В. С. Дадаян: «Максимально возможное в данных социальных и внешнеполитических условиях удовлетворение интегральных вещественных и духовных интересов всех членов общества путем реализации коренных преимуществ социалистической системы хозяйства на основе планомерного повышения эффективности общественного производства и целенаправленного материального стимулирования заинтересованности производителей в непосредственных результатах своего труда» [1].

Автор не только заменил слово «полное» словами «максимально возможное», но и пытался отметить, правда не в очень ясной форме, значение существующих «социальных и внешнеполитических условий». В то же время формулировка В. С. Дадаяна составлена по тому же методу перечисления многообразных сторон социалистической экономики.

В духе той же трактовки дается формулировка основного экономического закона социализма и в учебном пособии по политической экономии для университетов марксизма-ленинизма и других звеньев партийного просвещения. «*...Основной экономический закон социалистического общества,* — пишут авторы, — *выражает объективную необходимость участия всех членов общества в коллективном, все более производительном, общественно полезном труде, обеспечивающем подлинное увеличение социалистического богатства в интересах роста благосостояния и всестороннего развития всех членов общества*» [2].

Данная формулировка имеет некоторые достоинства по сравнению с приведенными выше: она короче и в ней

[1] *В. С. Дадаян.* Экономические законы социализма и оптимальные решения. М., 1970, стр. 10.

[2] «Политическая экономия. Социализм — первая фаза коммунистического способа производства». Изд-во «Мысль», 1968, стр. 58.

сделан некоторый намек на характер труда при социализме. Вместе с тем она составлена по тому же методу описания и перечисления различных черт социализма, что и другие формулировки того же типа.

3. Цель производства, ее трактовка и место в формулировке основного экономического закона

Оживленная дискуссия развернулась вокруг вопроса о цели производства. Некоторые экономисты, объявив цель производства категорией сознания, выступили против включения ее в закон, а отдельные из них даже утверждали, будто эта категория была чужда классикам марксизма-ленинизма. Н. Ширяев, выступивший одним из первых в этой дискуссии, писал, что «понятие цели, какими бы эпитетами и толкованиями его не сопровождать, остается категорией сознания», а «цель, как момент сознания, очевидно, не может являться основополагающим фактором объективного закона» и что идея включения цели в закон «принадлежит социально-органической школе политэкономии, которая исходит из философии Канта»[1]. Эту мысль развивали и другие экономисты[2].

---

[1] «Экономические науки». Научные доклады высшей школы, 1958, № 3, стр. 60—62.

[2] Например, Я. А. Кронрод утверждает, что конструкция основного закона как единства цели и средства с точки зрения методологии марксистской политической экономии лишена оснований и, более того, «в рамках буржуазной политической экономии она представляет собой телеологическую концепцию хозяйства, предполагающую противопоставление внешней цели как некоей самостоятельной, независимой от производства сущности самому производству как некоей другой сущности, подчиненной этой внешней цели» (*Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 345). Однако в той же книге пятью страницами ранее автор пишет: «Экономический закон движения, или основной экономический закон, обусловливает ту специфически историческую объективную цель, которой подчинено развитие производства.

Содержание основного экономического закона социализма... обусловливает... объективную цель социалистического производства... все более полное удовлетворение потребностей народа за счет непосредственно общественно производимого совокупного общественного продукта» (стр. 341).

Однако подавляющая часть экономистов не могла согласиться с этой позицией. Категория цели производства не только не чужда, а, наоборот, была открыта, обоснована и использована классиками марксизма-ленинизма. К. Маркс в «Капитале», указывая, что «производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства»[1], в то же время поясняет, что это не просто сознательная цель отдельного предпринимателя, а «действие общественного механизма, в котором он является только одним из его колесиков». Развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому капиталисту законы капитализма как внешние принудительные законы. Она заставляет капиталиста постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления[2].

Если цель производства носит объективный характер, она может и должна, как это показал К. Маркс, найти свое место в формуле основного экономического закона.

Характеризуя цель производства, К. Маркс называет ее «определяющей целью», «движущим мотивом», «специфическим содержанием» данного способа производства[3]. Цель производства в этой трактовке есть отражение сущности строя, основного отношения людей по производству. Производство прибавочной стоимости, как определяющая цель капиталистического производства, есть прямое выражение основного производственного отношения капитализма — отношения эксплуатации наемного труда капиталом. При разъяснении формулы основного экономического закона капитализма К. Маркс не избегает не только цели производства, но и того, что некоторые экономисты назвали бы «средством» ее достижения. К. Маркс пишет: «Прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капитали-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 240; см. также стр. 607, 608.

[2] См. там же, стр. 606.

[3] «...Производство прибавочной стоимости... составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 306).

стического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно бóльшая эксплуатация рабочей силы капиталистом»[1].

Итак, в этой формуле налицо и цель и «средство», но это средство — эксплуатация рабочей силы капиталом — органически слито с целью и в единстве с ней образует то, что мы называем сущностью, природой капитализма, или, иначе, основным производственным отношением капитализма.

Недостаток сталинской, как и многих других, формул основного экономического закона коммунистической формации заключается вовсе не в том, что они построены по схеме «цель — средство», а в том, что названная в них цель производства не выражает с научной точностью и полнотой содержания и движущего мотива производства. Последующие попытки улучшения этой формулы не выходили за ее пределы и ограничивались преимущественно заменой отдельных слов или сводились к детализации и расширению ее без изменения основы.

Между тем классики марксизма-ленинизма не только подчеркивали наличие при социализме общей для всех производителей, единой цели производства, но и раскрывали ее характер. Так, Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что в будущем обществе производство будет подчинено задаче «обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере»[2]. Удовлетворение потребностей, какими бы эпитетами мы ни сопровождали эти слова, само по себе не может выражать специфического содержания какой-либо формации, поскольку это — вечное условие существования людей. В конечном счете производство во всяком обществе имеет своей целью удовлетворение потребностей людей. В. И. Ленин при обсуждении проекта Программы партии отверг плехановское определение социалистического производства, гласящее: «...планомерная организация общественного производительного процесса

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 342.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 154.

для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов»[1]. В. И. Ленин с полным основанием отмечал, что «этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут», ибо и тресты при капитализме производят продукцию для удовлетворения нужд общества в целом и отдельных его членов. Поэтому в Программу партии В. И. Ленин включает иную формулировку, гласящую, что социализм вводит «планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества»[2].

Напомним также, что попытка Бухарина определить «производство при господстве пролетариата» как «производство для покрытия общественных потребностей» также встретила возражения со стороны В. И. Ленина, который написал: «Не вышло. Прибыль тоже удовлетворяет «общ[ест]в[енные]» потребности»[3]. Таким образом, В. И. Ленин выступил против определения цели социалистического производства как удовлетворения потребностей или нужд всего общества и отдельных его членов и дал более специфическую и емкую формулу, а именно *обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества.*

Однако формула цели производства как удовлетворения потребностей прочно вошла в литературу. Восприняв эту формулу, многие экономисты в стремлении улучшить и облегчить сталинскую формулировку закона пошли по пути изъятия из нее вопросов производства, в результате чего свели основной экономический закон социализма лишь к цели производства. Так, Л. А. Леонтьев в своем «Начальном курсе политической экономии» писал: «При социализме непосредственной и высшей целью производства, его могучей двигательной силой является неуклонное удовлетворение потребностей всего общества, притом потребностей, постоянно растущих. В советской экономической литературе эта закономерность получила название основного экономического закона социализма»[4]. Автор действительно сократил фор-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 149.
[3] Ленинский сборник XI, стр. 381—382.
[4] *Л. А. Леонтьев.* Начальный курс политической экономии. М., 1960, стр. 273.

мулировку, но ценой полного изъятия из нее всей второй части, трактующей так или иначе вопросы производства. В результате этой операции основной экономический закон социализма был сведен автором к характеристике цели производства в плане удовлетворения потребностей.

Фактически ту же позицию заняли и авторы университетского «Курса политической экономии», которые провозгласили: «Полное благосостояние и всестороннее развитие всех членов общества — основной экономический закон» [1]. Некоторые авторы идут в том же направлении до сих пор, сводя все содержание закона фактически лишь к цели производства, трактуемой в плане удовлетворения потребностей [2].

В ряде работ вопросы производства не выбрасываются из формулировки закона, но основной упор, однако, делается на удовлетворении потребностей.

Во всех этих случаях налицо трактовка основного экономического закона как закона потребления, а не производства.

4. Значение правильной трактовки основного производственного отношения формации

Итак, основной экономический закон коммунистической формации не может быть более или менее распространенным описанием ее черт, он не может быть также сведен к цели производства, понимаемой в плане удовлетворения потребностей. Это не закон потребления, а основной закон производства, выражающий сущность этого производства, другими словами — это закон развития основного производственного отношения формации. Эта мысль получает сейчас все большее признание. Но для того чтобы содержание закона правильно отражалось в его формуле, необходимо правильное понимание существа основного производственного отношения. Неправильное понимание основного производственного

---

[1] «Курс политической экономии». Под ред. Н. А. Цаголова, т. II — «Социализм», стр. 133.

[2] См., например, «Политическая экономия социализма». Учебное пособие. Изд-во «Экономика», 1969, стр. 104—108.

отношения ведет к неправильной трактовке содержания закона.

Правильно считая, что основной экономический закон есть выражение и закон развития основного производственного отношения, Я. А. Кронрод, однако, потерпел явную неудачу, когда он попытался, исходя из своей концепции основного отношения, сконструировать основной экономический закон социализма как *«закон необходимости осуществления и господства на основе всенародной общественной собственности на средства производства непосредственно общественного производства и присвоения совокупного продукта общества (при социально-экономических различиях между участниками этих процессов)»* [1].

Как видим, в приведенной формуле не осталось даже намека ни на цель производства, ни на средство ее достижения.

О чем же говорит приведенная формула? О том, что производство при социализме ведется на основе общенародной собственности на средства производства и как таковое имеет непосредственно общественный характер. Но, во-первых, это не совсем точно, ибо существенная часть производства в сельском хозяйстве ведется на основе колхозно-кооперативной собственности и некоторая часть — на основе индивидуального труда (подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих). Во-вторых, формула закона ничего не говорит о том, в каких связях и отношениях находятся люди в процессе производства и какие выводы из нее вытекают для его работников. Сам же факт, что при социализме господствует всенародная собственность и производство в государственном секторе носит непосредственно общественный характер, общеизвестен. Поэтому мы и взяли на себя в свое время смелость заметить, что подобного рода формула мало что дает [2].

Но это, как оказалось, не только наше мнение. Известный ученый А. И. Ноткин, приведя цитированную выше формулу, заключает: «В этом определении утвер-

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 339.

[2] См. «Развитие экономической теории в свете решений XXII съезда КПСС». М., 1962, стр. 232.

ждается, что труд и присвоение его продукта на основе всенародной собственности на средства производства являются непосредственно общественными. И эта почти тавтология рассматривается как основной закон, он же закон движения. Но он не движет ни науку, ни практику» [1].

Вполне соглашаясь с А. И. Ноткиным, еще раз повторим, что формула закона, как она дается Я. А. Кронродом, лишний раз убеждает в слабости его концепции основного производственного отношения при социализме. В этой формуле, по меткому выражению А. И. Ноткина, есть «привесок», заключенный в скобки «(при социально-экономических различиях между участниками этих процессов)», которому автор придает исключительное значение. А. И. Ноткин об этом «привеске» пишет следующее: «Правда, могут возразить, что источник движения заключен в «привеске» к закону, помещенному в скобках. Но тогда и самый закон надо было формулировать как закон преодоления социально-экономических различий, тесно связанного со строительством материальной базы коммунизма, хотя и здесь отсутствовало бы указание на специфическую для социализма взаимосвязь в этом движении производства и потребления и ее выражение через определенную вещную категорию, которая может быть количественно измерена» [2].

А. И. Ноткин правильно подметил, что, во-первых, если источник движения и суть закона заключены в «привеске», то закон надо бы формулировать иначе и это был бы уже не основной экономический закон формации в марксистском понимании, и, во-вторых, основной экономический закон, как показал К. Маркс, дол-

---

[1] «Теория и практика хозяйственной реформы». М., 1967, стр. 49. Попробуем, исходя из метода Я. А. Кронрода, сформулировать основной экономический закон капитализма. В этом случае формула закона должна была бы выглядеть примерно так: «Закон необходимости осуществления и господства на основе частной собственности на средства производства опосредованно общественного производства и присвоения совокупного продукта общества (при социально-экономических различиях между участниками этих процессов)». Как видим, данная формула получилась далекой от формулы Маркса, и даже в том случае, если бы мы вставили для характеристики различий слово «коренных», мы все же были бы очень далеки от понимания сущности капиталистического производства.

[2] «Теория и практика хозяйственной реформы», стр. 49.

жен иметь и свое вещное выражение через определенную вещную категорию, чего формула Я. А. Кронрода не дает и дать не может.

На какой же закон намекает автор в «привеске» к формуле? Чтобы выяснить это, вспомним основную методологическую установку автора, который рассматривает каждый закон как закон противоречия и борьбы. В соответствии с этой установкой и своей концепцией основного производственного отношения автор и в формулу основного экономического закона при социализме включил противоречие между равенством членов общества по владению общенародными средствами производства и их социально-экономическим неравенством по использованию этих средств производства. Сформулированное, таким образом, «основное противоречие социализма» дает повод для различных его толкований. Его можно толковать и так, что отдельные предприятия при социализме, обладая разной техникой, поставлены в неравные условия деятельности, выпускают продукцию различной трудоемкости и качества и единственным способом разрешения «противоречий» между коллективами есть борьба на рынке за больший доход, конкуренция. В таком случае суть основного экономического закона при социализме будет сведена к закону конкуренции, закону стоимости или к закону прибыли.

Однако автор, и это делает ему честь, не согласен с подобным толкованием сути закона, он пошел по иному пути. В брошюре «Экономические законы и хозяйственная практика», выпущенной несколько позднее книги, пытаясь изложить закон более понятным языком, автор пишет, что основной экономический закон — это «закон необходимости ведения непосредственно общественного производства и присвоения общественного продукта на основе общественной собственности на средства производства, в силу чего непосредственной целью общественного производства в условиях социализма является возможно более полное удовлетворение потребностей всего общества и каждого его члена (в соответствии с его трудовым вкладом в общественное производство)» [1].

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Экономические законы и хозяйственная практика. М., 1966, стр. 5—6.

Автор внес два основных изменения в формулировку закона: во-первых, он ввел в нее цель производства; во-вторых, и это еще существеннее, дал такое толкование «привеска», которое сводится в конечном счете к распределению по труду.

Таким образом, если источник движения, основное противоречие и суть закона обозначены в «привеске», тогда и сам закон, хочет автор или нет, сводится в лучшем случае к распределению по труду.

Некоторые сторонники этой концепции, обладающие бóльшим стремлением к логике, так и формулируют основной экономический закон. *«Иначе говоря,* — пишет Г. Т. Ковалевский, — *основным принципом или законом, на основе которого происходит соединение средств производства и непосредственных производителей, является принцип: «от каждого по способностям, каждому по труду». Этот основной принцип социализма и есть его основной экономический закон»*[1]. Г. Т. Ковалевский отбросил излишества и украшения формулы и оставил то, что в лучшем случае можно рассматривать как ее суть, а именно распределение по труду.

Но закон распределения по труду, будучи специфическим законом первой фазы коммунизма, не может рассматриваться как основной экономический закон, который является законом развития производства всей коммунистической формации в целом. Неудача Я. А. Кронрода и его последователей в формулировании основного экономического закона не случайна. Она логический результат его концепции основного производственного отношения при социализме.

---

[1] «Категории и законы распределительных отношений социализма», стр. 16.

[2] Авторы сборника «Актуальные экономические проблемы коммунистического строительства» (Минск, 1967) по поводу позиции Г. Т. Ковалевского замечают: «Нельзя согласиться с утверждением, что распределение по труду выражает сущность основного производственного отношения социализма, а принцип «от каждого по способностям, каждому по труду» является основным экономическим законом социализма... распределение по труду не выступает всеобщим отношением и не может быть основным производственным отношением социализма...» (стр. 48).

5. Основное производственное отношение коммунистической формации и его вещное выражение

Для того чтобы подойти к правильному определению содержания основного экономического закона, необходимо прежде всего наличие правильной трактовки основного производственного отношения формации.

Отметим, что после ряда выступлений в печати Л. А. Леонтьев не только признал правомерность категорий основного производственного отношения и основного экономического закона коммунистической формации, но и подошел к их научной трактовке. В новом издании «Начального курса политической экономии» он писал: *«Основным* производственным отношением социализма является отношение товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи равноправных тружеников, свободных от какой бы то ни было эксплуатации»[1].

К сожалению, автор не сумел увязать эту формулу основного производственного отношения с содержанием основного экономического закона, который формулируется им следующим образом: «Социалистическое общество непрерывно расширяет и совершенствует производство для повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. В этом заключается *основной экономический закон социализма»*[2].

Приведенная формула имеет свои достоинства. Здесь присутствует производство, которое поставлено на первое место и подчинено задаче повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Вместе с тем в ней отсутствует видимая связь с основным отношением.

В этом направлении более удачную попытку сделал В. Н. Черковец, который определяет основной экономический закон коммунистической формации как *«производство для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества на основе планомерного товарищеского сотрудничества и взаимопомощи*

---

[1] *Л. А. Леонтьев.* Начальный курс политической экономии, изд. 2. М., 1962, стр. 263.

[2] Там же.

работников, ассоциированных в масштабе общества и использующих современную высшую технику» [1].

Из всех определений основного экономического закона, имеющихся в нашей литературе, данное определение, по нашему мнению, является самым удачным. Разумеется, и оно не вполне свободно от влияния расширительной, описательной трактовки, в связи с чем в формулу вошли и высшая техника, и планомерность, и пр.

В формуле основного экономического закона так называемое средство должно найти отражение, но не в виде вещественных элементов производства, а в виде способа соединения людей в процессе производства, главного отношения по производству. Формулируя основной экономический закон капитализма, К. Маркс не упоминает ни машинную, ни другую технику, а включает в формулу эксплуатацию наемного труда капиталом. Точно так же в формуле основного экономического закона коммунистической формации упоминание о высшей технике излишне, тем более что на первых порах социалистического строительства в ряде стран производство по необходимости ведется при помощи не очень высокой техники. Цель производства должна быть выражена лаконично и вместе с тем достаточно емким термином. Этому требованию вполне соответствует термин «благосостояние», но с добавлением слова «общее» или «всеобщее». Напомним, что при окончательном редактировании Программы партии В. И. Ленин отказался от слова «полное», которое требует разъяснений и оговорок. Формула основного экономического закона должна быть сжатой, выразительной и создавать возможность для вещного выражения и количественной характеристики. Этим требованиям, с нашей точки зрения, соответствовала бы следующая формула основного экономического закона коммунистической формации: *«Коллективное, товарищеское производство всеобщего благосостояния»*.

Формула указывает на цель (всеобщее благосостояние), органически связанную со своим «средством» — коллективностью, товарищеским сотрудничеством производителей. Ввиду емкости термина «благосостояние»

---

[1] *В. Н. Черковец.* О методологических принципах политической экономии как научной системы, стр. 211.

эта формула подходит в целом для обеих фаз коммунизма и для различных периодов в рамках первой фазы — социализма, в то время как термины «максимальное» или «полное удовлетворение потребностей», а также «высшая техника» всегда вызывают ряд недоуменных вопросов как применительно к социализму, так и в особенности к отдельным его периодам. Производство, как и в формуле К. Маркса, в нашей формуле поставлено на первое место, ибо это закон не потребления, а производства, но это не производство вообще, а особое производство — производство общего благосостояния. При этом мы подчеркиваем, что это благосостояние не одиночек, а всеобщее, и, как таковое, оно не может быть произведено частным, индивидуальным трудом, а только при помощи объединенного, коллективного труда на товарищеской основе.

Мы согласны с А. И. Ноткиным в том, что «надо связать определение основного экономического закона социализма не только с основным отношением производства... но и с вещной категорией... которая обладает соответствующей количественной определенностью»[1]. Мы согласны с ним также и в том, что этому требованию вполне соответствует категория чистого продукта общества или национального дохода. Национальный доход при социализме есть результат коллективного труда ассоциированных производителей и является вещным выражением общего благосостояния. Это выражение общего благосостояния можно измерить, взвесить и сопоставить как результат с общими затратами живого и овеществленного труда. Используя обозначения К. Маркса, формулу основного экономического закона коммунистической формации можно было бы изобразить следующим образом: $\frac{v+m}{c+v}$, в которой в числителе дается национальный доход в двух своих частях (необходимый и прибавочный продукт), а в знаменателе — затраты овеществленного и живого труда. Обе части формулы при социализме выражаются в стоимостной форме.

При капитализме формула $\frac{m}{v}$ представляет вещное выражение эксплуатации рабочего класса капиталом,

[1] «Теория и практика хозяйственной реформы», стр. 49.

антагонизм двух частей продукта, антагонизм двух классов, противоположность их целей, интересов.

При социализме формула $\frac{v+m}{c+v}$ представляет вещное выражение единства и товарищеского сотрудничества всех тружеников ради единой цели — производства общего благосостояния. Она говорит о принадлежности всех частей произведенного продукта, как необходимого, так и прибавочного, всем членам общества и заинтересованности всех трудящихся в постоянном возрастании обеих частей продукта. Ведь при социализме не только необходимый, но и прибавочный продукт является основой роста благосостояния, во-первых, непосредственно, поскольку часть прибавочного продукта используется для расширения рамок необходимого продукта, во-вторых, как источник постоянного расширения и технического совершенствования производства. Рост отношения $\frac{m}{v}$ означает рост эксплуатации рабочего класса капиталом. Рост отношения $\frac{v+m}{c+v}$ означает рост благосостояния всего общества и, следовательно, рост эффективности коллективного общественного труда или всего общественного производства в целом как основы благосостояния.

Разумеется, мы не можем рассматривать нашу формулу как окончательную. Она, очевидно, будет еще уточняться. Но и в своем теперешнем виде она, с нашей точки зрения, точнее, т. е. научно правильно, выражает суть коммунизма и дает более плодотворные результаты, чем другие формулы, в том числе формулы, в основе которых лежит удовлетворение потребностей и попытки их количественного выражения.

Вряд ли, например, можно согласиться с попытками изобразить суть основного экономического закона при социализме в виде соотношения так называемых идеальных, не зависящих от состояния производства, и реальных, зависящих от уровня производства потребностей общества[1]. Конечно, в практике планирования хозяйства учет потребностей общества, равно как и соотношения

[1] Смотри упомянутую выше статью А. М. Румянцева («Вопросы экономики», 1968, № 10, стр. 8—11).

их с производственными возможностями, имеет очень большое значение. Но можно ли сводить основной экономический закон коммунистической формации к соотношению идеальных и реальных потребностей? По нашему мнению, нельзя.

Взятое в общем виде соотношение потребностей и производственных возможностей не содержит в себе никакой качественной характеристики нового устройства общества и поэтому не может рассматриваться ни как основной, ни как всякий иной специфический закон коммунистической формации. «Закон возвышения потребностей» населения В. И. Ленин сформулировал не как специфический закон коммунизма, а как закон, общий для всех формаций [1]. Любой общий закон не может рассматриваться в качестве основного закона коммунистической формации. Разумеется, закон возвышения потребностей приобретает в условиях коммунизма — на обеих фазах — особое значение. Но характер действия этого закона в условиях социализма можно в полной мере понять, лишь учитывая его взаимодействие со специфическими законами новой формации, и прежде всего с основным экономическим законом, законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, а также с законом распределения по труду. Способ удовлетворения потребностей, более того, и сам процесс «возвышения потребностей» членов общества различны в разных формациях и даже на отдельных фазах единой коммунистической формации.

Мы не можем согласиться также и с предложениями о количественном выражении основного экономического закона в виде динамики национального дохода в целом или реальных доходов на душу населения, взятых сами по себе, безотносительно к производству [2]. Основной экономический закон есть закон развития производства, закон развития основного производственного отношения, и, как таковой, он не может выражаться лишь динамикой доходов населения.

В основном экономическом законе формации заключены как определяющая цель, так и движущий мотив

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 101.

[2] См., например, *В. Н. Черковец.* Планомерность социалистического производства. М., 1965, стр. 187.

производства. Для разных формаций как цель, так и движущий мотив различны. Для капитализма и коммунизма они принципиально различны в силу противоположности природы этих двух способов производства. При капитализме основной движущий мотив развития производства — это эксплуатация рабочего класса капиталом, это антагонистическое противоречие и борьба между рабочим и капиталистом. При коммунизме, в том числе и на первой его фазе, основным движущим мотивом развития производства является общность цели и коренного интереса, а отсюда единство действий производителей для достижения единой общей цели, рост эффективности и согласованности на товарищеской основе коллективного труда всех производителей.

Наша трактовка основного производственного отношения и формула основного экономического закона коммунистической формации дают возможность сделать ряд важных выводов о развитии процесса социалистического производства. Во-первых, социалистическое производство при прочих равных условиях тем эффективнее, чем выше слаженность действий производителей, коллективов и целых отраслей, чем теснее связи между ними, сотрудничество на товарищеской основе, чем в большей степени усилия миллионов тружеников превращаются в единую целеустремленную силу. Эта зависимость может быть выражена и в математических формулах, которые детализировали бы общую приведенную выше формулу основного экономического закона.

Во-вторых, главной функцией управления при социализме является осуществление организационного единства, согласованности действий производителей в масштабе всего народного хозяйства при развитии их самодеятельности и творческой инициативы, направленной к более успешному достижению единой, общей для всех цели.

В-третьих, основной экономический закон коммунистической формации определяет направление, характер и темпы создания материально-технической базы коммунизма. Обычное во многих формулировках закона упоминание о «высшей технике» ничего еще не говорит о ее характере. Между тем каждый способ производства создает качественно особую техническую базу, соответствующую его природе. К. Маркс в «Капитале» в связи

с анализом основного производственного отношения капитализма показывает, как капиталистическое производство, возникшее на ремесленной базе, затем создает адекватную себе технику машинного производства — орудие эксплуатации наемного труда и конкуренции частных производителей на рынке. Коммунизм возникает также на технической базе, которую он наследует от предшествующего строя. В процессе своего развития он создает новую, соответствующую его природе материально-техническую базу как адекватную основу единства всего хозяйства, как орудие крепнущего творческого содружества миллионов производителей. Основной экономический закон коммунистической формации в его правильной трактовке определяет направление и характер технического творчества, является исходным пунктом конструкторской и изобретательской деятельности при социализме.

Глава десятая

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА

1. Некоторые исходные положения для анализа системы экономических законов

В последние годы сделано несколько попыток представить экономические законы при социализме в их системе как единое целое. Эти попытки можно обнаружить как в учебниках и программах по политической экономии, так и в отдельных статьях, монографиях. При всем различии этих попыток все они представляют пока лишь первые шаги, более или менее обоснованные гипотезы на пути разработки этой важной и сложной проблемы.

На этом пути исследователи встречаются с тремя основными трудностями. Первая и наиболее существенная трудность заключается в недостаточной разработанности методологических основ анализа экономических законов в их системе, в отсутствии единогласия среди ученых по ряду важных методологических вопросов. Все же поиски и дискуссии последних лет не прошли бесследно. В настоящее время можно отметить следующие важные методологические принципы подхода к конструированию этой системы.

Во-первых, общепризнанным уже является мнение, что в центре системы экономических законов стоит основной экономический закон и что именно наличие основного закона является важнейшим системообразующим фактором. Попытки ставить в центре системы законов не основной, а какие-либо другие законы встречаются

все же не так часто и в основе их лежит или неправильное представление о системе законов или неправильное толкование основного экономического закона.

Но мало провозгласить и признать это положение. Необходимо правильно определить содержание основного экономического закона и показать его роль в системе законов как закона основного, т. е. его определяющее значение по отношению к другим законам. Как мы уже указывали, наиболее точным определением основного экономического закона коммунистической формации было бы такое: «Коллективное, товарищеское производство всеобщего благосостояния».

Во-вторых, общепризнанна также необходимость выделения исходного звена, основания всей системы в виде исходного отношения и закона развития этого отношения. В системе экономических законов капитализма эту роль играет закон стоимости. В условиях же социализма этим законом не может быть закон стоимости. Мы не можем также согласиться ни с теми экономистами, которые полностью отождествляют исходное и основное отношение, толкуя его как отношение собственности, ни с теми, которые рассматривают как исходное отношение планомерности и в основание системы законов предлагают положить закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Вместе с тем эта последняя группа ближе подошла к истине, но, смешав сходные понятия и отношения, подменила отношение и закон, лежащие в основании системы, законом, который является производным от основного и лежит на более высоком этапе анализа.

Какое же отношение является всеобщим и лежит в основании всей системы отношений при социализме? Мы уже определили это отношение как отношение единства, коллективности производства. Ключевое значение этого отношения неоднократно подчеркивалось классиками марксизма-ленинизма. Именно против этого основания всей системы социалистических отношений выступают правые ревизионисты и антисоциалистические силы, пытаясь взорвать социализм изнутри, ибо изменение основания системы экономических отношений взрывает природу всех других отношений.

В силу недостаточного развития экономической теории и, следовательно, недостаточной дифференциации

понятий это действительно исходное отношение, жизненное основание системы, мы до сих пор рассматривали вместе с планомерностью, с централизованным планированием и т. д. как их составную часть, более того,— главное содержание. Например, в одном из определений закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, появившихся не так давно в нашей литературе, указывается, что «это объективный закон органического единства, достигаемого не в результате стихийного столкновения разрозненных сил, а на основе объединения всех отраслей и предприятий... в единое, слаженное, взаимоувязанное целое на всех фазах процесса общественного воспроизводства»[1]. Хотели этого авторы или нет, но они в этой формуле отразили не закон развития отношения планомерности, ибо, хотя отношение планомерности базируется на отношении коллективности и единства, оно богаче, сложнее и имеет собственное содержание. Нельзя смешивать основание того или иного отношения с его особым содержанием.

Итак, если основанием системы экономических законов капитализма является закон развития товарно-денежных отношений — закон стоимости, то основанием системы экономических законов социализма служит закон развития отношения коллективности — назовем его *законом коллективности* или законом органического единства хозяйства.

Из этого закона вытекают определенные выводы для руководства хозяйством, и прежде всего необходимость рассмотрения всего хозяйства как единого народнохозяйственного организма, а всех производителей — как единого коллектива работников в масштабе всей страны. Руководящая роль в развитии социалистической экономики принадлежит Коммунистической партии и социалистическому государству, воплощающим идею единства и единую для всех цель — построение коммунизма.

Всякое нарушение единства народного хозяйства в виде дробления по областному, районному принципу или по принципу полной экономической независимости предприятий в духе «рыночного социализма» отрицательно сказывается на развитии социалистической экономики. «Коммунизм,— писал В. И. Ленин,— требует и

[1] «Экономическое планирование в СССР». М., 1967, стр. 30.

предполагает наибольшую централизацию крупного производства по всей стране. Поэтому общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли. Областные центры свои функции определяют в зависимости от местных, бытовых и прочих условий, согласно общепроизводственным указаниям и решениям центра»[1]. «Насчет областных центров надо осторожнее и еще обдумать, дабы не впасть в областничество»[2]. В. И. Ленин предупреждал также против нарушения единства народного хозяйства путем прямого или косвенного узаконения «собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти»[3].

Закон коллективности как основание всей системы экономических законов социализма придает и всем другим законам *характер законов коллективного производства.*

В-третьих, для правильного представления о системе экономических законов необходима правильная классификация законов по их происхождению и длительности действия, выделение законов, специфических для формации в целом, для отдельных фаз формации, законов, общих для всех или многих формаций, и определения их места в системе и характера взаимодействия. Как мы уже указывали, совокупность отношений и экономических законов, действующих при социализме, представляет сложное целое. В эту совокупность входят как законы, свойственные всей коммунистической формации в целом (основной экономический закон, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон товарищеского соревнования и др.), так и законы, свойственные лишь первой фазе коммунизма (закон распределения по труду и др.), и, наконец, законы, общие для всех или многих формаций (закон преимущественного роста I подразделения общественного производства, закон стоимости и др.). Именно эта классификация имеет решающее значение для конструиро-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 392.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 155.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 481.

вания системы законов, а не иные часто весьма искусственные попытки классификации.

В-четвертых, для установления системы законов необходимо соблюдение принципа единства воспроизводственного процесса и признания сквозного действия экономических законов на всех фазах процесса воспроизводства [1]. Вряд ли можно согласиться с распределением законов по отдельным фазам воспроизводства, когда законы рассматриваются лишь как законы этих фаз. Можно ли, к примеру, выносить основной экономический закон или закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства за пределы фазы производства? Можно ли действие закона распределения по труду рассматривать только в фазе распределения, игнорируя его действие в производстве (и потреблении)? Распределение законов по фазам процесса воспроизводства очень удобно с точки зрения схемы, но не приближает нас к правильному представлению о системе законов как системе субординации и взаимодействия ее отдельных элементов.

В-пятых, для выявления экономических законов в их системе важнейшее значение имеет исследование производственных отношений в процессе их развития, установление производных отношений различных ступеней и законов их развития. Применение этого метода дает в итоге цепь отношений (и законов), связанных по линии субординации и образующих своеобразные подсистемы законов в рамках их общей системы. Процесс познания в данном случае представляет собой процесс восхождения от абстрактного к конкретному, от сущности к поверхности явлений, что создает предпосылки для непосредственных выводов в области руководства хозяйством.

Применение этого метода дает возможность раскрытия более общих законов в ряде частных законов или, по выражению К. Маркса, «законов частных сфер» [2].

---

[1] В. Н. Черковец называет этот принцип принципом примата производства (см. «Вопросы экономики», 1969, № 9, стр. 70 и др.).

[2] Некоторые авторы толкуют данное положение Маркса в смысле выделения законов «отдельных сфер и дробных частей общественного производства», т. е. законов отдельных отраслей хозяйства и отдельных предприятий. Маркс был далек от подобного понимания вопроса. Говоря о законах частных сфер, Маркс разумеет

Так, анализируя товарно-денежные отношения, К. Маркс не только выводит закон стоимости как общий и основной закон товарного хозяйства, но и раскрывает далее этот закон в ряде законов частных сфер, каковы, например, закон спроса и предложения, закон, определяющий количество денег, необходимых для обращения, закон быстроты обращения средств платежа, закон обращения бумажных денег и некоторые другие. Многие из этих законов сохраняют силу и действуют при социализме, поскольку при социализме сохраняется товарное производство и закон стоимости.

Значение подобной конкретизации более общих законов в виде законов частных сфер очень велико, поскольку только при этом условии возможно получение количественных зависимостей, что, как известно, является необходимой предпосылкой для применения математических методов и электронно-вычислительной техники в планировании и хозяйственном руководстве. К. Маркс показал пример этого, дав известные формулы воспроизводства, формулу уже упомянутого закона денежного обращения. Этот закон, указывал К. Маркс, имеет всеобщее значение. Его формулой пользуются и наши плановые органы, определяя количество денег, необходимых для обращения.

Подобного рода конкретизация более общих законов необходима и в других областях. Возьмем, например, закон неуклонного роста производительности труда, действующий при социализме. Общая формула этого закона имеет очень большое значение для ориентации планирования. На длительном опыте мы убедились в том, что производительность труда должна расти при социализме из года в год и высокими устойчивыми темпами. Это экономическая необходимость. Но эта общая формула закона нуждается в раскрытии. Пользуясь методом и указаниями К. Маркса, в рамках этого закона можно установить ряд законов частных сфер, как, например, закон неуклонного снижения абсолютных размеров и относительной доли затрат живого труда на единицу продукции, закон неуклонного снижения абсолютных размеров, но повышения относительной доли за-

---

законы более узкой сферы явлений по сравнению со сферой, обнимаемой более общим законом.

трат овеществленного труда на единицу продукции, закон более быстрого роста продукции по сравнению с основными фондами и некоторые другие. Указанные зависимости могут быть выражены и в количественных величинах, т. е. в виде математических формул, пригодных для планирования. Значение этих формул велико не только для народнохозяйственного планирования, но и для проектирования новых предприятий и конструирования новой техники как в виде орудий производства, так и новых технологических процессов и новых материалов. Техническое совершенствование производства подчиняется экономическому критерию, а экономический критерий при социализме включает в себя не только экономию живого труда и улучшение его условий, но и экономию труда овеществленного во всех его видах и на всех стадиях. А это значит, что новые машины и процессы должны, кроме экономии живого труда, обеспечивать экономию сырья и материалов, повышение качества продукции, обладать высокой производительностью, долговечностью, надежностью при возможно меньших габаритах, весе и соответствии требованиям эстетики и удобства работы на них.

Вторая трудность, встающая перед исследователями при анализе экономических законов социализма в их системе, заключается в ограниченности выявленных элементов, т. е. установленных экономических законов, действующих при социализме. Некоторые экономисты пытаются обойти эту трудность посредством поспешного умозрительного конструирования различных законов, не имеющих корней в действительной жизни. Например, Я. А. Кронрод приписывает социалистической экономике десятки «новых» законов, выдвинутых без всякого предварительного исследования реальных экономических отношений. Он превращает в закон любую зависимость, любое явление в экономике. Он открывает «закон определяющей роли собственности на средства производства», «закон необходимости обращения», «закон социалистического прибавочного продукта» и т. д. Идя по этому пути, автор мог бы выдвинуть, например, «закон необходимости производства», или «закон необходимости потребления».

Разумеется, ценность подобного рода законов сомнительна. Выдвигая их, автор не сумел ни обосновать их,

ни раскрыть их содержание и значение для руководства хозяйством. В разделе, посвященном «законам фазы потребления», автор называет закон обеспечения благосостояния всем членам общества, закон оптимального обеспечения расширения жизненных условий производителей, закон выравнивания уровней потребления, закон изменения соотношения в потреблении его видов, закон развития соотношения форм потребления, закон изменения дифференциации потребления и некоторые другие. Перечислив эти законы, автор не сумел не только раскрыть их содержание, но и показать их отличие друг от друга. Читатель вряд ли сможет понять, чем отличается закон дифференциации потребления от закона выравнивания уровней потребления, а также от закона обеспечения благосостояния всем членам общества. Множественность однопорядковых «законов» привела к тому, что они дублируют друг друга. В указанном разделе все сводится к довольно-таки общеизвестной истине, а именно: главной и определяющей чертой отношений и законов в фазе потребления «является то, что они необходимо протекают на основе общественной собственности...» [1]. Но даже и это заявление, сделанное в безоговорочной форме, может вызвать недоуменные вопросы, поскольку личное потребление при социализме в основной своей массе еще «необходимо протекает» в условиях личной собственности граждан на предметы потребления [2].

Однако работа экономистов в области выявления экономических законов социализма не была безрезультатной. К настоящему времени накоплен, хотя и не очень большой, все же достаточный арсенал элементов для построения системы законов. Но (и в этом заключается третья трудность) экономическая наука не очень далеко ушла в раскрытии содержания уже установлен-

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 498.

[2] А. Колосов правильно отмечает, что указанный подход к исследованию экономических законов может иметь своим результатом лишь общие малосодержательные дефиниции. «Называя законом любую зависимость, категорию, понятие, можно за ненужным нагромождением законов и видимостью научной их систематизации потерять правильный путь исследования действительных отношений производства...» («Плановое хозяйство», 1967, № 9, стр. 90).

ных законов, характера их взаимосвязей и значения для развития хозяйства. В этом отношении весьма характерно толкование закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, в большинстве случаев не выходящее за пределы положения о том, что этот закон выражает объективную необходимость планового ведения хозяйства. Это, конечно, правильно, но далеко не исчерпывает содержания закона. Очевидно, задача заключается в том, чтобы при анализе законов в их системе углублять и уточнять содержание каждого закона в отдельности, что поможет и выработке более точного представления об их взаимосвязях.

В дальнейшем изложении мы попытаемся рассмотреть некоторые экономические законы, для того чтобы выяснить их содержание, взаимосвязи и место в системе.

2. Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства

Плановое ведение хозяйства как характерная черта и важнейшее преимущество нового строя было отмечено еще классиками марксизма — К. Марксом и Ф. Энгельсом. В. И. Ленин, обобщая опыт первых лет хозяйственного строительства, в своих работах дал все необходимые исходные положения для формулирования особого экономического закона как закона развития отношения планомерности и раскрыл его содержание. Однако в экономической литературе эти указания В. И. Ленина долгое время не использовались и примерно до первой половины 40-х годов сама категория данного закона отсутствовала. Это не значит, что вопросы планирования народного хозяйства не разрабатывались. Их разработка осуществлялась как в планирующих органах, так и в экономической литературе, но она шла преимущественно по линии обобщения опыта планирования в аспекте формулирования основных правил, положений или принципов составления и выполнения планов. Это был период своеобразного накопления и обработки опыта, весьма важный как в практическом, так и в теоретическом отношении. Накопленный таким образом

материал послужил основой для постановки более глубоких вопросов теории, в том числе и вопроса о формулировании определенных законов.

В начале 40-х годов плановое ведение хозяйства при социализме характеризуется как экономическая необходимость, а в конце 40-х годов — как экономический закон. Характерна в этом отношении постановка вопроса в известной книге Н. Вознесенского, где говорилось: «...социалистическое планирование, основанное на разумном использовании и применении экономических законов производства и распределения, само является общественным законом развития и в качестве такового — предметом политической экономии» [1].

Данная формула, вошедшая затем в статьи, брошюры, программы и макет учебника политической экономии, представленный для обсуждения на дискуссии 1951—1952 гг., была для того времени, несомненно, шагом вперед, ибо она нащупывала определенный, объективный экономический закон, лежащий в основе практики планирования. Однако эта формула носила на себе также печать установки, смешивающей планирующую деятельность людей с объективным законом, лежащим в ее основе.

Не случайным поэтому является тот факт, что формулировка закона в дальнейшем была уточнена. Было признано, что нельзя смешивать планирование, годовые и пятилетние планы с объективным экономическим законом, а сам закон назван законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Эта формула вошла затем в учебную и научную литературу.

Дальнейшая разработка вопроса заключалась в поисках обоснования закона, раскрытия его содержания и значения для практики планирования. Характерной для первого этапа этих поисков была тенденция сведения закона к пропорциональности как чему-то более осязаемому и практически важному для хозяйства. При этом обычно делалась ссылка на известное высказывание В. И. Ленина о том, что «постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно,

---

[1] *Н. Вознесенский.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, стр. 151.

означала бы планомерность»[1], сделанное им в 1900 г. в полемике с одним из «легальных марксистов» — П. Скворцовым.

Но означает ли это положение, что В. И. Ленин ставил знак равенства между пропорциональностью и планомерностью, что он рассматривал эти понятия как тождественные? Многие экономисты понимали приведенное положение именно так.

Верно ли, что существо закона планомерного, пропорционального развития сводится к поддержанию пропорциональности? Нам кажется, что с этим согласиться нельзя. Понятие планомерности, хотя и включает в себя установление и поддержание определенных пропорций, все же гораздо шире. Эта мысль постепенно получает признание. Так, В. Кашин, анализируя содержание категорий «планомерность» и «пропорциональность», правильно замечает, что «в экономическом смысле планомерность шире по охвату различных экономических процессов, чем пропорциональность»[2]. Именно поэтому положение — сознательно поддерживаемая пропорциональность означает планомерность — точно и верно, а положение — планомерность тождественна пропорциональности, исчерпывается ею — неточно и неверно.

Но вместо того чтобы раскрыть более полно и всесторонне содержание закона, некоторые экономисты ударились в другую крайность и выступили с трактовкой закона, расширяющей его содержание. Появились предложения о расщеплении указанного закона на два: закон планомерного развития народного хозяйства как специфический закон формации и закон пропорциональности как закон, общий для всех формаций. Я. А. Кронрод писал: «Планомерность — специфический экономический закон коммунистического способа производства, общий его первой и второй фазам. Пропорциональность — общий закон всех способов производства, и поэтому неправильно их объединение в один закон»[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 620.

[2] «О некоторых категориях политической экономии социализма». Ученые записки, вып. 46. Ярославль, 1960, стр. 49.

[3] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 381. Эта мысль в книге повторяется не раз. На следующей странице мы читаем: «Итак, пропорциональность — всеобщий за-

Предложение о расщеплении единого закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства на два различных закона органически связано с определенной трактовкой двух его сторон, а именно: планомерности в смысле сознательного регулирования хозяйства и пропорциональности в смысле отмеченной К. Марксом необходимости распределения общественного труда в определенных пропорциях между различными отраслями в соответствии с общественными потребностями [1]. Так, по мнению В. Н. Черковца, планомерность в развитии социалистической экономики означает, что «в ней присутствует сознательный фактор — плановое регулирование народного хозяйства». А закон планомерного развития «выражает то, что составляет сущность планомерной организации, а именно планомерный характер социалистического производства — требование сознательного общественного регулирования производства» [2].

Если исключить из этих рассуждений элемент тавтологии (планомерность есть планомерная организация, планомерное регулирование), то остается одно-единственное зерно, составляющее, по мнению автора, суть планомерности, — это «сознательное регулирование из общественного центра».

Согласиться с таким толкованием планомерности мы не можем. Ведь и в условиях капитализма, как известно, имеют место сознательное использование законов и даже «сознательное регулирование хозяйства», включая сюда и государственное регулирование, хотя закон планомерного, пропорционального развития там не действует, ибо отсутствуют соответствующие производственные отношения.

Основу, содержание экономического закона нельзя искать в сознательности или бессознательности, т. е. в области сознания, какие бы усилия не предпринимались для того, чтобы доказать объективность и первичность

кон, т. е. закон всякого производства; планомерность же — специфически исторический закон экономического развития, определяющий характер экономического процесса как контролируемого и сознательно направляемого обществом...»

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 460, 461.

[2] *В. Н. Черковец*. Планомерность социалистического производства, стр. 29.

«идеального» и сознательного начала. Характер и содержание экономических законов следует искать в реальных экономических связях между людьми, носящих объективный характер.

Сведение закона к планомерности, толкуемой в смысле сознательности, мало что дает для руководства хозяйством. На самом деле, если содержание закона планомерности и заключается в самой объективной необходимости планомерной формы движения экономического процесса, то эта тавтология в лучшем случае лишь подчеркивает необходимость и полезность сознательного использования экономических законов при социализме. Собственно, вокруг этой мысли и вращаются в различных вариантах все попытки раскрыть содержание планомерности и как закона и как «общей формы движения социалистического производства». Сторонники этой трактовки закона так и пишут: «В этом смысле сознательное использование экономических законов социализма само есть экономический закон, объективное требование социалистической экономики. Но это и есть закон планомерного развития, требующий сознательного использования всех экономических законов социалистического общества» [1].

В такой трактовке исчезает без следа специфически экономическое содержание закона, который превращается из экономического в некий общесоциологический закон, что фактически означает шаг назад к смешению закона с сознательной, планирующей деятельностью людей, государства [2].

Между тем в действительности планомерность — это отношение людей в коллективном производстве, существующее объективно, независимо от того, в какой степени оно осознано людьми, насколько сознательно и полно оно используется ими. Люди, объединенные единой

---

[1] «Курс политической экономии». Под ред. Н. А. Цаголова, т. II — «Социализм», стр. 119.

[2] Некоторые экономисты выражают эту мысль в более ясной форме: «На деле же планомерность — это не какое-то особое производственное отношение, а форма реализации всех экономических законов социализма. Планомерность — это сознательное использование социалистическим обществом экономических законов в организации производства» («Категории и законы распределительных отношений социализма», стр. 17).

целью, выступающие как равноправные совладельцы условий производства, как товарищи в общем деле развития производства, объективно поставлены перед необходимостью взаимного согласования своей деятельности для получения максимального эффекта.

В содержание указанного отношения планомерности органически входит и момент пропорциональности, их нельзя отрывать друг от друга. Экономисты, трактующие пропорциональность как закон, общий для всех формаций, понимают ее лишь в смысле определенных соотношений отраслей производства. Действительно, те или иные соотношения отраслей производства существуют всегда, но пропорциональность, понимаемая как соразмерность усилий производителей, дающая им наибольший общий эффект, существует не всегда, а лишь в условиях коллективного производства. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что при капитализме пропорциональность выступает «лишь как средняя величина из ряда постоянных колебаний» [1], т. е. как арифметическая средняя, идеальная, но не реальная, не действительная пропорциональность. В этом смысле «ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло» [2]. Следовательно, попытки превратить пропорциональность в закон, общий для всех формаций, в том числе для эксплуататорских формаций, не имеют под собой оснований.

Трактуемый в этом духе закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства приобретает вполне определенное экономическое содержание и превращается из декларации о пользе сознательного регулирования в действительный, объективный экономический закон. Познание этого закона дает возможность сделать определенные выводы для организации планирования и руководства хозяйством, например о необходимости единого планирующего центра и централизованного планирования, о тесной увязке планов отдельных отраслей в едином общегосударственном плане, о тесной увязке перспективного и оперативного планирования, о наилучших методах составления пла-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 620.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 304.

нов и т. д. под углом зрения повышения эффективности общественного производства.

Закон планомерного, пропорционального развития действует в тесной связи с другими законами, как со специфическими, так и с общими — с основным экономическим законом, законом товарищеского соревнования, законом стоимости, законом распределения по труду, законом неуклонного роста благосостояния всех членов общества и др. Такие же законы, регулирующие народнохозяйственные пропорции, как закон социалистического накопления, закон преимущественного роста I подразделения общественного производства, непосредственно входят в подсистему закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, составляя части объективного механизма его действия. На стадии социализма к этой подсистеме примыкают и такие законы товарно-денежных отношений, как закон спроса и предложения, закон, определяющий качество денег, необходимых для обращения, и др. Вместе с тем анализ отношения планомерности может выявить ряд производных от него отношений и, следовательно, ряд производных законов как законов частных сфер в рамках более общего закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Не ставя своей задачей проведение такого анализа, мы возьмем лишь два примера для иллюстрации этой мысли.

Опыт хозяйственного строительства как в нашей стране, так и в других социалистических странах показывает, что на стадии социализма поддержание планомерных связей между отраслями, предприятиями и районами страны невозможно без такой вспомогательной силы, как материальные резервы. Создание материальных резервов, конечно, означает известный вычет из текущего потребления. Но, смягчая отрицательное влияние различных непредвиденных явлений и элементов стихийного порядка (неурожай, стихийные бедствия, обострение международной обстановки и т. д.), материальные резервы играют положительную и совершенно необходимую роль в процессе воспроизводства. Мы имеем все основания расценивать создание материальных резервов как особый экономический закон в рамках

закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Опыт хозяйственного строительства показывает также необходимость точной синхронности в работе связанных между собой участков единого производственного цикла. Наша печать уделяла и уделяет большое внимание этому важному вопросу, значение которого возрастает с увеличением масштабов хозяйства и усложнением хозяйственных связей. На основании опыта мы могли бы сформулировать закон производственного ритма как особую, очень важную форму проявления более общего закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

3. Закон товарищеского соревнования

Если закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства признан законом, хотя о содержании его идут еще споры, то товарищеское соревнование как закон до сих пор еще не получило общего признания.

Социалистическое соревнование давно привлекало внимание экономистов и философов. Однако господствующая трактовка этого явления в морально-этическом плане или в плане коммунистической сознательности не способствовала его научному познанию и установлению определенных экономических закономерностей.

В учебной и научной литературе соревнование рассматривалось преимущественно как «метод коммунистического строительства», а в ряде работ, посвященных экономике социализма, ему вообще не отводилось места [1]. В работе Я. А. Кронрода, в которой соревнованию отведена лишь одна строчка, оно преподносится как особенность осуществления общего «закона кооперации труда»

[1] В университетском «Курсе политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова социалистическое соревнование расценивается как проявление моральных стимулов к труду и ему отводятся два-три абзаца (см. «Курс политической экономии», т. II. М., 1970, стр. 210). Еще более не «повезло» соревнованию в учебном пособии «Политическая экономия социализма». В этом пособии ему отведено лишь несколько строк и оно рассматривается лишь с точки зрения его роли «в формировании ...коммунистических начал» в труде (см. «Политическая экономия социализма». Под редакцией А. Ф. Румянцева и др. М., 1970, стр. 534—535).

при социализме, «внутри обособленного звена его общественной системы» [1].

Таким образом, автор не только отрицает значение соревнования как особого производственного отношения и экономического закона, но и трактует его как локальное, частное явление, протекающее в рамках отдельного предприятия.

Отношение товарищеского соревнования возникает впервые в рамках производственного коллектива. Но, зарождаясь в рамках «обособленного звена», оно не остается локальным явлением, а в силу особенностей социалистической кооперации труда постепенно охватывает всю экономику в целом. В. И. Ленин не раз подчеркивал эту сторону соревнования и в связи с этим ставил задачу «наладить в общегосударственном масштабе — *соревнование*...» [2], поставить «организацию соревнования, как нашу государственную задачу...» [3].

Итак, если соревнование на товарищеских началах действительно представляет одно из важнейших производственных отношений (производное от основного), то мы вправе предположить наличие закона (или законов) развития этого отношения. И не удивительно, что эта мысль возникала и возникает у некоторых экономистов. Она была высказана, например, в книге Н. Вознесенского, где в числе «основных законов социалистической организации труда и зарплаты» шестым и последним по счету называлось «социалистическое соревнование, поощряемое системой премирования за лучшие показатели выполнения и перевыполнения планов» [4]. К сожалению, автор не расшифровал приведенную формулу.

Определение соревнования как экономического закона дается также в книге Г. Н. Евстафьева. «Социалистическое соревнование, — пишет автор, — как выра-

---

[1] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 407.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 201.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 153. По этим же соображениям мы не можем согласиться с авторами, которые, определяя соревнование как «закон хозяйского отношения к труду членов социалистического (коммунистического) общества», фактически ограничивают действие этого закона рамками предприятия.

[4] *Н. Вознесенский.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны, стр. 109.

жение товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников социалистического общества является законом социалистической организации труда...»[1] Автор повторил формулу Н. Вознесенского, но с одним отличием — он, как и некоторые другие экономисты, рассматривал соревнование как выражение отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи свободных и равноправных работников, т. е. (с нашей точки зрения) как непосредственное отражение основного производственного отношения коммунистической формации. В этом заключалось достоинство формулы, поскольку соревнование как закон связывалось с определенным отношением, но в этом был ее и недостаток, поскольку соревнование рассматривалось не как особый закон, производный от основного, а фактически как закон развития основного производственного отношения, в связи с чем специфическое содержание соревнования не раскрывалось. В этом сказывался определенный уровень развития экономической теории, еще недостаточная дифференциация научных понятий.

Для первых постановок вопроса характерна также недостаточная ясность в том, каков характер и продолжительность действия данного отношения (и закона): является ли оно общим для обеих фаз коммунизма или свойственно лишь для первой фазы. Это сказалось до некоторой степени и на приведенных выше формулах, в которых соревнование определялось как присущий социалистическому обществу закон «социалистической организации труда». Не являются неожиданностью и прямые попытки определить соревнование как закономерность лишь первой фазы коммунизма[2]. В данном случае сказывается не только недостаточный уровень развития науки вообще, но и недостаточно внимательное изучение и использование прямых ленинских указаний и разработок. Между тем В. И. Ленин характеризовал това-

---

[1] *Г. Н. Евстафьев.* Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952, стр. 29.

[2] «Социалистическое соревнование — объективная закономерность развития первой фазы коммунистической формации...» (*Н. Б. Лебедева, О. И. Шкаратан.* Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966, стр. 21).

рищеское соревнование как отношение, общее для обеих фаз коммунизма, хотя и находящееся на различных ступенях зрелости.

Несмотря на это, за последние годы появились попытки прямых извращений ленинских идей о соревновании, стремление некоторых экономистов в поисках «экономического содержания» соревнования толковать его в духе борьбы производителей за больший доход. При этом сторонники данного толкования говорят иногда об «экономическом соревновании», а иногда прямо и открыто о конкуренции, уверяя, что именно конкуренция и выражает подлинно «здоровое соревнование».

Но столь откровенное высказывание о конкуренции при социализме не могло не встретить возражений. Поэтому в ряде выступлений эти экономисты уже не рискуют упоминать конкуренцию, а предпочитают говорить об «экономическом соревновании». Но что же это за соревнование? Оказывается, «оно охватывает только такие сферы деятельности людей и хозрасчетных звеньев хозяйства, содержанием которых являются децентрализованные (самостоятельные) решения», а «суть экономической функции соревнования — нахождение наиболее правильного, наиболее экономичного пути реализации децентрализованно решаемых хозяйственных задач...» [1].

Приведенные определения сферы и сущности соревнования вызывают большие сомнения. Исходным пунктом соревнования является план. Но если соревнование развивается на основе и для успешного выполнения плана, можно ли ограничивать сферу соревнования областью «децентрализованного решения хозяйственных задач»? Далее, нахождение «наиболее правильного, наиболее экономичного пути реализации децентрализованно решаемых хозяйственных задач» может осуществляться и другими путями, а не только посредством соревнования. В чем же специфичность соревнования? Формула соревнования, приведенная выше, не дает и не может дать ответа на этот вопрос. Область «децентрализованных решений» в данном случае — синоним полной самостоятельности и обособленности производителей. Вполне понятно, почему эта область отделяется

[1] «Вопросы экономики», 1970, № 3, стр. 32, 31.

от плана, противопоставляется централизованному планированию, т. е. той области, где якобы невозможна творческая деятельность и «самостоятельные решения».

Таким образом, толкуя соревнование в духе борьбы производителей за больший доход, за «большую выгодность», которая, как разъясняют эти экономисты, всегда связана с соперничеством на рынке, они стремятся подменить закон товарищеского соревнования в завуалированной или открытой форме законом конкуренции. Но, как уже отмечалось, В. И. Ленин указывал на принципиальную противоположность конкуренции и соревнования. Конкуренция — это отношение (и закон) обособленных частных производителей, ведущих борьбу на рынке за больший доход, за место под солнцем. Товарищеское соревнование — это отношение (и закон) объединенных производителей, осуществляющих в процессе согласованных трудовых усилий общую производственную задачу.

Закон товарищеского соревнования отражает объективную необходимость состязания работников коллективного производства в труде ради наилучшего, более эффективного решения общей производственной задачи. Это состязание по необходимости идет по принципу «кто лучше» и составляет внутреннюю пружину совершенствования процесса производства, поисков новых методов труда, новых форм организации производства и новой техники. В соревновании находят свое проявление противоречия нового типа, действующие как движущее начало развития единства, коллективизма, сотрудничества в общем деле.

В. И. Ленин вскрыл внутреннюю связь соревнования с борьбой масс за высшую производительность труда и тем самым поднял его значение до уровня исторической борьбы двух способов производства — капиталистического и коммунистического — на мировой арене, показал решающую роль в исходе этой борьбы преимуществ новой организации общественного труда.

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что производительность труда — это главный показатель не только в экономическом соревновании двух систем, но и в товарищеском трудовом соревновании социалистических производителей. Именно вокруг этого показателя развертывается соревнование, стимулирующее творческую инициативу работников.

Товарищеское соревнование занимает особое место среди факторов производительности труда при социализме. Это постоянно действующая динамическая сила, повышающая значение всех других факторов. Глубочайшие преимущества социализма в росте производительности труда заключены в соединении и взаимном согласовании трудовых усилий производителей в рамках всего народного хозяйства. Товарищеское соревнование ассоциированных производителей за лучшее выполнение общей задачи постоянно совершенствует способы их соединения, а через это и способы деятельности каждого из них и тем самым постоянно повышает эффективность их совместных трудовых усилий.

В. И. Ленин показал также органическую связь товарищеского соревнования с планом. План — исходный пункт соревнования. В процессе выполнения плана развитие соревнования открывает новые резервы, охватывающие улучшения в приемах работы, организации труда, производства и, наконец, в области техники и технологии. С точки зрения роли указанных резервов их можно было бы разделить на две группы: а) текущие, лежащие на поверхности; б) перспективные, глубинные, длительно действующие. Использование резервов первого рода (улучшение использования рабочего времени, ликвидация прогулов и простоев, улучшение снабжения рабочего места инструментом и заготовками и пр.) сказывается немедленно на успешном выполнении и перевыполнении плановых заданий по производительности труда и производству.

Развертывание соревнования и перевыполнение планов на одних участках требует для соблюдения соответствующих пропорций такого же перевыполнения плана на смежных участках. Указанную особенность развития соревнования мы назвали бы законом согласованности, равномерности соревнования. Данный закон давно уже учитывается в практике хозяйственной деятельности, в частности в виде договоров о соревновании между смежными участками производства и предприятиями, в виде определенных показателей соревнования, которые вырабатываются руководящими организациями, а также в виде внесения на ходу некоторых коррективов в утвержденные планы.

Использование глубинных, длительно действующих резервов дает и более серьезный выигрыш, но он чаще всего реализуется не только и не столько в текущем году, сколько в течение ближайших лет. Другими словами, благотворное воздействие на производство использования этих резервов должно быть учтено в планах будущих лет.

Итак, если народнохозяйственный план является исходным пунктом соревнования, то результаты соревнования могут выражаться как в перевыполнении плановых показателей текущего года, так и в формировании повышенных планов будущих лет.

В экономической литературе основное внимание до сих пор уделялось конкретным формам соревнования, истории его развития, описанию достижений передовиков. Положительное значение проделанной работы нельзя отрицать, особенно с точки зрения накопления и систематизации фактического материала. Теперь требуется сделать следующий шаг — перейти к признанию и раскрытию содержания одного из важнейших экономических законов, что является необходимым условием его использования на практике, в том числе и правильного решения вопроса о применении тех или иных форм соревнования.

Соревнование на товарищеских началах, развивающееся в рамках социалистической кооперации труда, возникает и существует объективно, независимо от воли и желания людей, независимо от того, оформляется оно договорами и обязательствами, или нет. Но, и это не подлежит сомнению, осознание этого закона, правильный учет его в хозяйственной деятельности есть важнейшее условие использования всех его громадных возможностей. Задача руководства заключается в том, чтобы направить соревнование в нужное русло и использовать с максимальной эффективностью для достижения поставленных целей.

Не следует смешивать конкретные формы соревнования, способы его использования с самим отношением (законом) соревнования. Формы соревнования находятся в зависимости не только от уровня развития данного объективного отношения как своей основы, но также и от конкретных условий места и времени.

Эти формы не могут и не должны устанавливаться произвольно, а должны выдвигаться с учетом требований закона и конкретных условий его действия на данном этапе, в данной отрасли производства, в данных условиях.

Ведущую роль в развитии соревнования играют передовики производства, добивающиеся наилучших результатов в труде. Передовики-новаторы прокладывают новые пути, вскрывают резервы производства. Но деятельность передовиков не имела бы решающего значения, если бы в условиях коллективного труда их пример, их опыт не становились достоянием масс. Соединение инициативы и опыта новаторов и передовиков соревнования с деятельностью основной массы рабочих, подтягивание основной массы рабочих до уровня передовиков — условие развития товарищеского соревнования. Задача руководства заключается в поощрении всякой творческой инициативы, широком распространении передового опыта, в подтягивании всех работников до передовых образцов труда.

Соревнование на товарищеской основе на первой фазе коммунизма тесно связано с материальным стимулированием, с распределением по труду. В экономической, а также и в философской литературе распространено мнение, будто соревнование выражает лишь моральные стимулы к труду. Нет никакого сомнения в том, что передовики и новаторы побуждаются в своей творческой деятельности общественно-материальными и моральными стимулами. Однако на стадии социализма нельзя отрывать эти стимулы от личных материальных, а также коллективных материальных стимулов, а стало быть, и в соревновании следует применять формы материального стимулирования. В. И. Ленин не раз подчеркивал необходимость материального вознаграждения за ударный труд. «Ударность,— писал он,— есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты»[1]. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что формы стимулирования труда при со-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 212.

циализме, приобретающего огромное общественное значение, не могут ограничиваться лишь повышенным вознаграждением в денежной форме. Большое значение В. И. Ленин придавал формам общественного, морального поощрения, подчеркивая необходимость разумного сочетания различных форм. В составленном В. И. Лениным и принятом IX Всероссийским съездом Советов наказе по вопросам хозяйственной работы указывалось, что «всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как орденом трудового знамени, так и денежными премиями» [1].

4. Экономические законы распределения предметов потребления

Экономическая наука уделяла сфере распределения большое внимание, и некоторые важные обобщения здесь были сделаны раньше, чем в других ее областях. Это объяснялось, в частности, тем, что экономисты и философы могли использовать сформулированные и разъясненные классиками марксизма-ленинизма известные принципы распределения на первой и второй фазах коммунизма. Отправляясь от указаний К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, учитывая запросы жизни, экономическая наука немало сделала в области обобщения опыта и разработки форм реализации принципа распределения по труду в промышленности и сельском хозяйстве.

Уже в начале 40-х годов начались поиски определенных объективных закономерностей в области распределения при социализме. Как в экономической литературе, так и в программах по политической экономии распределение по труду стало характеризоваться как экономический закон первой фазы коммунизма [2].

В упомянутой книге Н. Вознесенского в числе «законов социалистической организации труда и зарплаты» на первом месте стоит «закон распределения продуктов по труду, в зависимости от количества и качества труда,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 336.

[2] См. «Программу по политической экономии». М., 1944; статью К. В. Островитянова в журнале «Пропагандист» (1944, № 18); *его же.* Социалистическая система хозяйства и ее преимущества перед капиталистической системой. М., 1947, и др.

затрачиваемого рабочими на государственных предприятиях или крестьянами в колхозах» [1].

Закон распределения по труду (равно как и закон стоимости) вошел в макет учебника политической экономии, который был представлен для обсуждения на экономической дискуссии 1951—1952 гг., и затем занял свое место в учебной и научной литературе.

Дальнейшая разработка вопроса пошла по двум направлениям: во-первых, в направлении раскрытия содержания закона распределения по труду и, во-вторых, в направлении поисков других законов распределения. При этом среди экономистов возникли разногласия как в трактовке закона распределения по труду, так и других проблем распределения.

Как уже указывалось в главе седьмой, значительная группа экономистов, прежде всего те из них, которые ищут корни товарного производства при социализме в распределении, расценивают распределение по труду в духе стоимостной эквивалентности. Наиболее решительно и последовательно эту точку зрения обосновал М. В. Колганов, который говорил, что «использование в социалистическом хозяйстве закона стоимости связано, таким образом, с осуществлением социалистического принципа распределения по труду» [2]. Распределение по труду эта группа экономистов считает причиной и источником товарного производства при социализме именно потому, что этот способ распределения, по их убеждению, носит товарный характер.

Однако не все экономисты, трактующие распределение по труду в аспекте эквивалентности, столь последовательны. Некоторые из них делают оговорки в том смысле, что-де речь идет об особой эквивалентности, что «это эквивалентность не товарного обмена, не товарных стоимостей, а эквивалентность именно распределения по труду, т. е. распределения фонда необходимого продукта — его основной части — *пропорционально затратам общественно равного труда* каждого производителя на все производство» [3].

---

[1] *Н. Вознесенский.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны, стр. 108.

[2] «Закон стоимости и его роль при социализме», стр. 48.

[3] *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 453.

Этим разъяснением автор как бы отходит от позиции эквивалентности как основного содержания закона распределения по труду. Но в этом случае возникает законный вопрос: зачем же употреблять сомнительный термин, который имеет вполне определенный смысл? Не проще ли, не правильнее ли, вместо того чтобы сопровождать оговорками этот термин, употреблять ясный термин «пропорциональность», точно выражающий содержание закона, следуя примеру К. Маркса?

Приняв указанный принцип эквивалентности, но чувствуя, что он как-то не укладывается в закон распределения по труду, некоторые экономисты формулируют особый закон оплаты, действующий наряду с распределением по труду и, так сказать, корректирующий или дополняющий его. По их мнению, закон распределения по труду регулирует лишь дифференциацию оплаты труда, но, как пишет Е. Л. Маневич, «сам по себе, однако, не определяет уровня заработной платы. Объективным фактором, определяющим последний, является необходимость обеспечения рабочих и служащих средствами существования в объеме, потребном для воспроизводства рабочей силы» [1]. В связи с этим Е. Л. Маневич выдвигает новый «объективный экономический закон возмещения затрат рабочей силы, необходимость ее воспроизводства и удовлетворения растущих потребностей трудящихся по мере развития производительных сил социалистического общества» [2].

Закон «возмещения затрат рабочей силы» характеризуется автором как закон, свойственный всем способам производства. «Это и есть не что иное, как всеобщий закон необходимости возмещения затрат рабочей силы,— пишет Е. Л. Маневич.— Сущность этого закона, коротко говоря, заключается в том, что в условиях социализма (впрочем, как и в условиях других общественно-экономических формаций) действует объективная необходимость воспроизводства рабочей силы, восстановления затраченных в процессе производства физических и умственных сил работников, необходимость обеспечения рабочих, служащих, колхозников и их семей

[1] «Проблемы политической экономии социализма». М., 1959, стр. 178.
[2] Там же, стр. 181.

средствами существования, материальными и духовными благами... Действие закона возмещения затрат рабочей силы свойственно всем способам производства»[1].

Уже приведенная характеристика закона «возмещения затрат рабочей силы» как общего закона, свойственного всем формациям, вызывает большие сомнения. Если это действительно общий закон, то почему же классики марксизма-ленинизма не заметили его, не сформулировали его, не показали, как он действует в различных формациях и, наконец, не отметили его как важнейший закон распределения при социализме и коммунизме? Ведь если именно этот закон определяет размер, уровень оплаты труда и, следовательно, размер фонда потребления, почему ни К. Маркс, ни В. И. Ленин, характеризуя закономерности распределения на первой и второй фазах коммунизма, не упоминают о нем? Ни изобретатель этого закона, ни его последователи не могут ответить на этот вопрос, не могут привести для доказательства правильности своей концепции ни одного прямого высказывания классиков[2].

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что закономерности распределения специфичны для каждой формации. К. Маркс не раз высмеивал попытки установления общих для всех эпох принципов распределения и обеспечения работников «средствами существования, материальными и духовными благами». В частности, К. Маркс показал, что рабовладельческий способ производства покоился на полном изматывании всех физических и духовных сил раба, с тем чтобы заменить его новым рабом. Характеризуя основное правило рабовладельческого хозяйства, К. Маркс указывал, что если можно было заменить раба новым рабом, то продолжительность жизни раба становилась менее важной, чем его производительность, в то время, пока она продолжалась. «Поэтому правило рабовладельческого

[1] *Е. Л. Маневич.* Проблемы общественного труда в СССР. М., 1966, стр. 103. Эту точку зрения некритически воспринял и П. Н. Орехович (см. его книгу «Некоторые проблемы взаимосвязи производства и потребления при социализме». Ростов, 1968, стр. 106—107).

[2] Пытаясь опереться на К. Маркса, П. Н. Орехович приводит то место из первого тома «Капитала», где К. Маркс характеризует рабочую силу как товар и определяет стоимость этого товара при капитализме (см. его книгу, стр. 107).

хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действенная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно бóльшую массу труда в возможно меньший промежуток времени»[1]. Нужна очень большая фантазия для того, чтобы подвести этот способ эксплуатации рабочей силы под закон «возмещения затрат рабочей силы». В условиях рабства «возмещались» не затраты «физических и умственных сил работников», а затраты рабовладельца на приобретение раба. А это нечто совсем другое.

Каким же образом закон «возмещения затрат рабочей силы» устанавливает уровень оплаты труда или общего фонда оплаты труда? Для этой цели сторонники закона выдвигают категорию «прожиточного минимума», который, по всей видимости, рассматривается как минимальная ставка заработной платы и обеспечивает возмещение затрат простого труда. Поскольку этот минимальный размер заработной платы определен, то легко, исходя из него и необходимой дифференциации заработной платы, установить общий фонд заработной платы или в целом фонд потребления, подлежащий распределению. Остаток национального дохода, получающийся в итоге этой операции, составит не что иное, как фонд накопления[2]. Таким образом, «прожиточный минимум» и закон возмещения оказываются волшебным средством, которое помогает с большой легкостью решать множество трудных задач и делает ненужным ряд других экономических законов. Можно ли с этим согласиться?

Сомнения появляются уже при знакомстве с определением категории «прожиточного минимума». Так, С. П. Фигурнов определяет прожиточный минимум как стоимость «того количества реализуемых за деньги жизненных благ, которое при данных условиях требуется для нормального воспроизводства рабочей силы»[3]. Это одно из лучших определений, но в нем не все ясно. Если минимум обнимает все, что требуется для нормального

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 276.

[2] Таким образом, эти экономисты, осуждающие так называемый остаточный метод в распределении предметов потребления, предлагают применить его при формировании фонда накопления.

[3] *С. П. Фигурнов*. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР, М., 1960, стр. 45.

воспроизводства рабочей силы, то почему это называется минимумом и что же тогда остается сверх минимума? Ведь весь смысл определения «прожиточного минимума», по заявлению самого автора, заключается в «обосновании минимальных размеров заработной платы, низших ставок оплаты труда по профессиям и разрядам работ..»[1]. Но разве низшие ставки могут отражать затраты труда, производимые рабочими, имеющими более высокий разряд и производящими большую затрату энергии? Что значит в наших условиях нормальное воспроизводство рабочей силы, имея в виду постоянный культурно-технический подъем трудящихся? И наконец, как в количественном отношении определять этот минимум? Ответа на эти вопросы автор не дает, да их и трудно дать.

Очевидно, чувствуя уязвимость подобного определения минимума, Е. Л. Маневич выдвигает категорию так называемого прожиточного уровня. Что же представляет собой «прожиточный уровень»? Это, по мнению Е. Л. Маневича, конкретная форма выражения необходимого продукта, а «заработная плата, как конкретная экономическая форма необходимого продукта, и обеспечивает в основном этот средний прожиточный уровень»[2]. Автор не ограничивается этим, а расширяет данное определение. Прожиточный уровень, пишет он, складывается из различных доходов рабочих и служащих, а именно: заработной платы, поступлений за счет бесплатных форм распределения и подсобного хозяйства[3]. Таким образом, в «прожиточный уровень» автор включает все доходы рабочих и служащих, тем самым сводит его к установившемуся понятию уровня жизни. Но если это так, зачем же было выдумывать новый, к тому же худший и неопределенный термин вместо уже имеющегося, ясного и определенного? Во всяком случае «прожиточный уровень» Е. Л. Маневича ничего общего с «прожиточным минимумом» не имеет[4].

---

[1] *С. П. Фигурнов.* Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР, стр. 46.

[2] «Проблемы политической экономии социализма», стр. 181, 182.

[3] См. там же, стр. 181.

[4] В своей книге Е. Л. Маневич, чувствуя это, отказался от термина «прожиточный уровень» и употребляет термин «прожиточный минимум», который «призван обеспечить простое воспроизвод-

Как бы в противовес этому расширительному толкованию «прожиточного минимума» А. Г. Аганбегян и В. Ф. Майер сделали попытку дать определение действительно «прожиточного минимума». «Прежде всего заработная плата, — пишут они, — призвана обеспечивать воспроизводство рабочей силы как таковой, живого человека, независимо от количества и качества затраченного им труда. Это означает производство неквалифицированного работника, занятого легким трудом, не требующим затрат жизненной энергии, отличных от тех, которые с необходимостью совершаются в живом организме, независимо от того, работает он или нет. Очевидно, что эту роль должна выполнять минимальная заработная плата (низшая ставка или оклад)»[1].

Не вдаваясь в детали этой формулировки, отметим, что смысл ее явно противоречит закону распределения по труду, который, как известно, требует оплаты в зависимости от количества и качества произведенного труда, решительно отрицает определение и выплату заработной платы работнику «независимо от количества и качества труда» и «независимо от того, работает он или нет». Исходя из приведенной формулировки, минимальная заработная плата должна определяться и выплачиваться всем гражданам Советского Союза независимо от их участия в общественном труде. Иначе говоря, минимальная заработная плата — это не оплата выполненной работы, а лишь минимально необходимое количество средств существования, необходимое для поддержания и воспроизводства «рабочей силы как таковой». Что же касается действительно выполняемой работы, то за нее должна, очевидно, выплачиваться некая до-

---

ство рабочей силы. Другими словами, это нижняя граница оплаты простого труда» (*Е. Л. Маневич.* Проблемы общественного труда в СССР, стр. 105). Но страницей ниже автор, раскрывая содержание понятия, пишет, что прожиточный минимум включает в себя заработную плату, фонды общественного потребления, доходы от личного подсобного хозяйства и прочие дополнительные заработки и доходы. Одним словом, все то, что раньше называлось «прожиточным уровнем», автор называет теперь «прожиточным минимумом». От перемены названий позиция автора не стала ни более ясной, ни более убедительной.

[1] *А. Г. Аганбегян, В. Ф. Майер.* Заработная плата в СССР. М., 1959, стр. 10—11.

полнительная заработная плата, учитывающая количество и качество труда.

Уже приведенные определения показывают, что попытки изобразить «прожиточный минимум» как основу для планирования заработной платы являются искусственными. Это чувствуют многие экономисты. Так, С. П. Фигурнов, отдавший вначале некоторую дань увлечению «прожиточным минимумом» как необходимым фактором «при обосновании минимальных размеров заработной платы», в заключение приходит к здравому выводу о том, что нельзя выдавать «прожиточный минимум» за единственный и даже за главный фактор, определяющий уровень заработной платы при социализме, что «механическое отождествление объективной основы реальной заработной платы с прожиточным минимумом является несостоятельным» и что, наконец, такая трактовка вопроса «не раскрывает качественной специфики в характере образования реальной заработной платы при социализме и равнозначна перенесению на социалистическую экономику не свойственных ей принципов и закономерностей капиталистического хозяйства» [1].

Что же в действительности лежит в основе определения размеров оплаты труда и нужно ли для этого выдумывать новые законы возмещения и эквивалентности вместе с их главным орудием — «прожиточным минимумом»? По нашему мнению, действительной основой для определения размеров заработной платы являются известные нам экономические законы. Исходным для определения фонда заработной платы и фонда потребления является прежде всего достигнутый в стране уровень жизни, с которым приходится считаться как с объективным фактором. Необходимо считаться также с требованиями основного экономического закона, закона неуклонного роста благосостояния трудящихся, согласно которым уровень жизни членов социалистического общества может и должен повышаться. В этом же направлении действует и закон распределения по труду, поскольку он отражает рост культурно-технического уровня работников и рост производительности труда. В каких пределах возможно повышение жизненного

[1] *С. П. Фигурнов.* Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР, стр. 47.

уровня? Этот вопрос решается в зависимости от общего объема национального дохода и той пропорции, в которой он по необходимости распадается на накопляемую и потребляемую часть. Эта пропорция определяется законом социалистического накопления, который, кстати сказать, наряду с законом неуклонного роста производительности труда определяет и необходимый рост численности занятых работников и возрастание фонда заработной платы по этой причине.

Распределение фонда заработной платы происходит на основе закона распределения по труду, который регулирует пропорции этого распределения между отдельными участниками коллективного производства в соответствии с их участием в общем труде, количеством и качеством их труда. Вопрос о минимальной (а также максимальной) заработной плате встает иногда в планировании, прежде всего как вопрос о необоснованных разрывах в оплате отдельных работ, профессий, квалификаций, другими словами, как вопрос о соблюдении требований закона распределения по труду. Один только общий подъем культурно-технического уровня, рост квалификации работников все время меняют объективные условия для дифференциации в оплате труда, и планирующие организации должны это учитывать.

Позиция возмещения затрат рабочей силы на основе эквивалентности в распределении не только практически бесплодна, но и может нанести вред в идеологической работе, в силу того что она вольно или невольно переносит товарные отношения в сферу распределения и тем самым приписывает товарный характер рабочей силе. Не случайно экономисты, вставшие на эту позицию, хотя иногда и клянутся на словах, что рабочая сила при социализме не товар, на деле приходят почти к полному отождествлению оплаты труда при капитализме и социализме. Так, А. Г. Аганбегян и В. Ф. Майер в упомянутой книге заявляют: «Форма платы за труд, которой обладает заработная плата в социалистическом обществе, идентична со свойственной заработной плате при капитализме формой цены труда». Далее авторы развивают эту мысль: «Принцип трудового эквивалента, или отношение эквивалентности, присущ как распределению по труду, так и той форме, в которой продается при капитализме товар рабочая сила. Эта общая черта спо-

собствует сохранению за долей работника в общественном продукте формы заработной платы»[1].

Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что авторы почти отождествляют оплату труда при капитализме и социализме. Они забыли замечание К. Маркса о том, что содержание и форма оплаты труда при социализме изменяются. Сходство терминологии (оплата труда, заработная плата) они толкуют как идентичность форм оплаты, а «принцип трудового эквивалента» рассматривают как содержание оплаты труда и при капитализме и при социализме. Грубая ошибочность этих положений не требует разъяснений. Стремление сблизить природу и форму оплаты труда при капитализме и социализме у авторов привело к тому, что они несколько приукрасили капитализм, приписав ему «принцип трудового эквивалента» в распределении. Между тем хорошо известно, что при капитализме рабочий получает не по труду, а по стоимости рабочей силы.

Логическим завершением в развитии концепции эквивалентности в распределении и «возмещении затрат рабочей силы» явились выступления некоторых экономистов за признание товарного характера рабочей силы и категории ее стоимости при социализме. Так, В. Корниенко и Ю. Пахомов, исходя из наличия товарного производства при социализме, квалифицируют и рабочую силу как товар, который продается, покупается и имеет стоимость[2]. Х. М. Мифтахов в брошюре «Стоимость рабочей силы при социализме» исходит непосредственно из высказываний Е. Л. Маневича и его сторонников. Закон распределения по труду, пишет он, не определяет уровня оплаты труда, для этого нужно признать возмещение затрат рабочей силы, а это означает признание стоимости рабочей силы при социализме. «Для гармонического сочетания интересов личности и общества, — подчеркивает Х. М. Мифтахов, — требуется строгое соблюдение принципа эквивалентности в экономических отношениях между индивидуальными производителями и обществом... Объективной основой определения минимума реальных доходов работников социали-

---

[1] *А. Г. Аганбегян, В. Ф. Майер.* Заработная плата в СССР, стр. 17, 19.

[2] См. «Экономика Советской Украины», 1966, № 9, стр. 30.

стического производства является стоимость рабочей силы» [1].

Автор брошюры не открыл ничего нового, он лишь проявил последовательность и довел вышеназванную концепцию до ее логического конца.

Закон «возмещения затрат рабочей силы» появился как своеобразная реакция на нарушения закона распределения по труду. Вместо того чтобы глубже вскрыть содержание закона распределения по труду, обосновать необходимость его учета и использования в практике, некоторые экономисты ударились в крайность. Они стали развенчивать распределение по труду и вместо него выдвигать чуждый социализму принцип стоимостной эквивалентности, или «возмещения затрат рабочей силы».

Ненужность и искусственность закона «возмещения затрат рабочей силы» становятся особенно ясными, когда он включается его сторонниками во всю выдвигаемую ими систему законов распределения предметов потребления. Так, Я. А. Кронрод, отметивший заслугу Е. Л. Маневича в разработке этого закона, дает следующий перечень законов распределения: закон возмещения затрат рабочей силы, закон оптимального обеспечения развивающихся жизненных условий участников производства, закон распределения по труду, закон формирования индивидуальных доходов населения, закон обеспечения благосостояния всем членам общества и т. д. [2]

Уже этот перечень показывает, что законам здесь тесновато. Закон оптимального обеспечения развивающихся жизненных условий явно дублируется законом обеспечения благосостояния всем членам общества. При наличии этих двух законов да еще закона распределения по труду закону «возмещения затрат рабочей силы» места не остается.

Это вовсе не значит, что законом распределения по труду исчерпываются все законы распределения. К ним, например, относится закон неуклонного роста благосостояния трудящихся. Кстати, вряд ли его следует пере-

---

[1] *Х. М. Мифтахов.* Стоимость рабочей силы при социализме. Ташкент, 1968, стр. 20, 29.

[2] См. *Я. А. Кронрод.* Законы политической экономии социализма, стр. 457, 500.

именовывать и заменять менее ясной формулой — «закон обеспечения благосостояния всем членам общества». Как уже указывалось, учет закона неуклонного роста благосостояния трудящихся имеет очень большое значение в практике планирования и распределения предметов потребления, поскольку именно этот закон в сочетании с законом распределения по труду (и некоторыми другими законами) лежит в основе определения уровня, размера благ, поступающих в распоряжение членов общества. Этот закон отражает как исторически сложившийся жизненный уровень, так и необходимость его повышения в меру роста производства.

Каков механизм этого повышения с точки зрения деления труда и его продукта на необходимый и прибавочный? Для условий капитализма К. Маркс формулирует положение о расширении прибавочного труда (и его продукта) за счет необходимого по мере роста производительности труда [1]. Для коммунистической формации К. Маркс дает другую формулу, которая является гениальным предвосхищением одной из важных закономерностей нового способа производства. В конце главы XV первого тома «Капитала» К. Маркс пишет: «Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны, потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления» [2].

К. Маркс показывает здесь, как и в «Критике Готской программы», что в условиях коллективного производства фонд накопления и резервный фонд не противостоят производителям, как нечто чуждое, а являются столь же важными для них, что и фонд текущего личного потребления, выделение этих фондов из общего продукта есть жизненная необходимость, ставящая из-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 325, 418 и др.
[2] Там же, стр. 539.

вестные границы и для фонда потребления. Далее, и это представляет в данной связи особый интерес, К. Маркс указывает, что размер средств, идущих в личное потребление, должен расширяться, и условия жизни становятся богаче за счет части прибавочного продукта в узком смысле слова.

Социалистическая действительность подтверждает это предвидение К. Маркса. Социализм, обеспечивая быстрый и непрерывный рост производства и подъем культурного уровня населения, определяет быстрое расширение жизненных потребностей членов общества. Одновременно с этим идет процесс повышения жизненного уровня путем превращения части прибавочного продукта в необходимый и расширение рамок необходимого продукта. Это расширение является результатом как повышения оплаты по труду, так и увеличения фондов общественного потребления. Рост производительности труда и прибавочного продукта служит источником для повышения жизненного *уровня* членов общества. Средства *для увеличения фонда потребления* создаются как прибавочный продукт, но в результате перераспределения они входят в жизненный уровень населения и превращаются в необходимый продукт.

Особую область отношений распределения составляют общественные фонды потребления, главным назначением которых является обеспечение условий для социалистического воспроизводства, поддержания и всестороннего развития членов общества как активных участников производства. Это несомненно новый экономический закон коллективного производства. В свете этого закона еще более неуместным выглядят перенесенные на социалистическую почву закон «стоимости рабочей силы» и родственный ему закон «возмещения затрат рабочей силы».

Законы распределения в то же время суть законы производства, они действуют в теснейшей связи со всеми другими экономическими законами. Так, закон распределения по труду органически связан с законом неуклонного роста производительности труда. Играя роль могучего стимула материальной заинтересованности в труде, распределение по труду способствует творческой активности людей в процессе неуклонного роста производительности труда и всего общественного производства.

Об этом нельзя забывать, ибо всякое нарушение закона распределения по труду неизбежно ведет к отрицательным явлениям в области производства.

5. Политическая экономия и математика

Одной из важных и многообещающих тенденций развития науки в современную эпоху является все большее проникновение математики во все сферы научной деятельности. Если раньше применение математики ограничивалось физикой, астрономией, химией, то теперь она завоевывает биологию, лингвистику, экономическую науку и другие отрасли знания. Традиционное деление наук на точные и «неточные» делается в связи с этим все более условным. Тенденция математизации наук далеко не случайна, она тесно связана с общей линией развития науки, а именно с возрастанием роли логического познания, фундаментальных или теоретических наук.

Особое значение имеет проникновение математики в область экономической науки, являющейся основой наиболее эффективного руководства хозяйством. В этой области значение точного расчета помножается на громадные масштабы хозяйства, высокие темпы его развития, ответственность расчетов на перспективу. Задача заключается в том, чтобы шире применять математические методы в экономической теории, всячески облегчать и налаживать творческое содружество математиков и экономистов.

Эти, казалось бы, азбучные положения встречают еще серьезное противодействие в среде экономистов. Так, в сборнике «Система экономических наук» в статье А. М. Еремина отрицается возможность применения математических методов в политической экономии. Допуская применение математики в статистике, планировании и конкретных отраслях экономических дисциплин, автор статьи утверждает, что призывы к математизации марксистской политической экономии «объективно направлены опять-таки на свертывание политической экономии...» [1].

[1] «Система экономических наук», стр. 62.

Автор целиком присоединяется к О. Конту, который отвергал ту мысль, что любая отрасль науки становится подлинной наукой, если она проникается математикой. Марксистская политическая экономия не нуждается в математике, пишет он, «ее научность доказана построением социализма и всеми экономическими достижениями нашей страны». Аргумент этот столь же удивителен, сколь и несостоятелен. Речь идет не о том, чтобы доказывать научность политической экономии при помощи математики, а о том, чтобы успешно развивать политическую экономию, повышать степень точности, действенности и, стало быть, научности ее выводов. И поскольку речь идет о марксистской политической экономии, решающее слово здесь принадлежит, конечно, не О. Конту, а К. Марксу, который, согласно свидетельству П. Лафарга, говорил буквально следующее: «...наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой»[1]. Провозгласив это важное положение, К. Маркс показал высокие образцы применения математического метода в политической экономии.

А. М. Еремин заявляет: «...математическая формула основного экономического закона может быть так же бессмысленна и бесполезна, как математические формулы классовой борьбы, отношений социалистической собственности или принципа материальности мира»[2]. Судя по этому утверждению, автор просто незнаком с работами К. Маркса, который не только сформулировал основной экономический закон капитализма как закон эксплуатации наемного труда капиталом, но и дал математическую формулу этого закона. Отношение $\frac{m}{v}$ (прибавочной стоимости к переменному капиталу) дает точную количественную характеристику степени эксплуатации (нормы прибавочной стоимости) в каждый данный момент. Исчисления нормы прибавочной стоимости, которые производятся экономистами-марксистами на основе формулы К. Маркса, показывают резкий рост эксплуатации рабочих и имеют огромное значение для классовой борьбы пролетариата.

Но К. Маркс не ограничился этим. Развивая далее теорию прибавочной стоимости, К. Маркс в главе IX пер-

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 66.
[2] «Система экономических наук», стр. 63.

вого тома «Капитала» дает математические формулы трех законов массы прибавочной стоимости, а в главе XV формулирует количественные соотношения прибавочной стоимости, с одной стороны, и изменений в величине рабочего дня, интенсивности и производительности труда — с другой. Вслед за тем К. Маркс дает формулу нормы прибыли $\frac{m}{c+v}$, исследует (в третьем томе «Капитала») тенденцию нормы прибыли к понижению и противодействующие этому понижению обстоятельства. К. Маркс пишет специальный труд «Норма прибавочной стоимости и норма прибыли, трактуемые математически», который, к сожалению, не был закончен и хранится в рукописи на немецком языке в Институте марксизма-ленинизма. Рукопись эта представляет большой интерес, и можно лишь сожалеть, что она до сих пор не опубликована. В нашей литературе она была, насколько нам известно, использована лишь Н. К. Лопыревым [1].

Анализируя процесс воспроизводства, К. Маркс также прибегает к помощи математических формул. Большой интерес представляет его мысль, высказанная в письме к Ф. Энгельсу от 31 мая 1873 г., о возможности вывести математическим путем главные законы экономических кризисов. К. Маркс писал: «Я рассказал здесь Муру одну историю, с которой privatim * долго провозился. Но он думает, что вопрос неразрешим или, по крайней мере, pro tempore ** неразрешим ввиду многих и большей частью еще лишь подлежащих обнаружению факторов, относящихся к этому вопросу. Дело в следующем: ты знаешь таблицы, в которых цены, учетный процент и т. д. и т. д. представлены в их движении в течение года и т. д., в виде восходящих и нисходящих зигзагообразных линий. Я неоднократно пытался — для анализа кризисов — вычислить эти up and downs *** как неправильные кривые и думал (да и теперь еще думаю, что с достаточно проверенным материалом это возможно) математически вывести из этого главные законы кризисов» [2].

[1] См. *Н. К. Лопырев.* Развитие теории производительности труда. М., 1965.

* — между нами говоря.

** — временно.

*** — повышения и понижения.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 71—72.

Уже эта краткая справка позволяет сделать вывод о том, что К. Маркс не только признавал возможность применения математики в политической экономии, но и пользовался ею в широкой степени как важным методом анализа, познания действительности и выведения новых законов.

Нет сомнения в том, что применение математики вполне возможно и необходимо и в области политической экономии социализма. Более того, возможности ее применения здесь расширяются, а значение повышается в силу новой природы хозяйства.

Нигилистическое отношение к применению математики в политической экономии базируется на представлении об экономических законах как неких неустойчивых и противоречивых тенденциях, действие которых зависит от поведения, желания и воли людей. Согласно этому представлению, законы природы — особенно неживой — ясны и определенны, их можно выражать математическими формулами. Законы же развития общества, как результат поведения и действия одаренных сознанием людей, в изменяющейся исторической обстановке нельзя выражать в четких математических формулах. Эта точка зрения имеет еще немало сторонников. К ним относится, в частности, А. М. Еремин. Закономерности, изучаемые политической экономией, пишет он, «носят исторический характер, изменяются и модифицируются на исторических этапах и внутри них. Эти закономерности, далее, проявляют себя не «в одиночку», а в системе закономерностей (существует механизм экономических законов), что дает ограниченные возможности для их индивидуализированного измерения. Любая экономическая величина — результат сложного взаимодействия определенной совокупности закономерностей, и раскрытие его — дело качественного анализа» [1].

Разберем эти аргументы. Экономические законы действительно носят исторический характер. Каждому способу производства свойственны свои специфические экономические законы, в связи с чем и немногие общие законы, присущие разным формациям, изменяют свое действие. Но это обстоятельство отнюдь не исключает

[1] «Система экономических наук», стр. 63.

математической трактовки этих законов, что превосходно показано К. Марксом применительно к экономическим законам капитализма.

Экономические законы действуют не «в одиночку», а в системе, во взаимодействии, что, конечно, осложняет их познание. Но ведь и законы природы не действуют «в одиночку», однако это не исключает возможности их познания, в том числе их математического выражения. Это в полной мере относится и к законам экономическим. Модификация действия закона в зависимости от конкретных условий места и времени не отрицает самого закона и не касается его природы, а поэтому также не препятствует его количественной трактовке. Более того, лишь зная закон в чистом виде, можно правильно объяснить ту или иную его модификацию.

Другими словами, приведенные автором аргументы нельзя признать состоятельными. Качественный анализ экономических процессов не исключает количественного. Он создает для него научную основу и предполагает его. И наоборот, количественный анализ углубляет, конкретизирует качественный. Поэтому и роль математики в политической экономии, по-видимому, нельзя ограничивать лишь одной количественной стороной. Мы склонны в этом отношении согласиться с немецким философом-марксистом Г. Клаусом, который, подчеркивая для политической экономии необходимость «интенсивней, чем до сих пор, пользоваться математическими методами», вместе с тем указывает, что, например, в формулах нормы прибавочной стоимости, нормы прибыли, простого и расширенного воспроизводства, поскольку они касаются характеристики существенных соотношений экономических констант, «одновременно речь идет также и о некотором качественном определении и, следовательно, о выражении в виде формул диалектического единства количества и качества» [1].

[1] *Г. Клаус.* Кибернетика и общество. Перевод с немецкого. М., 1967, стр. 210. Автор далее еще раз подчеркивает: «Утверждение о том, что марксистская политическая экономия превращается в точную науку только благодаря всеобъемлющему применению математики и введению математических методов, нельзя отвергнуть указанием на то, что она будто бы является истинной наукой и без этого приложения, так как ее законы и категории правильно отражают действительность и поэтому она в ее значении для прогресса человечества не отстает ни от одной другой естественно-

Количественный анализ в политической экономии дает возможность глубже, полнее раскрыть качественную сторону того или иного явления и тем самым полнее использовать возможности, заключенные в экономических законах. Если бы мы смогли выразить некоторые экономические законы при социализме в четких математических формулах, это дало бы в руки плановых и хозяйственных работников неоценимое оружие в борьбе за повышение эффективности производства.

Но А. М. Еремин решительно выступает против этой мысли. Характеризуя экономические законы, он пишет: «Законы политэкономии — это законы, выражающие генеральные тенденции движения экономических отношений. Но любому такому закону... свойственны противоречия, не позволяющие трактовать его требования формально и утилитарно»[1]. Иными словами, политическая экономия, по его мнению, имеет дело лишь с самыми общими тенденциями развития, с самыми общими законами, которым к тому же свойственны некие противоречия и поэтому нельзя эти законы «трактовать формально и утилитарно», т. е. нельзя выражать их в математической форме и рассматривать как научную основу хозяйственной деятельности[2]. Политической экономии, по этой версии, отводится незавидная роль дисциплины,

---

научной дисциплины. В основе подобных взглядов лежит не до конца еще преодоленный предрассудок о том, что математика — это исключительно наука о числах. Математика, как мы утверждаем в течение очень многих лет, вполне в состоянии представлять также и качества» (стр. 214).

[1] «Система экономических наук», стр. 63.

[2] Почему противоречия в общественной жизни должны препятствовать более глубокому познанию и использованию законов — это остается секретом автора. Его трактовка весьма напоминает позицию аббата Лелотта, выраженную им в книге «Решение проблемы жизни». Лелотт пишет: «Современная наука приходит к отрицанию строгой причинности законов и признает в их действиях некоторую область случайности — область, в которой разыгрываются исключения из закономерности. В таком понимании чудо совершалось бы именно в этой области, расширяя ее или, наоборот, сужая. Чудо оказалось бы тогда вмешательством божьим, действующим на волю случайности в естественных законах, с тем чтобы повлиять на наши умы». Лелотт по крайней мере последователен. Он ищет в законах природы щель, через которую божественное провидение могло бы проявить себя чудом и тем самым повернуть наши умы от науки к религии (*Ferdinand Lelotte.* La Solution du probleme de la vie. Synthese du catholicisme. Paris, 1963).

имеющей дело с общими рассуждениями и общими характеристиками, витающей в облаках и оторванной от жизни. В свое время, на первых этапах своего формирования, политическая экономия социализма по необходимости ограничивалась общими суждениями и общими характеристиками. Но жизнь и наука с тех пор далеко ушли вперед и пытаться сейчас вернуть экономическую теорию к давно прошедшим временам — это значит вести дело «на свертывание политической экономии». Данная позиция находится в кричащем противоречии с требованиями жизни и современным уровнем развития науки.

Повышение научного уровня руководства хозяйством требует не только учета действия известных нам экономических законов, но и расширения круга познанных законов, а также раскрытия уже известных нам законов в ряде законов частных сфер, что как раз и создает прочную базу для количественного анализа и применения математических методов.

Из сказанного ясно, что если политическая экономия социализма по необходимости должна выходить и уже выходит за пределы общих формул и общих определений, то и так называемые конкретные экономики должны по необходимости превращаться из преимущественно описательных в какой-то мере в теоретические дисциплины. Выявление ряда законов частных сфер, установление многих количественных зависимостей и частных математических формул, раскрытие особенностей действия экономических законов в зависимости от специфических условий той или иной отрасли, наконец, разработка наиболее эффективных форм использования экономических законов при социализме и методов хозяйственного руководства в данных отраслях — эти задачи стоят как перед политической экономией, так и перед конкретными экономическими дисциплинами.

Но если это так, то вряд ли между этими дисциплинами нужно ставить тот непреодолимый барьер, который воздвигают или имеют тенденцию воздвигать некоторые экономисты. Во всяком случае классики марксизма-ленинизма этого барьера не признавали. Достаточно прочитать «Капитал», чтобы убедиться в этом. Как мы уже указывали, К. Маркс не ограничивается общими форму-

лами наиболее общих законов и генеральными тенденциями, а, углубляя анализ, раскрывает эти законы в ряде законов частных сфер. Ф. Энгельс в рецензии на работу К. Маркса «К критике политической экономии» писал: «...это сочинение с самого начала построено на систематическом охвате всего комплекса экономических наук, на связном изложении законов буржуазного производства и буржуазного обмена» [1].

Восхождение от абстрактного к конкретному у К. Маркса есть переход не от теоретического анализа к описанию поверхности явлений, а от анализа глубинной сущности основных первоначальных отношений к анализу производных, от установления более общих законов к установлению законов частных сфер. Но тогда так называемые конкретно-отраслевые дисциплины должны быть не чем иным, как продолжением и развитием политической экономии в определенных областях.

Итак, в то время как А. Еремин доказывает невозможность и даже опасность применения математических методов в политической экономии, жизнь идет вперед, идет вперед и процесс математизации наук, в том числе и экономических. Это обстоятельство нашло свое отражение и в ныне действующей программе курса политической экономии для высших учебных заведений. Целый ряд вопросов, поставленных в программе, невозможно основательно изучить без анализа определенного статистического материала и применения хотя бы самых элементарных математических методов. Но наши преподаватели встречаются здесь с большими трудностями по той простой причине, что в научной литературе эти вопросы не разработаны. Наука явно отстает в этом отношении от запросов жизни.

Большая вина лежит на прямых противниках внедрения математических методов в политическую экономию. Они игнорируют прогрессивную тенденцию развития науки, становясь в то же время в интересную позу новаторов; из-за их сопротивления тормозится разработка методологических вопросов применения математики в политической экономии. Г. Клаус прав, когда он пишет: «При теперешнем, крайне недостаточном применении

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 494.

математики к политической экономии все дело, по нашему мнению, заключается прежде всего в неясностях основополагающих методологических и теоретико-познавательных вопросов»[1].

Позиция противников применения математики в политической экономии тормозит и разработку назревших задач выявления законов частных сфер и, следовательно, подготовку экономистами необходимых «площадей», на которых могли бы развернуться со своим аппаратом математики. Их позиция мешает и преодолению существующего до сих пор разрыва между экономистами и математиками, между тем как назревшей задачей является сближение и установление творческого сотрудничества между ними.

Разумеется, нельзя ни на минуту забывать и о другой опасности, а именно о некритическом восприятии концепций буржуазных эконометриков, абсолютизирующих количественный метод анализа экономических явлений и подменяющих качественный анализ количественным. В этом случае математический аппарат превращается в самоцель, в результате чего получаются формулы, схватывающие лишь внешние, поверхностные связи, которые не только не служат целям более глубокого познания сущности нового строя, а, наоборот, могут использоваться для затушевывания коренных различий между капиталистической и социалистической системами хозяйства, для подмены марксистской политической экономии «математической экономией». Не случайным является тот факт, что в некоторых работах, посвященных применению математических методов в экономике, при трактовке важнейших экономических проблем социализма все сводится к формулам, отражающим преимущественно движение или соотношение вещественных элементов производства безотносительно к социально-экономическим условиям.

Возможно, что позиция, отрицающая применение математики в политической экономии, отчасти питается опасениями, которые возникают при знакомстве с работами подобного рода. Однако нельзя отрицать назревшую необходимость применения математики в политической экономии только на том основании, что сущест-

[1] *Г. Клаус.* Кибернетика и общество, стр. 227.

вует опасность ее неправильного применения. Следует помнить, что главным условием развития математических методов в политической экономии является марксистский качественный анализ, готовящий соответствующие методологические предпосылки для успешного применения математики в экономической науке.

Глава одиннадцатая

ПОЗНАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ — НАУЧНАЯ ОСНОВА РУКОВОДСТВА ХОЗЯЙСТВОМ

1. Содержание и формы использования экономических законов

Объективный характер экономических законов социализма и его признание людьми не только не умаляет, а, наоборот, повышает роль субъективного фактора в развитии хозяйства. Изучение объективно действующего закона позволяет человеку понять закономерную связь явлений и поставить его себе на службу. В. И. Ленин, ссылаясь на Ф. Энгельса, писал: «...пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячу раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания,— мы господа природы» [1].

Люди становятся господами природы в том смысле, что они ставят открытые ими законы себе на службу, и в той степени, в какой они познали эти законы и умеют использовать их для достижения своих целей.

Данное положение применимо как к законам природы, так и к законам развития общества, в том числе и экономическим. Г. В. Плеханов писал, что познание экономической необходимости дает «возможность нового и окончательного торжества *сознания* над *необходимостью, разума* над слепым *законом*». Принципиальное различие в подходе к этому вопросу между идеалистом и материалистом-диалектиком Плеханов выразил следующим образом: «Я — червь, говорит идеалист. Я — червь, пока я невежествен, возражает материалист-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 198.

диалектик; но я — бог, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus!» [1]

Признание объективного характера экономических законов не имеет ничего общего с пассивностью в руководстве хозяйством, ставкой на самотек, на действие неких автоматических регуляторов, благодаря которым все образуется само собой и в наилучшем виде. Без активных действий людей немыслим никакой хозяйственный процесс, тем более невозможно использование преимуществ социалистической экономики. Но для повышения эффективности этих действий нужен научный расчет. Все более глубокое познание, правильный учет и использование экономических законов в хозяйственном руководстве и планировании позволяет вести хозяйство на научной основе и тем самым избегать потерь, ускорять темпы и неуклонно повышать эффективность общественного производства.

Следует различать ступени познания и использования экономических законов, как и законов природы. Первой ступенью является эмпирически-практическое приспособление к существующим объективным условиям, которое иногда закрепляется в определенных написанных или зафиксированных на бумаге правилах поведения, высшей ступенью — научное познание и сознательное использование объективной закономерности.

Мы не можем согласиться с утверждениями некоторых экономистов о том, будто «сознательный характер использования экономических законов есть исключительное преимущество социализма, ибо только здесь

---

[1] *Г. В. Плеханов.* Соч., т. VII. М. — Л., 1925, стр. 243, 244. Попутно небезынтересно привести характеристику, которую Плеханов дает субъективистам, изобразив их в виде синицы, захотевшей зажечь море: «Синица уверяет, что она — героическая птица и что ей, в качестве таковой, ничего не стоит зажечь море. Когда ее приглашают объяснить, на каких физических или химических *законах* основывается ее план зажжения моря, она попадает в затруднение и, чтобы выпутаться из него, начинает бормотать грустным и неразборчивым говорком, что, мол, это так ведь говорится «законы», а в сущности законы ничего не объясняют, и никаких планов на них обосновать невозможно; что надо уповать на счастливый случай, так как давно уже известно, что на грех и из палки выстрелишь, но что вообще la raison finit toujours par avoir raison» (там же, стр. 241).

имеет место познание законов и надлежащим образом организованное их использование»[1]. Познание экономических законов и их использование имеют место и в условиях капитализма, но они ограничены рамками частного хозяйства и частнохозяйственной прибыли. Иными словами, как уже указывалось, экономические законы в рамках капитализма не могут быть использованы в интересах всего общества. В условиях же социализма в силу единства всего хозяйства и общей для всех производителей цели производства экономические законы как законы единства и содружества производителей в общем деле могут быть использованы обществом в интересах развития всего общественного производства. В связи с этим здесь расширяются и возможности их научного познания людьми.

Научное познание и использование объективных условий неизмеримо эффективнее, чем эмпирическое приспособление к ним. Этим определяется громадное значение экономической теории для практики хозяйственного строительства.

Познание экономических законов, как и законов природы, представляет бесконечный процесс, идущий как вширь — по линии выявления новых законов, так и вглубь — по линии раскрытия содержания, механизма действия и взаимодействия законов.

И с теоретической и с практической стороны очень важно проводить различие между процессом *познания* закона и процессом *использования* его на практике. Одно дело открытие того или иного экономического закона, установление механизма его действия и другое дело — его учет и использование в хозяйственном строительстве. Применение закона зависит не только от уровня его познания, научной разработки, но и от экономической грамотности хозяйственных кадров, от их опыта и организаторских способностей, от уровня развития и трудовой активности масс.

Ф. Энгельс применительно к капитализму отмечал: «Одного только познания, даже если оно идет дальше

---

[1] См. интересную работу С. С. Дзарасова «Экономические методы управления». М., 1969, стр. 26. Еще более резко формулирует эту мысль В. А. Бадер, который заявляет, что капитализм «исключает возможность сознательного использования экономических законов» (*В. А. Бадер.* Социалистический продукт, стр. 180).

и глубже познания буржуазной политической экономии, недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*»[1], т. е. социалистическая революция. Приведенное замечание Ф. Энгельса имеет большое значение и для условий победившего социализма. Социалистическая революция создает полную возможность для подчинения общественных сил господству общества. Но это лишь возможность. И при социализме для реального подчинения общественных сил обществу недостаточно одного их познания, необходимо общественное действие, которое в этом случае включает в себя организацию коллективных трудовых усилий миллионов производителей для достижения единой цели.

Однако использование экономических законов людьми в их практической деятельности, в решающей степени зависящее от субъективного фактора, нельзя смешивать с самим законом, его сущностью, его действием. Между тем такое смешение встречается часто[2].

Что же означает использование экономических законов? На этот вопрос в экономической литературе даются самые различные ответы, как-то: а) умение подчиняться экономическим законам; б) умение ограничивать сферу действия и силу влияния одних законов и давать больший простор другим; в) умение комбинировать и координировать законы наиболее выгодным образом и т. д.[3]

Например, В. Г. Афанасьев считает, что использование законов состоит в том, чтобы «привести в соответствие с требованиями законов самую субъективную деятельность людей, дать простор действию законов, обеспечивающих оптимальную структуру и функциони-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 329—330.

[2] Так поступает, например, Л. И. Абалкин, заявляя, что «сознательное использование экономических законов социализма становится основной... формой действия экономических законов социализма» («Капитал» Маркса и политическая экономия социализма». М., 1967, стр. 45).

[3] В связи с этим обычно ссылаются на замечание Плеханова: «Для нас свобода личности заключается в знании законов природы, — т. е., между прочим, и истории, — и в умении *подчиняться* этим законам, т. е., между прочим, и *комбинировать их наивыгоднейшим образом*» (*Г. В. Плеханов*. Соч., т. II. М., 1923, стр. 113).

рование системы...»[1]. По мнению же С. В. Солодковой, использование экономических законов означает такое их применение на практике, когда «если те или иные последствия закона нежелательны, то люди, будучи не в силах отменить закон, станут хозяйствовать так, чтобы оградить себя от этих нежелательных последствий. Они с помощью других законов будут стремиться свести на нет или уменьшить отрицательные результаты данного закона»[2]. Некоторые авторы, характеризуя использование экономических законов, включают сюда все вышепоименованные моменты[3].

Но подобная трактовка вопроса вызывает большие сомнения. Как увязать подчинение экономическим законам с их ограничением, «усилением», комбинированием? Если люди могут «ослаблять», ограничивать или, наоборот, «усиливать» законы по собственному желанию, то о каком подчинении этим законам может идти речь? Поскольку речь идет об экономических законах, имеющих объективный характер, то могут ли люди по своему желанию ограничивать, ослаблять, комбинировать эти законы? Допустимо ли, к примеру, говорить о расширении или сужении сферы действия закона тяготения? Но столь же недопустимо применять подобный подход к законам экономическим. Люди могут менять формы и методы использования закона, но не сам закон. Если же сфера действия того или иного закона действительно меняется, если, скажем, рабочая сила при социализме не является товаром, то это обстоятельство не есть результат желания людей, «ограничивающих» сферу действия закона стоимости, а результат новых общественных условий, изменяющих его действие при социализме.

Для того чтобы подойти к правильному пониманию использования экономических законов, необходимо сделать дальнейший шаг в направлении раскрытия содержания закона. В нашей литературе утвердилось одностороннее толкование экономического закона лишь как

---

[1] *В. Г. Афанасьев.* Научное управление обществом. М., 1968, стр. 271.

[2] *С. В. Солодкова.* Экономические законы и их использование при социализме. М., 1963, стр. 34.

[3] См. *В. Н. Черковец.* Планомерность социалистического производства, стр. 147—148.

выражения объективной необходимости[1]. Экономический закон действительно выражает определенную объективную *необходимость*. Но этим не исчерпывается содержание закона. Экономический закон, кроме того, заключает в себе и определенную объективную *возможность*. Таким образом, каждый экономический закон, выражая то или иное производственное отношение, представляет из себя единство *объективной необходимости и объективной возможности*.

В связи с этим использование экономических законов, как и законов природы, означает умение считаться с объективной необходимостью, заключенной в законе, с объективными условиями, с одной стороны, и умение использовать для определенной цели объективные возможности, заключенные в законе, с другой стороны. Познание объективной необходимости показывает, что в определенных условиях люди должны действовать именно так, а не иначе, хотят они этого или не хотят, нравится им это или нет. Так, членам социалистического общества, скажем, очень хотелось бы организовать распределение предметов потребления по потребностям. Это желание в истории нашей страны иногда выливалось в конкретные формы в виде различных попыток, приводивших в итоге к уравниловке. Между тем условия социализма определяют объективную необходимость распределения не по потребностям, а по труду.

Познание объективной возможности показывает, в каких случаях и в каких направлениях действия людей будут наиболее эффективными. Например, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, с одной стороны, означает объективную необходимость планомерного, согласованного развития народного хозяйства, правильных пропорций между отраслями, а с другой — громадные возможности, вытекающие из планового характера хозяйства.

---

[1] В наиболее отчетливой форме это толкование дано в брошюре С. В. Солодковой. «Представляется, что правильнее было бы *характеризовать экономические законы как необходимости, применяемые обществом для организации хозяйственной практики*» (*С. В. Солодкова*. Экономические законы и их использование при социализме, стр. 34). Отсюда вытекает и понимание использования законов как учет необходимости.

Объективная экономическая необходимость очерчивает рамки социалистического хозяйствования, указывает направление действия людей, предостерегает от того, что не следует делать. Наличие объективной необходимости сказывается сразу же при ее нарушении в виде того или иного хозяйственного ущерба.

Объективная возможность определяется новым типом производственных отношений, порождающих *новые силы общественного развития.*

Что это за силы? Для сравнения укажем, что каждый закон природы является законом, выражающим действие или взаимодействие определенных природных сил. Точно так же и экономические законы как законы развития производственных отношений отражают и включают в себя действие определенных сил, а именно общественных сил развития хозяйства. При капитализме это силы конкуренции и эксплуатации, силы борьбы противопоставленных друг другу классов, социальных групп и отдельных товаровладельцев. Коммунизм создает новые, более мощные и действенные силы общественного развития хозяйства — силы единства, организованности и дружественного сотрудничества производителей в общем деле. Основной экономический закон коммунистической формации отражает силу единства хозяйства, сотрудничества всех производителей ради единой цели. Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства отражает развитие силы согласованности и соразмерности трудовых усилий работников коллективного производства. Закон товарищеского соревнования отражает развитие мощной силы состязания работников коллективного производства в целях наилучшего развития общественного хозяйства. Закон распределения по труду отражает силу новой по своему характеру материальной заинтересованности работников в развитии общественного производства в их общих интересах. Каждую из этих сил можно измерить. Этим дается принципиальная возможность и необходимость применения математических методов в политической экономии и в руководстве хозяйством.

Используя экономические законы при социализме, люди направляют эти общественные силы на достижение поставленных ими целей. Именно в этом смысле говорит Ф. Энгельс об общественных силах, которые

подобно силам природы действуют слепо, «пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей» [1].

Следовательно, степень использования общественных сил может быть различной. Она может быть меньшей или большей в зависимости от глубины познания этой силы и способности людей направить ее на достижение своих целей. Значение научной формулы закона заключается в том, что она раскрывает природу определенной силы и является научной основой для использования этой силы людьми.

Итак, не умение «подчиняться законам», по своему усмотрению «ограничивать» или «усиливать» их, а умение считаться с объективной необходимостью, выбирать правильное направление действий и умение использовать в максимальной степени все объективные возможности на основе точного научного расчета — в этом состоит, по нашему мнению, существо использования экономических законов при социализме в руководстве хозяйством.

Разумеется, в зависимости от конкретных условий общество может одни возможности использовать в большей, а другие в меньшей степени, что составляет одну из важных черт хозяйственного маневра в широком смысле этого слова. Следовательно, общество может сознательно идти на большую или меньшую степень использования того или иного экономического закона, нажимая на ту или иную экономическую педаль с большей или меньшей силой.

В зависимости от степени познания законов и уровня хозяйственного руководства использование экономических законов может быть в большей или меньшей степени эмпирическим или научным. Чаще же всего руководство хозяйством сочетает в различной пропорции моменты и эмпирического и научного подхода. Очень важно и интересно установить путем конкретного исследования характер этой пропорции в различных случаях и ее влияние на эффективность руководства. Задача со-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 290.

стоит в том, чтобы повышать научный уровень руководства хозяйством, правильно используя накопленный опыт.

В зависимости от степени использования законов оно может быть более или менее полным, более или менее активным.

Одно дело, если люди, зная какой-либо закон, учитывают в своих поступках его наличие, его действие. К примеру, зная закон тяготения (степень знания может быть различной), люди остерегаются падать с большой высоты, чтобы не разбиться. Это случай простого учета закона или интуитивного приспособления к нему, не требующего от людей особых усилий. И другое дело, если люди ставят задачей использовать закон для достижения определенной цели, например тот же закон тяготения при расчете оптимальной трассы космического корабля или для приведения в действие электростанции силой падающей воды. В этом случае налицо более высокая ступень использования закона, его активное использование, которое требует от людей создания некоторых предварительных условий: проведения специальных расчетов, строительства плотин, создания особого оборудования и т. д. и т. п.

Это в полной мере относится и к экономическим законам. И здесь одно дело признание и учет закона, пассивное приспособление к нему и другое — его активное использование для достижения определенной цели (хотя граница между ними условна), например для усиления материального стимулирования, самодеятельности и инициативы коллективов, повышения производительности труда и эффективности общественного производства. Для этого приходится заранее принять необходимые меры и создать ряд условий. Это — более высокая ступень познания и овладения экономическим законом. Именно к этой ступени познания и использования законов относятся известные слова Ф. Энгельса о том, что с переходом к социализму «законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 294—295.

Ф. Энгельс в данном случае говорит о таком «подчинении» законов воле людей, которое означает их применение на практике с полным знанием дела для достижения определенных целей.

Учет и использование экономических законов при социализме имеют свои специфические особенности на различных ступенях хозяйственного руководства.

Так, на стадии *выработки планов развития народного хозяйства* на первое место выдвигаются определение основной задачи плана, рациональных пропорций в отраслевом и территориальном разрезах, а также установление наиболее рациональных темпов хозяйственного развития по годам. Это — весьма сложная задача, требующая учета многообразных факторов в их динамике, а следовательно, учета и использования всех экономических законов социализма в их взаимодействии как целостной системы.

Исходным пунктом формирования нового плана служит достигнутый в стране уровень развития экономики, науки и техники, наличие определенных материальных и людских ресурсов, международная и внутренняя обстановка. Учитывая эти объективные обстоятельства, руководящие органы партии и государства определяют на планируемый период задачи в области хозяйственного и культурного развития и намечают средства для их разрешения. Основные задачи плана обсуждаются на пленумах ЦК КПСС, в виде директив обсуждаются и утверждаются на съездах партии, на сессиях Верховного Совета СССР и получают затем силу закона. В директивах по составлению плана и в самом плане воплощается, таким образом, накопленный уровень научных знаний, коллективный опыт партии и всего народа.

В рамках научно обоснованного плана возможно значительное число вариантов достижения определенной цели. Перед работниками плановых органов стоит задача выбора наилучшего, или, как говорят, *оптимального*, варианта плана, учитывающего все объективные возможности, т. е. такое сочетание всех элементов, в том числе и во времени, которое обеспечивает наивысшую эффективность общественного производства. Оптимальное планирование является в настоящее время коренной проблемой в разработке теории планового руководства хозяйством под углом зрения наиболее полного ис-

пользования экономических законов на стадии планирования.

В плановой работе приходится учитывать действие не только экономических законов, но и других законов общественного развития, а также законов естествознания. Так, при составлении перспективного плана необходимо учитывать не только современный уровень развития техники, но и перспективы развития научно-технической революции. Учет возможных сдвигов в области техники необходим и при планировании роста производительности труда, и для правильного определения пропорций. Известно, какие существенные сдвиги в отраслевой структуре производства происходят в связи с возрастанием роли натурального газа или, скажем, пластических масс.

Всякое планирование производственной деятельности должно сообразовываться также с рядом *природных факторов*, особенно в добывающей промышленности и сельском хозяйстве.

Развитие социалистической промышленности и транспорта идет высокими темпами в соответствии с законом неуклонного роста производства. Сложнее обстоит дело в сельском хозяйстве, результаты производства в котором находятся еще в большой зависимости от природных условий. Учитывая эту особенность сельского хозяйства, планирующие органы должны принимать специальные меры, направленные на ослабление зависимости сельскохозяйственного производства от капризов природы. Такими мерами являются, например, развитие сельскохозяйственной мелиорации, применение минеральных удобрений, повышение культуры земледелия. Особое значение в этой связи приобретает проблема материальных резервов.

Свои особенности имеет проблема использования экономических законов на стадии выполнения плана. Если *составление* планов можно уподобить выработке хозяйственной *стратегии,* то *выполнение планов* требует от работников кроме понимания стратегического замысла *комплекса тактических приемов*, среди которых важное место занимают конкретизация плана и мобилизация всей массы работников на его выполнение.

Предприятие, обладая известной экономической самостоятельностью, вместе с тем является органической

частью всего народного хозяйства, действующей в рамках единого народнохозяйственного плана. План производства на предприятии как конкретизация задачи, поставленной перед данным коллективом, является исходным пунктом всей организации работы предприятия и превращается в большую мобилизующую силу. Но для того чтобы он сыграл эту свою роль, он должен быть доведен до каждого подразделения предприятия и даже до каждого работника, с тем чтобы труд каждого из них наглядно был показан как часть всего общественного труда. Таким образом, важнейшей задачей планирования на предприятии является *конкретизация принятого плана*. В этом своем новом качестве план является действенной силой, реальной основой для развертывания успешной творческой деятельности коллектива, в процессе которой выдвигаются новые нормы и новые методы труда и, следовательно, накапливаются новые качественные элементы в производстве.

На стадии выполнения плана особое значение приобретает повышение активности коллективов путем применения системы стимулирующих мероприятий, организационной и воспитательной работы, проводимой партийными организациями. Коммунисты и комсомольцы, как сознательный и активный авангард трудящихся, выступают в первых рядах новаторов и передовиков производства, показывая пример и увлекая за собой массы. Единство общественного хозяйства определяет единство коренных интересов производителей и, следовательно, внутреннее единство личных, коллективных и общественно-материальных и моральных стимулов. Отсюда необходимость умелого учета и использования всей системы стимулов в их единстве и нераздельности.

Для выполнения плана требуется расчет во времени, обеспечение соответствующей ритмичности производства и связанного с этим правильного соотношения различных цехов и подразделений предприятия, с одной стороны, и связанных между собой предприятий — с другой. Результаты хозяйственной деятельности зависят от того, как будет выполняться план отдельными предприятиями: рывками и штурмами или равномерно как

на протяжении месяца, так и года. В первом случае нарушается согласованность, синхронность в работе предприятий, дезорганизуется нормальный процесс производства, снижается его эффективность. В ритмичности производства проявляется использование закона планомерного, пропорционального развития в условиях выполнения плана.

В процессе выполнения плана хозяйственные руководители часто сталкиваются со сложной, быстро меняющейся обстановкой. В оперативном руководстве производством поэтому первостепенное значение приобретает своевременный учет меняющейся обстановки, т. е. то, что называется *хозяйственным маневром*. Сложность задачи в таких случаях заключается в том, чтобы при изменяющихся, иногда в худшую сторону, условиях, не предусмотренных планом, выполнить намеченные в плане показатели в установленные сроки.

В условиях капитализма хозяйственный маневр есть способ увеличения прибыли путем ухудшения положения рабочих, нажима на конкурентов или повышения цен на продукцию. В условиях же социализма хозяйственный маневр есть способ повышения эффективности общественного производства в общих интересах путем улучшения использования объективных условий, т. е. более полного познания и использования экономических законов.

Процесс выполнения плана есть вместе с тем лаборатория нового опыта, разработка и внедрение новых норм и методов труда, учет которых — обязательное условие составления новых планов. Составление и выполнение планов выступают, таким образом, как единый творческий процесс восхождения от низшего к высшему. Этот момент особенно важен в условиях, когда коллективу предприятия предоставляются возможности проявления инициативы в деле формирования плана предприятия, мобилизации резервов и использования в плане всех новаторских достижений работников. Сочетание творческой активности масс в процессе производства с их участием в составлении, формировании плана предприятия выступает как мощная общественная сила развития социалистического производства.

2. О движущих силах экономического развития и стимулах хозяйственной деятельности при социализме

В хозяйственном руководстве, особенно на стадии выполнения плана, большое значение приобретает мобилизация активности коллективов и отдельных тружеников путем применения системы стимулирующих мероприятий, построенной на учете свойственной социализму системы интересов (стимулов) и движущих сил экономического развития.

Движущие силы и стимулы хозяйственного развития — это одно из проявлений экономических законов в общественной деятельности людей. Движущие силы хозяйственного развития суть силы общественного развития хозяйства, заключенные в определенной системе отношений (и законов). Но это значит, что каждой формации свойственна своя особая система движущих сил и интересов (стимулов), которая отражает систему свойственных ей производственных отношений и законов. При капитализме важнейшей движущей силой и стимулом хозяйственного развития является погоня за прибылью. Это есть не что иное, как проявление основного экономического закона капитализма в деятельности хозяйствующего субъекта — капиталиста. В условиях же социализма складывается своя система движущих сил и стимулов, в корне отличающихся от капиталистических.

Серьезным препятствием на пути познания и правильной оценки этой новой системы движущих сил является охарактеризованная нами выше методологическая установка, трактующая проблему источников хозяйственного развития при социализме по полной аналогии с капитализмом и не признающая значения новых движущих сил. Из этой установки некоторые экономисты сделали вполне логичный вывод, сводящийся к тому, что при социализме важнейшей движущей силой и источником экономического развития является борьба производителей за больший доход, т. е. конкуренция.

В схеме В. А. Бадера конкуренция предприятий действует наряду с планом, борьба предприятий друг с другом за «выгодность» уживается с «общенародной выгодностью». В соответствии с этим автором делается

вывод о том, что регулятором развития социалистической экономики является закон стоимости, точнее говоря, выдвинутый самим В. А. Бадером некий новый закон эффективной стоимости [1].

Как должна действовать конкуренция при социализме, в каких пределах и направлениях, В. А. Бадер не рассматривает эти вопросы. Более определенную и детальную картину в этом отношении рисует Б. Ракитский. Прежде всего он со всей определенностью подчеркивает необходимость конкуренции при социализме. «Правда, — пишет он, — упоминание о конкуренции чаще всего ассоциируется у нас с капиталистической конкуренцией, приносящей огромный материальный и нравственный ущерб обществу. Здесь мы впадаем в ту же ошибку, в какую впадали, считая прибыль сугубо эксплуататорской, капиталистической категорией. Но если мы признаем социалистическое товарное производство, неизбежно надо признать и объективную необходимость конкуренции между социалистическими производителями» [2].

Необходимость конкуренции при социализме автор связывает с наличием товарного производства. Лишь в конкуренции видит он радикальное средство, обеспечивающее высокое качество продукции, нужный ассортимент изделий, заставляющее хозяйственников проявлять инициативу и предприимчивость, изучать спрос и использовать наиболее выгодные условия продажи с учетом ситуации на рынке.

Автор ограничивает конкуренцию рамками отрасли, заявляя, что «конкуренция при социализме является строго внутриотраслевой». Между предприятиями разных отраслей конкуренций нет, возможность ее устраняется централизованным планированием межотраслевых пропорций. Автор уверяет далее, что конкуренция при социализме может принести только пользу, это *здоровая конкуренция*. «Процветающей советской фирме, — пишет он, — нет смысла разорять, «пускать по миру» своего конкурента» и «незачем держать под замком производственные секреты, передовой опыт» [3].

Автор делает и некоторые важные практические выводы, например предлагает дать возможность предприятиям

[1] См. *В. А. Бадер.* Социалистический продукт, стр. 187.
[2] «Комсомольская правда», 19 октября 1966 г.
[3] Там же.

самим свободно устанавливать цены на продукцию в зависимости от спроса и предложения. Автор возражает против особого показателя по качеству и ассортименту, утверждая, что «он не обеспечивает необходимого разнообразия, гибкости». Радикальное средство для этого, по его мнению, — конкуренция, включая сюда и право свободного манипулирования ценами в обе стороны: «...цены должны колебаться в обе стороны. А когда и насколько, и в какую сторону, это должны решить между собою покупатель и поставщик».

Указанные положения автор развил в последующих выступлениях, в частности в брошюре, специально посвященной формам хозяйственного руководства предприятиями. Автор выступает здесь за полную самостоятельность предприятий, обосновывая для них, в частности, «свободный выбор партнера при гибкости цен». Он утверждает в связи с этим, что «функция регулирования обмена перестает быть функцией центральных органов», и высказывает свое недовольство тем, что «негибкое ценообразование и фондирование пресекают развитие внутриотраслевой конкуренции, глушат создаваемые ею импульсы для развития технического прогресса» [1].

А. М. Бирман, выступивший в «Литературной газете», основное внимание уделил «непреложности» действия механизма конкуренции. Он пишет: «Область хозяйственных отношений требует такого экономического механизма, который будет действовать объективно, независимо от того, насколько сознателен и добросовестен работник того или иного ведомства. Этот механизм должен быть непреложным, а последствия его нарушений — неотвратимыми. *Да, нужны экономические условия, которые оставляли бы предприятию лишь два пути: либо работай хорошо, либо закрывайся!*» [2]

А. М. Бирман прав в том смысле, что именно в охарактеризованной им *неотвратимости и непреложности* и выражается без всяких прикрас истинная сущность конкуренции как двигательной силы «саморегулирующегося» экономического механизма.

---

[1] *Б. В. Ракитский.* Формы хозяйственного руководства предприятиями. М., 1968, стр. 153, 176.

[2] «Литературная газета», 1967, № 2, стр. 10.

А. М. Бирман, как и некоторые другие защитники конкуренции, отталкивается от конкретного недостатка, а именно от отдельных случаев нереальных, несбалансированных планов. В этом он видит «живучесть волюнтаризма», а в механизме конкуренции — единственное средство борьбы против этого недостатка. Действенность этого механизма, по его мнению, обусловливается тем, что острие его направлено против коллектива предприятия. В случае если предприятие работает неудовлетворительно, против него предпринимаются санкции в виде задержки средств на выплату заработной платы. «Ведь при плохой работе, неумном руководстве ни банк, ни главк, ни министерство попросту не смогут, даже если бы и пожелали, гарантировать выдачу заработной платы. Отсюда и возникает экономическая неотвратимость такого планирования, при котором директор предприятия ни за что не согласится принять несбалансированный план» [1]. Автор, таким образом, считает, что только лишь дамоклов меч безработицы и снижение заработной платы могут обеспечить выработку обоснованных планов и их успешное выполнение.

Приведенных высказываний вполне достаточно, для того чтобы показать, что существует определенная концепция, согласно которой конкуренция является движущей силой социалистической экономики, без нее не могут быть успешно решены коренные задачи хозяйственного строительства: снижение затрат труда на единицу продукции, внедрение технического прогресса, повышение качества продукции, установление необходимого ассортимента изделий, успешное выполнение планов и даже их правильное определение.

Конкуренция действительно является важнейшей движущей силой экономического развития в условиях капитализма, притом не только домонополистического, но и современного монополистического капитализма. Господство монополий, конечно, ведет к изменению форм, приемов конкуренции, раздвигает ее масштабы, делая ее особенно разрушительной. Но конкуренция остается движущей силой экономического развития и при империализме.

Ф. Энгельс, как известно, непосредственно связывал конкуренцию с частной собственностью на средства про-

[1] «Литературная газета», 1967, № 2, стр. 10.

изводства. Еще в одном из первых своих произведений, в «Набросках к критике политической экономии», Ф. Энгельс дает развернутую характеристику конкуренции как специфического отношения (и закона) капитализма. Конкуренция, писал он, пронизала все жизненные отношения капиталистического общества и завершила взаимное порабощение, она подталкивает к деятельности «стареющий и дряхлеющий социальный порядок или, вернее, беспорядок, но который вместе с тем поглощает часть его слабеющих сил при каждом новом их напряжении» [1]. Говоря о будущем обществе, Ф. Энгельс указывал, что конкуренция здесь будет ликвидирована и заменена соревнованием, основанным на человеческой природе, соревнованием, «которое, с устранением противоположных интересов, будет ограничено присущей ему своеобразной и разумной сферой» [2].

В последующих своих произведениях Ф. Энгельс развивает эти положения. В предисловии к первому изданию «Нищеты философии» он пишет, что в современном капиталистическом обществе, где «каждый промышленный капиталист производит на свой риск и страх — что́, как и сколько хочет», производство направляется на требуемые предметы лишь путем конкуренции, которая «осуществляет такую организацию и такой порядок общественного производства, которые являются единственно возможными при данных обстоятельствах» [3].

Ф. Энгельс указывает, что при социализме конкуренция заменяется общественно-правомерным регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как всего общества, так и каждого его члена, тем самым устраняется громадное расточение производительных сил. «Анархия внутри общественного производства, — пишет он, — заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование» [4]. Ф. Энгельс разумеет здесь прежде всего борьбу людей друг с другом за кусок хлеба, в том числе и на рынке, т. е. конкуренцию. Ф. Энгельс видит решающее преимущество социализма как раз в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 570.
[2] Там же, стр. 562.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 189, 190.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 294.

том, что он объединяет ранее раздробленные, противопоставленные друг другу и борющиеся друг с другом силы в единую коллективную силу.

Не менее определенно Ф. Энгельс высказывается по данному вопросу в «Принципах коммунизма». Говоря о новом общественном строе, Ф. Энгельс пишет: «Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию» [1].

Позиция защиты конкуренции как движущей силы при социализме, занятая названными выше экономистами, очень напоминает позицию Прудона, подвергнутую решительной критике К. Марксом. Прудон, по характеристике К. Маркса, занял позицию «защиты вечной необходимости конкуренции против тех, которые хотят ее заменить *соревнованием*». Возражая Прудону, К. Маркс ставит вопрос: «Конкуренция есть соревнование ради прибыли. Необходимо ли, чтобы промышленное соревнование всегда являлось соревнованием ради прибыли, т. е. конкуренцией?» И отвечает: «Конкуренция есть торговое, а не промышленное соревнование... непосредственным предметом промышленного соревнования будет продукт, а не прибыль» [2].

К. Маркс указывает здесь на непосредственную связь конкуренции с борьбой за прибыль, с целью капиталистического производства, и отвергает эту борьбу для будущего общества, считая законом для него соревнование, предметом, целью которого будет продукт, т. е. общее благосостояние.

В. И. Ленин определяет конкуренцию как отношение обособленных производителей, работающих на общий рынок, когда «каждый стремится дороже продать, дешевле купить, и необходимым результатом является

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 329—330.
[2] Там же, стр. 161.

усиление сильного и падение слабого, обогащение меньшинства и разорение массы, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих... Обогащение немногих личностей и обнищание массы — таковы неизбежные следствия закона конкуренции»[1].

Следовательно, В. И. Ленин характеризует отношение (и закон) конкуренции как специфическое отношение (и специфический закон) капиталистического способа производства.

В своих последующих работах, особенно послеоктябрьского периода, В. И. Ленин проводит резкую грань между конкуренцией и соревнованием на социалистических началах.

Таким образом, В. И. Ленин противопоставляет соревнование на социалистических началах в общих интересах в хозяйстве, основанном на общественной собственности, и конкуренцию как борьбу обособленных собственников на рынке за больший доход, за «выгодность», развивающуюся всегда по принципу «кто — кого».

Излюбленным аргументом защитников конкуренции при социализме является ссылка на наличие товарного производства. Аргумент этот исходит из рассмотрения товарного производства при социализме по полной аналогии с капиталистическим. Между тем господство общественной собственности и коллективного труда на общую пользу коренным образом меняет условия товарного производства: вместо частных собственников, разъединенных и противопоставленных друг другу на рынке, вместо борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых при социализме возникает единство производителей, объединенных общей целью и общим интересом. Будучи включены в социалистическую систему отношений и подчинены им, товарно-денежные отношения теряют многие прежние черты и приобретают новые. Поскольку нет раздробленных частных собственников, производящих на свой страх и риск сколько кому вздумается, а есть объединенное хозяйство с единым планирующим центром, постольку нет и анархии производства, а товарно-денежные отношения включаются в систему планового хозяйства. Поскольку нет раздроблен-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 87, 91.

ных частных собственников, ведущих на рынке борьбу друг с другом не на жизнь, а на смерть за место в производстве и больший доход («выгодность»), а есть объединенные производители, преследующие общую цель, постольку нет и не может быть конкуренции между производителями и эксплуатации одними других, а есть планомерное товарищеское сотрудничество объединенных производителей, стремящихся к обеспечению общего благосостояния. Товарно-денежные отношения, включаясь в эту новую систему отношений, используются не для разъединения производителей и усиления их взаимной борьбы, а для укрепления и расширения их сотрудничества в общем деле развития всего общественного хозяйства. Поскольку рабочая сила при социализме не является товаром, постольку отсутствует рынок труда, а стало быть, и конкуренция между рабочими за более выгодную продажу рабочей силы и за рабочее место как средство существования.

Конкуренция не только не является неизбежной, она не является и необходимой при социализме.

Некоторые экономисты вроде Б. Ракитского уверяют в том, что конкуренция при социализме теряет свои отрицательные черты и, наоборот, приобретает положительные. Б. Ракитский считает, во-первых, что это конкуренция лишь внутриотраслевая, поскольку сама возможность межотраслевой конкуренции устранена централизованным планированием отраслевых пропорций, во-вторых, что это конкуренция здоровая, не приносящая ущерба и не ведущая к разорению отстающих предприятий, поскольку в плановом хозяйстве обеспечен сбыт продукции всех предприятий. Но автор здесь явно не связывает концы с концами, ибо если пропорции, устанавливаемые централизованным планированием между отраслями, устраняют возможность межотраслевой конкуренции, то с тем же правом можно ожидать, что правильно рассчитанные пропорции между спросом и производством устранят возможность конкуренции между предприятиями одной и той же отрасли.

Для того чтобы конкуренция стала фактом в социалистическом хозяйстве, нужно было бы наряду с предоставлением предприятиям «полной самостоятельности», т. е. ликвидацией централизованного планового руководства, создавать излишние по сравнению с реальным

спросом производственные мощности в каждой отрасли. То, что можно установить прямым путем — путем научного расчета (а именно наличие необходимых мощностей и их соответствие с потребностями) конкуренция установила бы окольным путем. Но это был бы очень дорогой путь.

Вместе с тем сама мысль о «здоровой» или «нездоровой» конкуренции есть не что иное, как перепев прудоновских представлений на сей счет. Конкуренция имеет свою собственную логику развития. Конкуренция при социализме (при создании соответствующих «экономических условий», как этого требует А. М. Бирман) неизбежно означала бы развязывание рыночной стихии, ослабление централизованного планирования, обострение борьбы предприятий на рынке вплоть до «банкротства» и закрытия отдельных предприятий, образование безработицы, нарушение принципа всеобщности труда и оплаты по труду. Острая борьба предприятий на рынке неизбежно порождает их стремление «держать под замком производственные секреты, передовой опыт». А. Бирман в этом отношении более четко и последовательно представляет себе действие механизма конкуренции. Да кроме того, мы имеем уже и достаточно убедительные примеры действия этого механизма. Уже одно это, казалось бы, должно было охладить пыл наших защитников конкуренции.

Защитники конкуренции как движущей силы экономического развития при социализме исходят из представления о движущих силах лишь как о силах внутриобщественной борьбы и противоречий. Но при социализме, в условиях общественной собственности на средства производства и объединения всего хозяйства в единый организм, ликвидируются основы конкуренции и возникают новые могучие движущие силы — силы единства и сотрудничества ради общей для всех цели. К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя коммунистическое общество, подчеркивали, что его отличительной чертой является объединение (ассоциация) членов общества как свободных и равных производителей. При социализме единая для всех цель производства объединяет всех производителей и может быть реализована лишь в процессе их дружественного сотрудничества. Это новое отношение по производству является мощной двигательной силой,

значение которой доказано всей историей развития социалистической экономики.

При господстве конкуренции и эксплуатации выигрывает всегда одна сторона — сильнейшая и проигрывает другая сторона — слабейшая. Общий результат развития хозяйства получается от сложения суммы проигрышей и выигрышей. При социализме от сотрудничества ради единой цели выигрывают все участники производства и общий итог развития хозяйства является результатом помножения усилий, действующих в одном направлении.

Внутреннее единство всего хозяйства, сотрудничество миллионов людей ради единой цели требуют согласованного функционирования всех частей, всех звеньев народнохозяйственного организма, всех отрядов производителей. Отсюда необходимость «безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей» [1].

Согласование всех частей хозяйства получает свое выражение в хозяйственном плане. Общехозяйственный план как конкретизация единой цели производства и выражение единства хозяйства есть также новая могучая движущая сила социалистической экономики.

Социалистическое планирование дает возможность научного расчета пропорций и темпов развития народного хозяйства как в отраслевом, так и в районном разрезе, возможность наиболее целесообразной увязки отраслей и определения места предприятия в системе всего хозяйства.

Сторонники внедрения конкуренции и стихийных сил рынка в экономику социализма обычно в своих рассуждениях отправляются от каких-либо конкретных недостатков: несбалансированности и необоснованности планов, неудовлетворительности ассортимента и недостаточно высокого качества продукции, медленного снижения затрат на производство продукции и т. д. и т. п. Но ошибки и недостатки планов и планового руководства хозяйством не могут служить аргументом для дискредитации и фактической ликвидации планирования вообще. Единственно правильным и логическим выводом из анализа недостатков планирования является вы-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 200.

вод о необходимости совершенствовать планирование, а не заменять его стихийной игрой на рынке. Наивно и смешно выглядит попытка изобразить конкуренцию и стихию рынка как патентованное средство для... совершенствования планов, повышения их сбалансированности и реальности.

Развертывая инициативу предприятий и повышая их роль в мобилизации резервов, необходимо — и это подтверждается задачами и ходом осуществления реформы — укреплять централизованное планирование, повышать его научную обоснованность. Тезис же о том, что предприятию всегда «лучше видно», чем центральным органам, какую продукцию оно должно производить, с какими техническими средствами и с какими затратами, как и где эту продукцию реализовать, столь же надуман и тенденциозен, сколь и несостоятелен. На современной стадии развития крупного производства ни одно предприятие в отдельности не в состоянии так определить свое место в народнохозяйственном организме, направление своего развития, размеры и ассортимент выпускаемой продукции и прочее, как это могут сделать центральные органы, обладающие всей полнотой экономической информации и соответствующей научно-исследовательской базой. Это относится не только к перспективному, но и к текущему планированию, в том числе и к процессу выполнения плана. Центральные органы совместно с руководством предприятия имеют возможность вовремя учитывать возникающие трудности и принимать меры к их преодолению.

Народнохозяйственный план, конкретизируя единую цель производства и выражая единство трудовых усилий миллионов людей, является величайшим стимулом, могучей организующей и мобилизующей силой. На эту сторону плана неоднократно указывал В. И. Ленин, подчеркивая необходимость и важность как текущего, так и перспективного планирования. Нужно, говорил он, «уметь соединять и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех»[1]. Значение планов, рассчитанных на длительный период, заключается в том, что они дают

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 153—154.

массам перспективу, направляют и организуют их усилия вокруг основных задач, воодушевляют их.

Эта мысль В. И. Ленина нашла свое полное подтверждение в процессе выполнения плана ГОЭЛРО, предвоенных и послевоенных пятилетних планов.

Превращение всего хозяйства в единый организм с единой целью производства означает возникновение нового, невиданного при капитализме стимула хозяйственной деятельности — *общественно-материального,* являющегося также мощной двигательной силой. Это тот самый стимул, который побуждает людей проявлять заботу «об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик» [1].

Экономисты, ратующие за конкуренцию и стихию при социализме, расценивают идею общественно-материального (общенародного) стимула как пустую абстракцию, или досужий домысел, призванный приукрашивать действительность. В качестве единственного стимула при социализме они признают лишь личную материальную заинтересованность в ее «чистом» виде. Эта позиция откровенно выражена Б. В. Ракитским, который пишет, например, что «действия отдельных людей исходят в первую очередь из личного материального интереса, в котором фактическое экономическое неравенство отражается непосредственно. Что же касается общественного материального интереса, то на деятельность личности он не оказывает непосредственного влияния как экономический фактор» [2].

В приведенном заявлении отчетливо сказывается влияние методологической установки, согласно которой именно экономическое неравенство и борьба между членами общества за личное благосостояние каждого есть движущий мотив развития социалистического производства. Указанная абсолютизация личного материального

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 22.

[2] *Б. В. Ракитский.* Формы хозяйственного руководства предприятиями, стр. 9.

интереса в действительности представляет собой не что иное, как перенесение конкуренции в отношения между работниками предприятия, трактовку этих отношений в духе борьбы за место работы и больший заработок.

Но действительность социализма сложнее и выше этой схемы. Общественно-материальный интерес (и стимул) — это не абстракция и не доброе пожелание, а вполне реальный интерес, наполненный экономическим содержанием, связанным с единством цели и единством действий производителей. Этот интерес оказывает мощное непосредственное воздействие на развитие социалистического производства и реальное значение его доказано всей историей развития социалистической экономики в СССР.

Но чем выше ступень интереса (и стимула), тем в большей степени эффективность его использования зависит от уровня его осознания массами трудящихся. В. И. Ленин писал: «...чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов» [1].

Таким образом, производители при социализме сознательно добиваются осуществления общих и долгосрочных целей и, чем более они осознают общий интерес, тем больше повышается эффективность их объединенных действий, тем больше стимул (интерес) общественно-материальный выступает как стимул общественно-моральный. Не случайно проповедники конкуренции объявили поход «против инфляции морального фактора» и стремятся изгнать этот фактор из социалистической экономики.

Одним из выражений общего интереса и осознания его является то пристальное внимание к вопросам производства, которое проявляется при социализме органами общественного мнения: печатью, радио, телевидением, художественной литературой и т. д. В обществе, разделенном перегородками частной собственности, это представляется несовместимым с принципами частного хозяйствования. В обществе социалистическом дело хозяйства — общее дело всего народа.

---

[1] *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140.

Мощными стимулами развития производства при социализме являются стимулы личной и коллективной материальной заинтересованности. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал значение личной материальной заинтересованности, личного интереса в условиях социализма. «... Надо построить всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности...»[1] — писал он. Высокопроизводительный труд при социализме должен, по мысли Ленина, соответственно оцениваться и вознаграждаться. Социалистическое государство, говорил он, «не только убеждает, но и вознаграждает хороших работников лучшими условиями жизни... и, чтобы понять это, не нужно быть социалистом...»[2]. Недооценка личной материальной заинтересованности может принести большие потери народному хозяйству.

Вместе с тем личный и коллективный материальный интерес при социализме нельзя трактовать в духе частной наживы, погони за большей долей дохода на рынке. Личный интерес при социализме связан с общественным хозяйством, он несет на себе большую общественную нагрузку. Доход, получаемый по труду, — это не только часть национального дохода, распределяемая в соответствии с результатами труда каждого, но и признание, оценка со стороны общества трудового вклада каждого в общественное производство.

Поэтому стимулирующая роль материального вознаграждения при социализме (в том числе и премиального) тем значительнее (а иногда и сказывается лишь при том условии), чем больше оно связано со знаками общественного внимания и признания, т. е. с общественно-моральными формами поощрения. Практика выдвинула большой и разнообразный арсенал форм общественно-морального поощрения. Но применяются эти формы не всегда с учетом конкретных условий, а иногда встречаются случаи их явной недооценки[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 165.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 151.

[3] Передовые рабочие настойчиво подчеркивают значение моральных форм поощрения. Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей Ангарского нефтехимического комбината В. Говорин пишет: «Обидно, что мы забыли многие формы морального поощрения, выработанные в годы первых пятилеток. Теперь, пожалуй,

Одним словом, личный материальный интерес производителя при социализме реализуется в рамках общего интереса. Стимул общественно-материальный не подменяет, не заменяет и не отрицает наличия личного и коллективного стимула, но он является ведущим и общим для всех. Отсюда необходимость, подчеркнутая в Программе КПСС, использовать всю систему стимулирования в комплексе, в правильном сочетании при ведущем значении общенародного интереса.

Новый характер стимулов к труду, а также внутриобщественных противоречий и их значение для развития социалистической экономики наиболее выпукло отражается в трудовом соревновании объединенных производителей.

Было и есть немало попыток извратить природу соревнования, изобразить его по трафарету старого общества: или в виде принудительного труда или в виде конкуренции. В данном случае имеет место или сознательное извращение действительности, или недомыслие, проистекающее из инертности мышления.

Поиски экономического содержания соревнования, которые предпринимаются некоторыми экономистами, можно было бы лишь приветствовать. Но, к сожалению, они идут часто по ложному пути — по пути трактовки этого экономического содержания в аспекте товарно-

---

только в кино да из книг узнаешь, как встречали, например, шахтеров-стахановцев. Поднимались они после рекорда из забоев и попадали в объятия родных. Гремела музыка, им оказывался, что называется, всенародный почет и уважение.

Чем брала такая форма поощрения, в чем ее сила? По-моему, в том, прежде всего, что она тут же, сразу после замечательного события, не дожидаясь очередного собрания или праздника, выражает, причем в торжественной обстановке, дань общественного признания героям трудового подвига» («Известия», 26 декабря 1966 г.). О том же примерно пишет токарь Сумского машиностроительного завода имени Фрунзе М. Дербилов: «В нашем цехе, да и не только в нашем, рабочий не жалуется на заработки. Так что рублем не всегда поднимешь заинтересованность человека. Да еще если премиальный рубль просто причисляется к зарплате и выдается вместе с ней из окошечка заводской кассы. Мне, рабочему, важно и внимание, и слово благодарности.

Вот и думаю, почему бы те же премиальные не выдавать в торжественной обстановке, пригласив и членов семьи. Пусть все знают, кто и за что поощряется. Приятно рабочему слышать свое имя на таком торжестве, приятно его семье» («Правда Украины», 16 сентября 1969 г.).

денежных отношений. Нет сомнения в том, что на первой фазе коммунизма соревнование, равно как и другие отношения, связаны и взаимодействуют с товарно-денежными. Но экономическую природу соревнования надо искать не в других отношениях, связанных с ним, к тому же общих для многих формаций, а в нем самом, как специфическом, свойственном обеим фазам, т. е. общекоммунистическом, производственном отношении.

Процесс соревнования есть действительно процесс борьбы, но в новом ее виде: это состязание, но не частных производителей за кусок хлеба, за место работы, за место на рынке, а объединенных производителей за лучшее выполнение общей задачи в общих интересах. Опыт показал, что подобного рода борьба, новая по своей природе, является более мощной двигательной силой, чем сила конкуренции.

В этих условиях противоречия и борьба как внутренний источник, движущая сила экономического развития изменяют свой характер. Они протекают здесь на основе и в рамках единства, и их разрешение должно вести к укреплению внутреннего единства и силы социалистической экономики, иначе говоря, это есть борьба за наилучшие пути достижения единой общей цели.

Единство всего народного хозяйства и план как его выражение — не статическое состояние, а процесс борьбы против несогласованности, неувязок, элементов стихийности, разрозненности, индивидуализма и обособленности, унаследованных от прошлого. Стало быть, главная линия борьбы здесь — это линия борьбы нового со старым. Но эта борьба при социализме есть в основе своей борьба единства и планомерности против разрозненности и стихийности. В процессе ее должны укрепляться внутреннее единство и развиваться планомерность экономики.

Относительная самостоятельность предприятия — этой основной ячейки социалистического производства, имея в своей основе относительную техническую обособленность, связанную с данным уровнем производительных сил, осуществляется в системе единого народнохозяйственного организма, а труд коллектива предприятия является составной частью всего объединенного народ-

ного труда. Степень оперативной самостоятельности предприятия не может устанавливаться произвольно, а тем более вне общего плана, по образу и подобию частного хозяйства.

Оперативная самостоятельность социалистического предприятия имеет целью открыть простор для инициативы и самодеятельности, для лучшего выполнения поставленной перед ним задачи, а не для того, чтобы действовать по принципу: «что хочу, то и делаю».

3. Роль субъективного фактора в функционировании народнохозяйственного организма

Социализм впервые в истории разрушает перегородки частной собственности между отдельными предприятиями, объединениями и отраслями, объединяет все народное хозяйство, подчиняя его функционирование единой цели, и организует управление им из единого центра. В этих условиях всякий недочет, равно как и всякий прогрессивный шаг в руководстве хозяйством, теперь помножается на огромные масштабы хозяйства, усиливает или ослабляет эффективность всего народнохозяйственного организма. Вопросы хозяйственного управления приобретают при социализме общенародный интерес, привлекают внимание самих широких кругов и органов печати. Актуальность этих вопросов возрастает вместе с увеличением масштабов хозяйства, повышением его технической вооруженности, усложнением хозяйственных связей и выдвижением новых сложных задач. Основное внимание в развернувшемся обсуждении как раз и уделяется вопросу о том, как сделать систему хозяйственного руководства наиболее гибкой, квалифицированной и эффективной.

Действие объективного механизма функционирования хозяйственной системы вовсе не исключает огромной роли субъективного фактора. Роль этого фактора велика и в условиях «автоматически», т. е. стихийно, развивающегося хозяйства, например при капитализме. Мнение о том, будто при конкуренции положение руководителей облегчается, а механизм конкуренции автоматически берет на себя львиную долю хлопот и делает

все в наилучшем виде, по меньшей мере наивно. От руководителей капиталистических фирм в условиях конкуренции требуется величайшее напряжение сил для того, чтобы побить конкурента или хотя бы просто выстоять в этой борьбе. Понятно, что значительная затрата сил и средств идет в этих условиях впустую, что отражается на эффективности хозяйства при капитализме.

При социализме роль субъективного фактора, прежде всего хозяйственного руководства, возрастает в очень большой степени.

В. И. Ленин подчеркивал ответственность руководителей «за функционирование всего хозяйственного организма в целом»[1]. Это определяется изменением самой природы хозяйства, что в свою очередь ведет к изменению роли и положения в обществе руководителей хозяйства, которые борются не друг против друга за место под солнцем, а в единой шеренге за общие интересы, выраженные в плане. В соответствии с этим расширяется сфера воздействия хозяйственного руководства и возрастает его эффективность. Каждый шаг хозяйственного руководства данной фирмы при капитализме встречает противоборство других фирм. Каждый положительный шаг хозяйственного руководителя любого ранга при социализме помножается на усилия других руководителей и масштабы всего хозяйства. Но и ошибка хозяйственного руководителя в этих условиях имеет также более серьезные последствия.

Эффективность хозяйственного руководства при социализме, при прочих равных условиях, зависит от того, насколько оно научно обосновано, т. е. в конечном счете от степени познания и использования экономических и других законов общественного развития в руководстве хозяйством (а также законов природы). Экономические законы определяют направление хозяйственной деятельности и объективные возможности для нее. Что же касается конкретного хода хозяйства и результатов хозяйственной деятельности, они в очень широких пределах зависят от субъективного фактора, т. е. прежде всего от умения руководства правильно использовать объективные условия для достижения поставленных целей.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 158.

Для нормального функционирования социалистического народнохозяйственного организма требуется прежде всего точный научный расчет всех хозяйственных компонентов как во времени, так и в пространстве, как в отраслевом, так и в районном разрезе, строгое согласование различных его частей. Народнохозяйственный план есть, таким образом, обязательное условие нормального функционирования социалистической хозяйственной системы. План есть сгусток коллективного разума, коллективной воли. Поэтому он играет роль коллективного организатора и стимула. Отсюда ясно, как велико значение качества плана, т. е. его обоснованности, взаимоувязки всех частей, степени разработки, стабильности и своевременности. Но обеспечить это высокое качество плана можно лишь путем повышения научного уровня планирования, а не путем развязывания конкуренции и стихии рынка.

Недочеты плана проявляются в процессе его выполнения в виде неувязок и диспропорций, нарушающих нормальный ход хозяйственной жизни. При этом нарушение какого-либо одного звена сказывается сразу же на всех или многих звеньях цепи. Кроме того, всякая ошибка, всякое нарушение в хозяйстве имеет тенденцию овеществляться и тем самым превращаться в фактор длительного действия. Например, неправильное географическое размещение новых предприятий какой-либо отрасли будет вызывать излишне дальние перевозки продукции.

Некоторые недочеты плана проявляются сразу же в процессе его выполнения в тех или иных отрицательных явлениях на рынке. Например, нарушение нормального соотношения платежеспособного спроса и предложения товаров сразу же ведет к напряжению на рынке, к возникновению очередей, возрождению спекуляции, повышению цен на колхозном рынке и прочее, а также к изменению нормальной связи между количеством и качеством продукции.

Подобного рода нарушения могут быть легко устранены при помощи мер оперативного планирования, скажем, путем выпуска на рынок дополнительных масс товаров из резерва, увеличения их производства сверх плана, иногда путем повышения цен и др. Если же указанные нарушения вовремя не устраняются и приобре-

тают устойчивый, длительный характер, они могут привести к серьезным последствиям.

От руководителей отдельных предприятий и фирм кроме понимания общего замысла плана и места своего предприятия в нем требуется правильное использование ряда рычагов для мобилизации и организации коллективов на успешное выполнение поставленной перед ними задачи. Сюда относится умелое использование всей системы стимулов в их сочетании, развитие подлинного соревнования на социалистических началах, умелое планирование и организация производства.

От хозяйственного руководителя в процессе выполнения плана требуется высокая подвижность, инициатива, предприимчивость. Только лишь при социализме открывается истинная возможность (и необходимость) проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости. Если бы это было иначе, то не сумела бы наша страна создать такой мощный отряд выдающихся хозяйственных руководителей и не могла бы советская экономика развиваться столь высокими, недостижимыми для капитализма темпами.

Единый народнохозяйственный план, который толкуется буржуазной пропагандой как нечто исключающее самодеятельность и инициативу хозяйственника и всех производителей, в действительности есть непременное условие для подлинного развития инициативы масс и хозяйственного руководства.

Повышение роли субъективного фактора в общественном развитии означает в первую очередь повышение руководящей роли партии как ведущей силы социалистического общества. Руководящая роль партии — высшая форма проявления сознательного начала в общественном развитии, в том числе в развитии социалистической экономики.

Повышение роли субъективного фактора в хозяйственной жизни означает также повышение роли масс в развитии производства, их сознательности, организованности, дисциплины. Процесс выполнения плана есть лаборатория нового опыта, новых методов и форм организации труда, учет которых — обязательное условие формирования новых планов. Эта смычка творческой активности масс в процессе производства с формированием

плана является мощной силой, раскрывающей резервы социалистического производства.

Использование экономических законов при социализме нельзя ограничивать лишь кругом хозяйственных руководителей. В условиях социализма понятие хозяйствующего субъекта по необходимости расширяется. Л. И. Брежнев в речи на XV съезде ВЛКСМ говорил: «Ошибочно думать, будто с экономическими законами имеют дело только большие ученые и руководители. Эти законы, если их понять правильно, диктуют логику поведения не только администратору, инженеру, ученому, технику, но и каждому рядовому рабочему, колхознику»[1].

Из сказанного вытекает тот вывод, что использование экономических законов при социализме нельзя ограничивать лишь учетом их при выработке основных направлений экономической политики, как это иногда утверждается. Использование экономических законов требуется на всех ступенях хозяйственного руководства и хозяйственного строительства, включая и процесс выполнения плана. В связи с этим понятие субъекта, использующего законы, должно быть расширено. Коллективному характеру производства соответствует и коллективный характер руководства производством, коллективный характер познания и использования законов.

В третьем томе «Капитала» К. Маркс, отмечая особенности познания и использования экономических законов в условиях нового общественного строя, формулирует знаменитое положение о *коллективном разуме*, постигающем законы и на этой основе подчиняющем процесс производства общему контролю объединенных производителей[2]. Понятие коллективного разума по необходимости должно включать в себя высшие партийные и государственные учреждения, определяющие основы экономической политики и вырабатывающие перспективные планы, науку, научные учреждения, аппарат руководства хозяйством сверху донизу, а также непосредственных производителей материальных благ.

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Речь на XV съезде ВЛКСМ. М., 1966, стр. 8.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 282.

В свете положения К. Маркса о коллективности как основе социалистического производства и коллективном разуме, познающем и использующем в общих интересах экономические законы, следует рассмотреть и вопрос о нарушениях требований законов и исправлении этих нарушений. В тех случаях, когда отношения коллективности недостаточно развиты или недостаточно используются руководством предприятия, нарушения требований законов могут иметь серьезные последствия в виде резкого понижения заинтересованности работников, массовой текучести, понижения или торможения роста производительности труда и т. д.

Если же отношения коллективизма достаточно развиты и достаточно используются, тогда даже малейшее нарушение законов, малейшая неполадка в производстве сразу же привлекают внимание коллектива и через десятки каналов (личные контакты, партийную, профсоюзную, комсомольскую организации, заводскую печать и различные собрания) становятся широко известными и могут исправляться на ходу, без серьезных последствий. Следовательно, коренным условием нормальной деятельности социалистического коллектива является дружная, согласованная работа всех его звеньев, и прежде всего руководящего состава и основной массы работников.

Отсюда следуют важные выводы и для науки и для практики. Наука, как высшая ступень в процессе коллективного познания действительности, не может изолировать себя от других сторон и ступеней этого познания. Истинная наука может расцветать лишь на основе собирания, изучения и обобщения громадного опыта непосредственных производителей, опыта повседневного руководства хозяйством. Наука есть обобщение коллективного опыта. Экономическая наука при социализме есть обобщение коллективного опыта производителей, действующих на основе коллективного производства. В основе ее успеха лежат высокие принципы коллективности и товарищества.

В условиях коллективного производства хозяйственный руководитель не может полагаться лишь на интуицию и эмпирическое приспособление к обстоятельствам. Сама природа хозяйства требует от него научных зна-

ний, и в первую очередь знаний природы хозяйства и законов его развития.

Новые требования, предъявляемые к хозяйственному руководству, повышают значение пропаганды экономических знаний, особенно же экономической подготовки хозяйственных и инженерно-технических работников. Значение этой работы повышается по мере повышения активности и оперативной самостоятельности производственных коллективов.

Большие выводы следуют и в отношении экономического воспитания и просвещения всей массы производителей. Успехи хозяйственного строительства в условиях социализма находятся в непосредственной зависимости от уровня развития производителей, в частности от уровня их вооруженности экономическими знаниями.

Познание и использование экономических законов — это общая задача как научных, так и партийных, хозяйственных работников. Хозяйственные руководители должны в большей степени считаться с выводами теории, использовать их, а также опыт и знания теоретических кадров. В то же время научные работники в ходе теоретического исследования не могут не учитывать того богатого опыта, который накоплен хозяйственными руководителями. Дальнейшее развитие экономической теории — это общее дело экономистов-теоретиков, партийных и хозяйственных работников. В их тесном сотрудничестве залог успеха как теории, так и практики.

Наука в социалистическом обществе, в том числе и экономическая, все более превращается в мощную производительную силу. В основе этого лежит познание и все более полное использование в наших целях объективных законов естествознания и обществоведения. Познание этих законов увеличивает власть человека над силами природы и общественного развития. И могущество человека может быть достигнуто не на пути игнорирования и «отмены», а на пути все более полного познания и все более активного использования объективных законов природы и общества.

В письме к Джорджу Уильяму Ламплу Ф. Энгельс писал: «Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность со-

знательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели»[1]. Ф. Энгельс здесь органически увязал повышение роли сознания, субъективного фактора с коренным изменением способа производства, основой которого является теперь единство производителей, единство их коллективных действий ради достижения общей цели.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 55—56.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Глава первая **Марксистско-ленинская политическая экономия и строительство коммунизма** 3

1. Значение науки в развитии общества . . . . —
2. Основные тенденции развития науки 8
3. Значение общественных наук. Политическая экономия — научная основа руководства хозяйством 17

Глава вторая **Предмет политической экономии** 24

1. Классики марксизма-ленинизма о предмете политической экономии . . . . . —
2. Производительные силы, производственные отношения и надстройка 28
3. Исторические рамки политической экономии. Политическая экономия социализма как теоретическая наука 37
4. Познание экономических законов — задача политической экономии 48

Глава третья **Вопросы метода научного исследования** . . . 58

1. Метод материалистической диалектики в политической экономии социализма. Теория развития . . . . . —
2. Источники экономического развития при социализме 66
3. Ступени познания экономических отношений 78
4. Научная гипотеза в экономической теории . . 87

РАЗДЕЛ II. СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

Глава четвертая **Элементы системы производственных отношений социализма** 96

1. К истории вопроса . . . . . —
2. Собственность как экономическая категория 100
3. Некоторые методологические принципы анализа системы производственных отношений при социализме 104

Глава пятая **Основное производственное отношение коммунистической формации** 117

1. Какое же производственное отношение является основным при социализме . . . . . —

2. О формуле основного производственного отношения коммунистической формации . . . 130
3. Основные формы и направление развития основного производственного отношения коммунистической формации 145

Глава шестая **Коллективность — основа социалистической экономики** 153
1. К дискуссии об исходном производственном отношении при социализме . . . . . —
2. Классики марксизма-ленинизма о коллективности как основе социалистического производства 161
3. Коллективность как всеобщая основа производственных отношений при социализме . . 171

Глава седьмая **Природа и взаимосвязи отдельных производственных отношений при социализме** 181
1. Отношение планомерности как специфическое отношение коллективного производства . . . —
2. Отношение товарищеского соревнования . . . 186
3. Отношения по распределению продукта труда 193
4. Товарно-денежные отношения в условиях социализма 203

РАЗДЕЛ III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ СОЦИАЛИЗМА

Глава восьмая **Характер экономических законов социализма** 221
1. Экономические законы социализма как законы коллективного производства . . . . . —
2. Объективный характер экономических законов социализма 225
3. Законы-тенденции и законы абсолютные . . 231

Глава девятая **Основной экономический закон коммунистической формации** 238
1. О правомерности категории «основной экономический закон формации» . . . . . —
2. Расширительная трактовка содержания закона 243
3. Цель производства, ее трактовка и место в формулировке основного экономического закона 248
4. Значение правильной трактовки основного производственного отношения формации 252
5. Основное производственное отношение коммунистической формации и его вещное выражение 257

Глава десятая **К вопросу о системе экономических законов социализма** 264
1. Некоторые исходные положения для анализа системы экономических законов . . . . . —

2. Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства 272
3. Закон товарищеского соревнования 279
4. Экономические законы распределения предметов потребления 287
5. Политическая экономия и математика . . . 300

Глава одиннадцатая **Познание и использование экономических законов — научная основа руководства хозяйством** 310

1. Содержание и формы использования экономических законов . . . . . —
2. О движущих силах экономического развития и стимулах хозяйственной деятельности при социализме 323
3. Роль субъективного фактора в функционировании народнохозяйственного организма . . 339

Кузьминов И. И.

К 89 Очерки политической экономии социализма. Вопросы методологии. М., «Мысль», 1971.

349 с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра экон. наук).

Работа посвящена коренным проблемам политической экономии социализма. В ней исследуются предмет политической экономии, основное производственное отношение и система производственных отношений социализма, процессы познания и использования экономических законов социализма, системы экономических законов и категорий и т. д.

1-7-4 33.043

6-71

Кузьминов, Иван Иванович

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Редактор **И. Н. Симакина**
Младший редактор **З. Г. Луппова**
Оформление художника **В. Ф. Найденко**
Художественный редактор **Н. В. Илларионова**
Технический редактор **Т. Г. Усачёва**
Корректор **Л. П. Самсонова**

Сдано в набор 3 ноября 1970 г. Подписано в печать 5 февраля 1971 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. № 2. Условных печатных листов 18,48. Учетно-издательских листов 18,96. Тираж 50 000 экз. А03558. Зак. № 1459. Цена 1 р. 35 к.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ В 1971 г.
СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ
ПО ЭКОНОМИКЕ СОЦИАЛИЗМА:**

Жамин В. А. **Наука и экономика социализма.** 15 л., 1 р. 10 к.

Автор, доктор экономических наук, в своей книге анализирует взаимосвязь науки, техники и экономики, показывает основные предпосылки научно-технической революции в СССР, раскрывает ее важнейшие черты, пути превращения науки в непосредственно производительную силу общества. В работе исследуется влияние научно-технического прогресса на общественное производство, на возникновение и развитие его новых, прогрессивных отраслей. Особое внимание уделяется роли науки в развитии энергетики, осуществлении автоматизации производства, развитии химической промышленности.

План 1971 г. № 3.

«Экономические законы социализма и хозяйственное руководство». Под ред. И. И. Кузьминова. 20 л., 1 р. 40 к.

Настоящая работа посвящена главным образом методологическим проблемам познания и использования экономических законов социализма, выяснению особенностей их проявления в различных областях хозяйственного руководства (перспективное планирование в рамках предприятий и т. п.). Большое место в книге занимает проблема использования экономических законов социализма в практике управления хозяйством. Ряд положений, выдвигаемых в работе, носит дискуссионный, полемический характер.

План 1971 г. № 18.